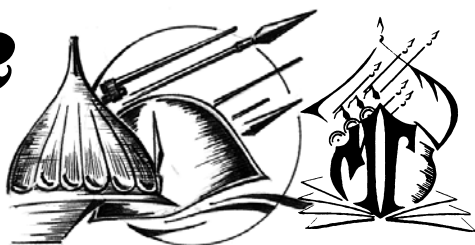

Россия, Русь! Храни себя, храни!

1-2
2019

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Вирус расчеловечивания	3
Мария ИВАНОВА. Ельцин Центр: бомба замедленного действия	9
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Своим чередом	72
Анна РЕВЯКИНА. Дагестан Расула Гамзатова	120
Олег ЛУРЬЕ. Теракт, которого не было	146

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Герань в распахнутом окне. Роман	17
Алексий ЛИШНЯК. Короткие рассказы	82
Павел КРЕНЁВ. Художник. Рассказ	129

ПОЭЗИЯ

Евгений СЕМИЧЕВ. В Господней Вселенной. Стихи	65
Николай АЛЕШКОВ. Ковчег. Поэма	113
Анастасия УСТИНОВА. Волшебная юдоль. Стихи	142
Стихи поэтов Крыма	158

СИМВОЛ ВЕРЫ

Павел ВАСИЛЬЕВ-ЕФРЕМОВ. **Вокзал для двоих** 169

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Дефекты нерусского ума** 182

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ГАБРУСЕНКО. **В чёрно-белом обрамлении** 190

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Эмма МЕНЬШИКОВА. **Вольный проезд
Марины Цветаевой** 197

ЛАРЕЦ

И.С. ТУРГЕНЕВ. **Бурмистр**. Рассказ 219

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Нина БОЙКО. **Тоска небывалой весны
(М.Ю. Лермонтов)**. Продолжение 231

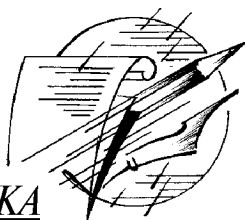
ЗЕМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**.
Размышления и воспоминания. Продолжение 282

ВИРУС РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ

Прошедший 2018 год имеет одну интересную особенность: это время совершеннолетия рождённых вместе с веком — в нулевых. Новая Россия несёт груз ответственности за юношей и девушек, возмужавших в XXI веке под её крылом. И эту ответственность уже невозможно переложить ни на оставшийся в XX веке великий и могучий Советский Союз, ни на перестроечные годы. В новостной ленте, с которой сейчас у многих начинается утро, как раньше с газеты, всё чаще, всё больше, всё тревожнее мелькают протестные события, героями которых являются молодые люди, подростки, дети. В телерепортажах, иллюстрирующих несанкционированные митинги и манифестации, чаще всего высмеиваются косноязычность молодёжи, её полное невежество в вопросах политических и исторических, высмеивается нелепая компиляция из речей «взрослых» оппозиционеров, застрявшая в детской памяти.

На подобных мероприятиях можно наблюдать удивительное сочетание оснащённого передовыми технологиями, имеющего круглосуточный доступ к интернету молодого человека и одновременно совершенно необразованного, почти дикого в отношении наследной культуры —

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

смесь высоких материальных потребностей и неразвитого вкуса. Того самого вкуса, который Кант определял как «способность судить о прекрасном». Осмысление термина «прекрасное», как мы помним, привело к тому, что уже в XVIII веке эстетический вкус стал главнейшим критерием духовно-художественного аристократизма. Главнейшим! Ведь «красота — есть чувство Бога». Именно поэтому воспитание эстетического вкуса являет собой маркер прогресса человеческой личности. И потеря обществом интереса к эстетике — неизбежное отступление к звериному, животному началу.

Вот и представьте себе юношу, одетого «в тренде», обвешанного гаджетами, сидящего за рулём суперсложной автомашины, который по сути своей — дикарь. Пусть он ещё издаёт членораздельные звуки и не размахивает реальной дубиной, но может часами напролёт делать это в своей виртуальной реальности. Лишённый эстетического вкуса, а, следовательно, духовно и нравственно не развитый субъект уже спускается по ступеням расчеловечивания. Сколько этих ступеней?

По мнению филолога и писателя Веры Владимировны Афанасьевой, современное общество уже достаточно далеко продвинулось на этом пути, и можно говорить о появлении «новой породы человекоподобных существ». Существ, которые и слов таких не понимают, — «красота», «культура», «чистота», «забота», «сострадание». Существ, которые не боятся ни Бога, ни чёрта, ничего не стесняются... Цель таких не-человеков — чисто биологическая жизнь, но максимально комфортная. Они хотят есть и пить, как можно больше и как можно слаще. Они хотят совокупляться со всеми, кто привлекает их похоть. Они хотят иметь всё или хотя бы столько, чтобы некуда было девать. И охотясь за этим, не-человеки постоянно отнимают у людей вещи, деньги, любимое дело, покой, здоровье, свободу, иногда даже жизнь — потому что им так удобно и так выгодно.

Конечно, такие не-человеки существовали всегда, но в здоровом обществе им отводятся маргинальные зоны, как правило — зоны для преступников, не умеющих жить среди людей. А вот сегодня уже по всему миру распространяется системное воспроизводство этих существ. Их делают из наших внуков, из наших детей. Делают вопреки протестам, делают по науке, с использованием всё новых технологических возможностей. Вы хотите жить в мире не-человеков? В котором слово уступает холодной равнодушной цифре-клавише. В мире, где забыты заповеди Христовы... Что может быть страшнее этого?

Да, нас, русских писателей, не слушали, когда проводили в школе образовательные реформы, калечащие сознание детей,

когда через «свободу информации» лишали их нежности чувств. Нельзя допустить, чтобы процессы расчеловечивания ускорялись. Всем известно, что только здоровые продукты приносят пользу растущему организму. Заботливые мамы строго вычитывают даты изготовления сырков для завтрака, но далеко не все из них просматривают книги, которые читает ребёнок. Если конечно он их читает, а не стучит всё свободное время по клавиатуре компьютера в погоне за очередным монстром. Добавлю также, что конструируемое сегодня бытие с непостижимой скоростью становится реальностью. Причём, непредсказуемой! Вспомним, ещё в 1872 году учёные, проанализировав весь спектр проблем, утверждали, что самой большой угрозой для человечества станет навоз, который некуда будет утилизировать. И где сейчас эти их предсказания? Век нефти и электрона даёт разбег для ещё более существенных перемен, вызреваемых в недрах жёстких дисков мегакомпьютеров.

Всем уже ясно: по злому умыслу современной школе отказано заниматься воспитанием школьников. С пелёнок детей развращают телевизионным «мылом», травят «Домом-2», буквально навязывают фэнтези про зомби и вампиров, колдунов и сатанистов в новейших технических возможностях: тупые и пошлые сериалы, агрессивные компьютерные игры, дебилные издательские серии. Одна из них привлекла моё внимание недавно. Книгами этой серии заставлена витрина книжного магазина в самом центре Краснодара. Автор фэнтези для подростков «Макабр» Мила Нокс живёт на Кубани и имеет, как она утверждает, многотысячную толпу фанатов. Так чем же «потчует» своих читателей писательница, которую в 2016 году московское издательство «РОСМЭН» раскручивало как «лучшую» в своём деле?

Слово «Макабр» в европейском Средневековье означало «Пляска смерти». Отголосок сатанинских культов, Макабр танцевали на кладбищах в виде забавы. Карнавальное глумление над смертью — чисто европейская особенность, чуждая русской культуре. Но насаждение чёрного юмора и настойчивое возбуждение интереса к смерти, особенно интереса у подростков, теперь проникло и к нам. Не проникло — нам его продавили. При монополии книгоиздания и книгораспространения в современной России смерть — доминирующий образ, всё более тиражируемый в литературе для наших детей. И как тут не вспомнить про множимый интернетом юношеский суицид. Только издателей это совершенно не смущает. Смерть рекламируется всё активнее: в аннотации к одной из книг отмеченной серии («Игра в сумерках») будущим читателям «загадочно» сообщают, что герой книги

«вступает в опасную игру, участвовать в которой приглашает... сама Смерть».

Понятно, что содержание серии построено на единых штампах хоррора (оборотни, кладбище, мертвецы), развивается по законам жанра и, главное, строго подчинено требованиям хозяев издательства. Это не явление искусства, а индустрия. Часть глобального производства не-человеков.

Что касается языка Милы Нокс — это проба пера стилистически неразвитого автора, торопливая, так что она часто забывает, о чём написала тремя страницами ранее. Издательству же «РОСМЭН» либо недосуг готовить тексты к печати, либо таким образом оказывается дополнительное деструктивное воздействие на сознание читателей, которые под действием рекламы и так «проглотят» мертвецов, упырей, драки и насилие. И потому, как сообщила краснодарская версия «Российской газеты», помещая материал о наших «самых известных писателях», Мила Нокс ждёт новых поклонников своего творчества среди краснодарцев.

Мириться с этим невозможно, мы, конечно же, должны бороться за наших детей. И у нас есть мощнейшее средство, излечивающее дикость и останавливающее процессы расчеловечивания, — это опять и снова! — книги. Если им найдётся место среди игрушек, гаджетов и прочего. Не уповая на школьную программу, советую родителям самим озаботиться, чтобы каждый молодой человек, входя в жизнь, благодарил их за то что, как пел Высоцкий, «нужные книги ты в детстве читал».

Почему именно родителей? Да потому что за последнюю четверть века лихорадочного реформирования российского образования наметилась тенденция, приведшая к тому, что даже Федеральные образовательные стандарты не имеют задач определения конкретного предметного содержания. То есть никакого перечня обязательных авторов и произведений в этих стандартах (ныне действующих) — нет. Ваш ребёнок становится заложником вкуса и пристрастий преподавателей. Правда, в 2017-м был обнародован проект доработанного стандарта основной школы. В этом проекте предметное содержание вновь вернулось в документ, причём в достаточно жёстком виде: с обязательным распределением произведений по классам. Но давайте посмотрим, каких авторов предлагает сегодня школа и кого лишили школьные программы по литературе.

«Практически исчезли из документов, затем из авторских учебников, а потом из круга читательских интересов социально ориентированные произведения XVIII—XIX веков. Стала «периферийной» т.н. «советская классика»: современные

школьники не обязаны изучать Алексея Толстого, Александра Фадеева, Николая Островского, Бориса Полевого и других. Значительно сократилось число обязательных для изучения произведений фольклора и древнерусской словесности, литературы народов России. Что взамен? Поэзия Серебряного века. Литература русской эмиграции. В более широком смысле — «возвращенная литература». Евгений Замятин и Андрей Платонов; Осип Мандельштам и Борис Пастернак; Иосиф Бродский и Александр Солженицын» (А.Фёдоров, из статьи «Школьный литературный канон»).

Всё большее место в школьных программах занимает так называемая «современная литература». При этом что понятие «современность» — объективно «подвижное», наиболее политизированное и, к сожалению, очень часто не связано с реальными художественными достоинствами писателя. Открывается возможность попасть в классики, минуя проверку временем. «Экспресс-метод» введения *своих* придумали либералы из лихих 90-х, имеющие доступ к разработке нормативных документов в образовании. Их стараниями в «классики» вписаны Дмитрий Бакин, Юрий Буйда, Борис Екимов, Владимир Пелевин, Вячеслав Пьецух, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Дмитрий Быков, Сергей Гандлевский, Тимур Кибиров, Юрий Кублановский, Лев Лосев, Геннадий Русаков, Борис Рыжий, Ольга Седакова. Кому из русских читателей известны все эти фамилии? А ведь образовательное пространство является сильнейшей скрепой поколений: книги, прочитанные отцами, а затем их детьми, и есть тот самый крепкий надежный мост, которому не страшны десятилетия. Вот почему должно пройти не менее 50 лет, я думаю, прежде чем автор сможет претендовать на изучение его произведений в школе.

Не менее строго, чем за датами изготовления «сырков», родителям надлежит (не доверяясь, увы, школьным программам) следить за предлагаемой их детям литературой для воспитания эстетического вкуса, ценность которого заявлена в начале статьи. Более того, хотелось бы обсудить и некий общий *принцип развития литературного вкуса* в согласии с возрастным развитием личности.

Понимая реалии и не питая иллюзий, но основываясь на прочном фундаменте русского фольклора для младшего возраста и русской классики для средних и старших возрастов, хотелось бы предложить хотя бы минимальный набор книг, которые родители обязательно и прочтут, и обсудят вместе с детьми во внеучебное время.

В первом семилетии (а по утверждению Толстого именно на семилетия нужно делить жизнь человека, наблюдая его

становление и развитие) после сказок в изложении Афанасьева нельзя обойтись, на мой взгляд, без трилогии Николая Носова «Приключения Незнайки». Вот где выписана галерея типажей, с которыми ребёнок встретится во взрослой жизни, вот где обоснована мысль о том, что призвание становится профессией, а герои книги так цельны и динамичны, что ребёнок обязательно запомнит и Знайку, и Цветика с Самоделкиным, и многих-многих других. В следующее семилетие он вступит оснащённым этим книжным опытом взаимоотношений столь разных персонажей. На фоне приключений Незнайки состоится знакомство ребёнка и с общественными формациями, необходимо лишь осмысление их с помощью родителей.

Во втором семилетии, когда идёт превращение ребёнка в подростка, невозможно переоценить книги Аркадия Гайдара, в которых герои не только смело противостоят злу, но умеют быть ответственными за тех, кто рядом. Они мыслят категориями товарищества, на котором стоит гражданское общество. Писатель Василий Дворцов признался мне, что в детские годы повести «Р.В.С.», «Школа» и «Судьба барабанщика» оказали на него впечатление, сравнимое только с позже прочитанными произведениями Достоевского. Ведь дети преодолевают, побеждают встречаемое ими зло не физической силой, не жизненным опытом, а нравственной интуицией.

И я очень хорошо помню повесть «Тимур и его команда», но не только потому, что существовало целое движение, когда пионеры приходили к одиноким ветеранам, помогали им в повседневной жизни. А прежде всего потому, что добрые дела должны были оставаться тайной. Без публичности они обретали сакральность, становясь сокровенной частью детской, вернее, человеческой природы.

Далее, в третьем семилетии, необходимо дать урок преодоления в себе возрастного эгоизма, и, чтобы помочь юношам осознать его самоубийственную природу, нельзя пройти мимо «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Именно эта книга — как предупреждение — крайне необходима в возрасте от 14 до 21 года.

А для окончательного взросления, для понимания настоящей любви как самопожертвования, обязательны Юрий Бондарев. Его «Горячий снег», его «Батальоны просят огня».

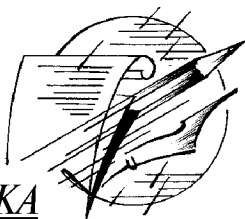
Перечисленные книги в деле формирования эстетического вкуса личности можно сравнить с некой прививкой, способной лишь блокировать вредоносные вирусы. Но согласитесь, что прививка эта сработает обязательно.

г. Краснодар

ЕЛЬЦИН ЦЕНТР: БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

В своё время М.В. Ломоносов писал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». И ведь, действительно, трудно с этим поспорить. История — это фундамент, который позволяет человеку со временем построить крепость. Как известно, без надёжного и крепкого фундамента не построить добротного дома. То же самое можно сказать и о человеке. Без сложившейся системы духовных ценностей и нравственных идеалов он не сможет быть состоявшейся личностью, способной постоять за себя, свою семью и Отечество. Связь с историей, с осознанием, кто есть ты и кто были твои предки, — это незримая нить, связывающая многие поколения и придающая силы. И здесь возникает вопрос о том, кто и как преподносит нам эту самую историю.

В ноябре 2015 года в Екатеринбурге состоялось открытие Ельцин Центра. Он представляет собой общественную, культурную и образовательную площадку. Также под эгидой Центра действует музей и архив Б.Н. Ельцина. Действует Центр на основании Федерального закона «О центрах исторического наследия президентов РФ, прекративших ис-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

полнение своих полномочий», принятого Государственной думой в 2008 году и подписанного в мае того же года новоизбранным президентом РФ Д. Медведевым. Площадь Центра занимает около 88 тыс. кв. м. Для сравнения: общая площадь Третьяковской галереи — 79 745 кв. м., а площадь Центрального музея Великой Отечественной войны в Москве составляет 93 192 кв. м., включая музей, административные здания, экспозицию боевой техники и филиал в Красногорске! Масштабы Ельцин Центра, безусловно, потрясают воображение, а если учесть тот факт, что в Москве скоро откроется филиал, и прибавить его площадь к существующей, то она будет примерно равна площади Центрального музея ВОВ. Строительство гиганта обошлось казне в 5 млрд. бюджетных средств и 2 кредитных млрд., которые Центр задолжал Свердловской области. Так что же скрывается за стенами Ельцин Центра и стоит ли «овчинка выделки»? На эти вопросы я решила ответить, лично побывав в Центре и изучив документы, на основании которых он функционирует.

Ельцин Центр учреждён в виде фонда, а фонд, в свою очередь, является одной из форм некоммерческих организаций. В Российской Федерации действует ФЗ «О некоммерческих организациях», который, в том числе, регулирует деятельность фондов. Однако, как уже сказано выше, был принят Закон, регулирующий конкретно деятельность центров исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий. Неужели было недостаточно Закона «О некоммерческих организациях»? Создателям Центра явно нужны были привилегии. В Законе о НКО говорится о том, что фонд — это не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов. Здесь самое важное заключается в том, что взносы являются добровольными, а вот Закон о центрах исторического наследия гласит, что «при составлении проектов федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период правительство Российской Федерации предусматривает бюджетные ассигнования, выделяемые Центру, в том числе на обеспечение хранения, учёта и пополнения музейной коллекции Центра, архивного фонда президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, сохранности и пополнения фондов библиотеки Центра, а также на охрану Центра».

Таким образом, центры исторического наследия обеспечили себе ежегодные поступления из бюджета. Также для Центра делается исключение в виде того, что он не может быть при-

знан банкротом, а как следствие, не может быть ликвидирован по этому основанию. Кроме того, были внесены изменения в Земельный кодекс, в соответствии с которыми центром исторического наследия президентом РФ, прекративших исполнение своих полномочий, предоставляется земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, в постоянное (бессрочное) пользование.

По всей видимости, этих привилегий оказалось недостаточно. В пункте 5 статьи 2 Закона о центрах исторического наследия сказано, что на Центр не распространяется ряд пунктов ст. 32 ФЗ о НКО, которые предусматривают контроль за деятельностью некоммерческих организаций. Согласно этим исключениям Центр **не обязан** представлять в уполномоченный орган документы, содержащие отчёт о своей деятельности, о персональном составе руководящих органов, документы о целях расходования денежных средств и использования иного имущества, в том числе полученных от иностранных источников. Это только один пункт. Данные документы находятся в свободном доступе и их может изучить любой желающий. Я же хочу привести слова С.Н. Решульского, который выступал на обсуждении законопроекта о центрах исторического наследия: *«Согласно статье вот этого законопроекта — будет выделяться имущество, будет выделяться земля, да ещё и почти полтора миллиарда рублей, для того чтобы какая-то группа людей возглавила фонд, не подконтрольный, опять подчёркиваю, государству, и от своего имени распорядилась всем этим. Хорошая, я должен подчеркнуть, кормушка»*. Анализ принятого Закона показывает именно то, о чём говорил С.Н. Решульский, депутат Государственной думы РФ.

Теперь поговорим о самой деятельности Центра. Начнём с музея Б.Н. Ельцина. Перед входом в него установлена доска почёта. На ней располагаются имена спонсоров Ельцин Центра. Среди более 50 благотворителей можно встретить — М.Прохорова, А.Чубайса, Р.Абрамовича, А.Усманова, В.Алекперова, О.Дерипаску, В.Потанина и Д.Медведева. Помимо политических деятелей помогали и общественные деятели — М.Швыдкой, И.Крутой, А.Пугачёва и другие, а также крупнейшие российские и уральские компании — «Роснефть», «Сбербанк России», «Газпром», трест «Уралтрансспецстрой», «Общество Малышева, 73» и ещё ряд компаний.

Сам музей занимает площадь 22 тыс. кв. м. Его экспозиция состоит из 9 залов. Первый зал называется «Лабиринт», он посвящён истории семьи Ельциных. Далее посетители попадают в комплекс залов, именуемых «Семь дней, кото-

рые изменили Россию». Заканчивается экспозиция Залом Свободы. В первом зале демонстрируется мультфильм, рассказывающий об истории свободы и либерализма в России. К слову, ролик был снят режиссёром «Турецкого гамбита» Джаником Файзиевым, а сценарий написала группа историков под руководством доктора политических наук, академика РАН, профессора МГУ и МГИМО Юрия Пивоварова. При просмотре мультфильма складывается впечатление, что на протяжении многих веков Россия была страной рабов, а правители были сплошь и рядом тираны да деспоты. Только с приходом Ельцина люди почувствовали вкус свободы и наконец-то вздохнули с облегчением.

Н.Стариков, побывавший в Ельцин Центре, говорит о том, что «с содержанием фильма согласиться невозможно: история России показана исключительно в негативном ключе», и далее он делает подробный разбор. Его впечатления от увиденного можно прочитать на личном сайте. Также по этому поводу высказывался Н.Михалков. В одном из своих интервью он говорит: «...А что там в этом мультике? Что там показано? А показано там, что всё, что было до 1990 года, это всё мерзость, грязь, предательство, рабство, кровь, мерзота и так далее. Единственный светлый луч в темном царстве — это появление Бориса Николаевича Ельцина. Всё остальное — вычеркнуть. Вообще! Этого не было. И какие вырастут дети в результате?»

Пресс-секретарь музея Елена Волкова и сама не отрицает, что мультфильм не содержит исторической правды: «Этот ролик об истории свободы и либерализма в России. Но мы нигде не говорим, что он исторический и что он рассказывает историю России. Люди, которые не знают историю, данный мультфильм просто не поймут». Впрочем, каждый человек сам может посмотреть, оценить и сделать выводы об объективности представленной информации. Только здесь очень важно то, что выводы может сделать человек, который, по крайней мере, жил в XX веке или тот, который изучал историю России. Ребёнок или молодой человек, не владеющий достаточным количеством информации, будет узнавать её по этой анимации. Для него объективностью станет то, что представлено в Ельцин Центре, в частности, в этом злополучном ролике. А этого допускать никак нельзя! Н.С. Михалков, говоря о том, что на Урале есть центр, где «ежедневно происходит инъекция разрушения национального самосознания детей», имеет в виду именно это. Нельзя, чтобы детям показывали историю с такой однобокой стороны.

Кто-то скажет, что ничего страшного не происходит, ведь не каждого ребёнка ведут в этот Центр. Однако не раз на про-

сторях интернета простые граждане, в том числе родители, писали, что школьников и студентов в приказном порядке организованными группами заставляют посещать Ельцин Центр. Так, общественный деятель из Екатеринбурга Сергей Колясников сообщает, что ему на почту пришло письмо со следующим содержанием: «Сергей Анатольевич, добрый день! Информую из первых рук: в школу, где учится мой сын пришла строгая указивка-разнарядка: всех школьников обязательно сводить в Ельцин-центр! Кроме того, что «обязательно», так ещё и не бесплатно: с каждого ученика требуется по 150 рублей! <...> Вопрос: а куда и на что уходят бюджетные миллиарды, если даже с детей (!!!) они не стесняются собирать плату за посещение?!» Мало того, подобные посещения проводятся вместо уроков истории в школе. На мой взгляд, в Екатеринбурге, где насчитывается порядка 60 музеев, школьников можно было учить истории не только в Ельцин Центре. Даже если отнестись к вышеизложенной информации со скепсисом, то, по словам мэра Екатеринбурга Е.Ройзмана, музей Ельцин Центра является самым посещаемым в регионе. Ежедневно его посещает 800 человек. Естественно, что среди этих 800 человек присутствует часть детей и молодёжи. Так что как бы то ни было, но молодые уральцы пропитываются «духом свободы» и некоего искусственного романтизма, который витает в стенах Ельцин Центра.

Для того чтобы оценить экспозицию полностью, нужно побывать в музее. У посетителей складываются диаметрально противоположные мнения. От гневных и до восторженных. А у меня сложилось впечатление, что реальную историю создатели Ельцина Центра предпочитают не показывать. Для них главной целью является романтизация и приукрашивание 90-х годов. Возникает вопрос: разве можно приукрашивать события Великой Отечественной войны, Гражданской войны и других печальных событий нашей истории? Так вот, и 90-е годы — это такие же тяжёлые страницы, и рассказывать о них нужно с болью и горечью. С моей точки зрения, кощунственно рассказывать о том, как было хорошо и прекрасно, когда одни люди погибли, умерли от голода и болезней, а другие потеряли смысл жизни и вдруг оказались на ее обочине.

А сейчас обратимся к другой деятельности, которую ведёт Ельцин Центр. Существует такой проект, как авторские экскурсии. Проводят их соратники Б.Ельцина. Среди них такие известные либералы, как А.Нечаев, Г.Сатаров, Н.Сванидзе, И.Прохорова и другие. Словом, весь либеральный цвет. Но почему бы не предложить Ельцин Центру проводить

экскурсии не приближённым к бывшему президенту, не нуворишам, а народу, «обрётшему свободу». Пусть экскурсию проведёт учитель, которому в 90-е не платили зарплату, пенсионер, потерявший все свои накопления, солдат, участвовавший в Чеченской войне и т.д. Такие экскурсии показали бы другую сторону 90-х. Конечно же, это не вписывается в концепцию Центра. Он существует не для объективной реальности, а для воспевания и придания ярких красок лихим 90-м. Мол, все и так знают, какое тяжёлое было время, зачем об этом говорить?

В рамках проводимых мероприятий можно услышать немало слов, которым диву даёшься. Вот, например, на мероприятии «Остров 90-х», в связи с которым проводились различные встречи и круглые столы, доктор исторических наук из ВШЭ Андрей Иоффе заявил, что раздавать георгиевскую ленточку — это абсурд. «Если мне будут предлагать повязать георгиевскую ленточку, я скажу: а возьмите мой носовой платок и понесите, ведь я же его тоже ношу». Отличился и замдиректора по научной работе ЕЦ Н.Соколов. В одной из статей РИА «Накануне.RU» говорится следующее: «Он (Н.Соколов) сообщил, что важной общественной проблемой является память о группах лиц, «которые не были реабилитированы и создавали реальные боевые группы для противостояния Советской власти» в их числе и «власовцы». Сам Соколов «не уверен», что современной России следует считать их врагами народа. «Если нам поступит такая заявка (об открытии памятной доски людям, которые сражались с Советским режимом с оружием в руках), то мы начнем общественную дискуссию на этот счет».

И таких мероприятий с очень громкими высказываниями невероятное количество. Это в действительности не президентский центр, а либеральный центр, который ведёт свою пропагандистскую работу безостановочно. В связи с чем поступают различные предложения о корректировке работы Центра. С инициативой объявить Ельцин Центр иностранным агентом выступили руководители свердловского отделения ЛДПР. В частности, в одном из интервью депутат ГД Евгений Фёдоров сказал следующее: «Ельцин Центр работает против интересов России, его цель направлена на ликвидацию Российского государства, которую поставили США». Много и других мнений. Приведу позицию лидера КПРФ, которая мне также близка. Геннадий Зюганов считает, что «помещения Ельцин Центра с полным правом можно использовать для того, чтобы раскрыть трагизм девяностых. Пять из семи залов стоит посвятить пяти главным преступлениям

бывшего президента против России. Оставшиеся два зала могли бы раскрывать деяния его сподвижников, заслуживающих персонального разбора своих преступлений».

Как известно, в мае 1999 года принималась попытка отрешения президента РФ Б.Н. Ельцина от занимаемой должности. С речью главного обвинителя выступил В.И. Илюхин, являвшийся на тот момент председателем Комитета по безопасности Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации. Как говорится в самой речи, обвинение в отношении президента Б.Ельцина «состоит из пяти пунктов и связано с государственной изменой, узурпацией власти, злоупотреблениями властью, превышением должностных полномочий, разрушением экономики, ослаблением обороноспособности и безопасности страны, фактическим развалом ее вооруженных сил, с резким сокращением народонаселения, с массовым истреблением, геноцидом народов России». Далее очень подробно описываются деяния и приводятся статьи Уголовного кодекса, под которые попадают деяния Б.Н. Ельцина. В сокращённом виде излагаю главные статьи из обвинений Ельцина:

Обвинение первое: государственная измена, выразившаяся в заключении Беловежских соглашений, разрушивших Советский Союз. Этот факт В.В. Путин тоже охарактеризовал как геополитическую катастрофу. Беловежский сговор стал причиной множества межнациональных конфликтов: от Приднестровья и Чечни до Донбасса и Крыма. Разрушив СССР ради утверждения режима личной власти в России, Ельцин растоптал волю народов Советского Союза. На референдуме 17 марта 1991 года они недвусмысленно высказались за то, чтобы сохранить единое государство.

Обвинение второе: антиконституционный переворот в сентябре—октябре 1993 года и жестокое подавление народных выступлений силой оружия. В результате данных событий был уничтожен законодательный орган власти — Верховный Совет, а его полномочия присвоены Ельциным. Без суда и следствия были убиты многие патриоты, вставшие на защиту конституционного строя. Стрельба из танков в столице России транслировалась в прямом эфире на весь мир американским телеканалом Си-эн-эн как свидетельство победы над советским народовластьем.

Обвинение третье: развязывание войны в Чеченской республике. В её результате погибли десятки тысяч граждан России — как военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, так и мирных жителей. Ельцин и его клика сами же заигрывали с сепаратистами, попустительствовали зах-

вату ими власти в республике, позволили им завладеть огромным количеством вооружения, включая тяжёлую армейскую технику. Позже своими бездарными действиями ельцинисты довели дело до кровавой бойни, которая затронула не только Чечню, но и отозвалась эхом терактов по всей России.

Обвинение четвёртое: развал обороноспособности и всей системы внешней безопасности страны. Данные действия были совершены в интересах иностранных государств, в первую очередь Соединённых Штатов Америки и возглавляемого ими военно-политического блока НАТО. Итогом деятельности Ельцина стало обвальное сокращение численности вооружённых сил, катастрофическое снижение их боеспособности, а также разрушение военно-промышленного комплекса. Национальная безопасность России была подорвана. Военные базы НАТО вплотную придвинулись к нашим границам. К чему это привело, мы видим сегодня, когда налеты безнаказанно сбивают наши самолёты.

Обвинение пятое: геноцид, осуществившийся ельцинским режимом. Он выразился в умышленном создании для русского и других коренных народов России условий, которые ведут к их уничтожению. Политика «шоковой терапии», пресловутые «рыночные реформы» и грабительская приватизация привели к сокращению продолжительности жизни граждан, снижению рождаемости, росту смертности и в конечном итоге — к резкому уменьшению населения России.

Доклад В.Илюхина является очень серьёзным и он, несомненно, **обязан** находиться в стенах Ельцин Центра. Пусть молодёжь знает правду, а не поддаётся на провокации тех, кто так ностальгирует по 90-м. По словарю С.Ожегова, слово «ностальгия» — это тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому. Естественно, что тоска по этому времени у тех, кто смог получить тогда выгоду для себя, кто, грубо говоря, правил балом. И сейчас люди, потерявшие свою власть в эпоху Ельцина, хотят вернуть её любой ценой. Но нужно ли нам участвовать в этом?

г. Екатеринбург

ГЕРАНЬ В РАСПАХНУТОМ ОКНЕ

РОМАН

ПРОЛОГ

Какая же радость, какое счастье мчаться весной в гудящей у переездов электричке! Что может быть приятнее и милее сердцу этих минут, если всё вокруг кажется цветным, благоухающим, радующим душу новизной, когда вид цветков мать-и-мачехи, жёлтыми цыплятами разбежавшихся по пригоркам, необыкновенно радует душу, а запах тополиных почек и почек черёмух, врывающийся в приоткрытое окно, дурманит голову.

Для монтажера охранных систем Кузнецова дачная эпопея началась с телефонного звонка, когда сквозь треск, бивший в ухо, Владимир догадался, что звонит сестра Вера.

— Ты о чём же думаешь-то, милоч? Ждёшь, когда всю землю расхватают? — верещала она обычной скороговоркой:

— О какой земле говоришь? Спокойно скажи! — сразу напрягся Кузнецов.

— Да как же... Все уши прожужжал про участок, а сам в Москве бока отлёживаешь!

Со слов сестры он понял, что в следующую субботу в поссовете будут оформлять дачные участки всем

ПРОЗА

желающим. Вера ещё что-то говорила, а он её почти не слушал, лишь запомнил, что надо иметь паспорт, сразу представив себя владельцем земли, да к тому же на малой родине, о чём давно мечтал. В прошлом году ему предлагали вступить в садовое товарищество, организованное на работе, но землю выделяли где-то под Каширой, а зачем она ему, если под Загорском у него живёт мать, сестра — есть к кому прислониться при случае. Да и жене с сыном-подростком нравится гостить там. Они, как только узнали новость в Володином пересказе, то сперва не поверили, что можно сразу получить в пользование участок земли, а потом весь вечер тормозили Кузнецова, строя планы один другого грандиознее. Чуть было совсем не издёргали до субботы, когда с утра пораньше Володя заторопился на станцию.

Полюбовавшись красотами весны, он более или менее успокоился, а потом и задумался, хотя редко о чём-то думал — не привык к этому. Ни сама жизнь, ни работа этому не способствовали. Окончив после армии вечерний техникум, Володя какое-то время работал на электроламповом заводе, а потом, женившись, переселился из общежития к жене. Когда перед Олимпиадой они получили вместе с тёщей трёхкомнатную квартиру на Лосиноостровской (специально выбрали, чтобы удобно было ездить в Загорск), то уж не имелось особенного смысла работать на заводе, тем более что подвернулась работёнка в отделе вневедомственной охраны. По сути, это та же милиция, но Кузнецов устроился вольнонаёмным, как специалист по установке охранной сигнализации. С середины 70-х многие предприятия освобождались от сторожей, заменяя их электрическими и электронными средствами охраны. Работа, можно сказать, творческая, для непосед, с людьми, когда мастер в течение дня мог побывать на нескольких объектах, и везде он на виду, везде ему что-то перепало. Особенно любил обслуживать торговые точки, где всегда можно разжиться дефицитными продуктами. Но это было тогда, а в последние два-три года подвальное изобилие пропало, а минувшая зима, когда только и разговоров было о том, что, мол, теперь товаров и продуктов будет вдоволь, эти слухи не подтвердила. И весна ничего особенно радостного не принесла в этом смысле. И если бы не сообщение из посёлка, то Кузнецову бы и радоваться нечему было. Впрочем, любые события, основанные на тяге людей к земле, на которой они готовы копать от зари до зари, не новы. Испокон веку земля являлась раздором, хотя она и примиряла, когда удавалось договариваться. Она кормила, обогащала людей, но чаще отдельно взятый человек не замечал, когда земля и

всё с нею связанное начинало превращаться из радости во зло. Ну, если и не совсем уж во зло, то в некое неоформленное состояние души, когда о таком человеке говорят, что, мол, он сам не знает, чего хочет. И если это происходило в действительности, то это ещё не самый худший вариант развития событий, оставалась надежда и вера в того человека, что найдёт он нужное для себя решение, правильно определится в жизни, приспособившись жить по-новому.

Так или примерно так думал в электричке худой и смугловатый Кузнецов, успевший загореть на апрельском солнышке. В этот раз, как показалось, дольше обычного ехал до Сергиева Посада, как теперь стали называть Загорск, вернув историческое название городу. И автобус потом полз еле-еле, словно не спешил преодолеть привычные тридцать километров до посёлка Ложкино. А когда остановился на перекрёстке, то Владимир издали увидел матушку: перед домом на лавочке согнулась, напряжённо поглядывает исподлобья, сынка ненаглядного дожидается. Он расцеловался с ней, заглянул в выцветшие глаза, бывшие когда-то голубыми, и выдохнул:

— Ну, здравствуй, Нина Петровна! Как тут у вас?

— Вперёд не суёмся и сзади стараемся не отстать. Землю всю хапают... Тебе Вера звонила?

— Потому и примчался, что звонила. Где раздают-то?

— Совхозные паи раздали, теперь кто где успеет захватить...

Пока они разговаривали, из веранды вышла сестра с мужем, поздоровались. Остроносенькая, пугливая Вера, пылая румянцем на щеках, предложила:

— Может, успеем за столом посидеть или сразу в поссовет пойдём?

— Чего там делать в такую рань! — возразил сонный Михаил: крепкий, рано поседевший, и седина ему шла, словно говорила о наступившей мудрости. — С дороги парень, а вы его в поссовет тащите. Покормите сначала.

— Какая рань? Обед скоро! — Вера сердито посмотрела на мужа, догадываясь о цели его «гостеприимства», при котором он более думает, как бы рюмашку-другую пропустить, а не о деле.

У Михаила же была своя, далекая стратегия, подсказывавшая, что теперь все чужие хлопоты будут проходить через их семью, особенно, если Кузнецовы всеми правдами и неправдами начнут строиться, учитывая характер Володи, о котором говорили, что он самый настоящий «скопи домок». От его ухватистости и Михаилу иногда перепало, когда

сам обновлял дом. То ему Володя приготовит досок от поддонов, то в прошлом году привёз машину железа — дом перекрыли. Листовое железо Володе досталось бесплатно — надрал на каком-то доме, который зачем-то за год до сноса покрыли оцинкованными листами, словно специально для Кузнецова.

Всё, что делал Владимир прежде, для Михаила оказывалось кстати, но теперь всё поворачивалось по-другому, и, зная его, Михаил справедливо предполагал, что спокойная жизнь вскоре закончится. Это немного сердило, настраивало на ироничный, даже критичный лад, и когда выпили по одной и по другой, он сказал, вроде как ни с того ни с сего:

— Чудней нашего народа, наверное, и нет никакого... У людей все сберкнижки подчистили, а они уж забыли об этом! Теперь им новую затею подсунули, а они уж не помнят, что похожая идея сработала безотказно семьдесят лет назад. Забыли, как землю отнимали у помещиков да кулаков-мироедов и раздавали беднякам-крестьянам, у которых, правда, её отняли же через десяток лет, отдали созданным колхозам-совхозам, теперь отнимают у них же. В прошлом году поделили на паи, а теперь за пустоши принялись: всем подряд раздают, даже тем, кто никакого отношения к земле не имеет! — Михаил невольно взглянул на шурина, а Вера этот взгляд перехватила, прицепилась:

— Чего ты на него смотришь? Это он-то не имеет отношения? Он родился здесь, вырос!

— Да не о нём речь. Я вообще говорю...

Говорить можно было долго, но вскоре, набившись в казённый «уазик», выехали в Ключи. В деревушке, проскочив из конца в конец единственный порядок рубленых изб, машина замерла почти за околицей, и местный председатель — мелкий, кривоногенький — повёл за собой делегацию. Остановившись перед склоном, полого спускающимся к ручью, вдоль которого чернел ольшаник, разукрашенный золотистыми серёжками, председатель сообщил, правда, без всякой надежды, что претенденту этот участок приглянется:

— Вот, ребята, что осталось. Есть ещё в соседней деревушке, но, сразу предупреждаю: к ней асфальта нет.

— Надо посмотреть... — озадачился Михаил.

— А по мне — и здесь неплохо! — сразу сказал Владимир. — Баню у ручья поставим. Место-то райское. Только жить.

— Все документы на участок подготовлены, — напомнил председатель, — так что можно возвращаться для оформления земли в пользование...

Из поссовета Кузнецов возвращался с сестрой, Михаил же с тёщей поджидал их дома. Когда дождался, то сразу повёл за стол:

— Мать всё приготовила, надо обмыть это дело.

Кузнецов, никогда не увлекавшийся выпивкой, на этот раз не удержался на радостях. Ведь всё, что происходило в этот день, казалось, происходит с кем-то другим, будто ради кого-то другого он появился ныне в Ложкине. А когда выпили и он немного расслабился, то посмотрел на матушку:

— Представляешь, мам, теперь я настоящий дачник! Всю жизнь мечтал иметь собственную землю, чтобы быть на ней хозяином и делать всё, что душе угодно.

— Это неплохо, только, сынок, трудов надо будет приложить изрядно, а ты и без того устал, закружился на нескольких работах. Думаешь, я не знаю, как тебе деньги-то достаются. А теперь и новую заботу взвалил на себя.

— Ладно, мам, не озадачивайся, — встряла Вера. — Ему сорока нет. И не один он. Жена есть, сын подрастает. Будут приезжать на выходные.

Сестра увела разговор в сторону, потому что позволь разговориться матери, та сразу начнёт вспоминать, сколько сын потерял денег, когда они обесценились из-за инфляции. Лет пятнадцать копил, собирался купить готовый дом или дачу. А последние лет десять даже подрабатывал дворником — два-три участка убирал. Но с приходом ельцинской команды все денежки будто оголодавшая корова языком слизала. Теперь о готовой даче и не мечтай, теперь всё своими руками.

...Два десятка лет прошло с той поры. Забылись прежние заботы. Все выходные и отпуска Кузнецовы проводили на отстроенной трёхэтажной даче и необыкновенно радовались этому.

1

После Яблочного Спаса воздух в Ключах устоялся, сделался по-осеннему свежим, осязаемым, густая зелень ельника за околицей заслонилась жёлтыми косицами разросшегося на поле березняка, перестали мелькать над крышами касаточки. Ещё несколько погожих дней, и полетят паутины бабьего лета. А пока природа отдыхала от невиданной жары, вызвавшей невиданную засуху и многочисленные пожары. Но теперь прошли дожди, и все вздохнули с настоящим облегчением, как вздыхают после большой беды. Даже герани на подоконниках ключанских изб заалели по-новому: свежо и влажно, словно мытые.

Хотя природа благоволила людям, но сезон заканчивался, дачники разъехались, а без них деревушка мало-помалу опустела. Из восемнадцати изб лишь половина осталась жилищами, да и то если считать с избой московского художника, обитавшего в Ключах до первых заморозков, да с дачей Кузнецовых. Они к сентябрю всегда дружно перебирались в город, а в этом году в их семье многое изменилось. Если прежде, заперев двери и закрыв ставни, они оставляли до весны недостроенную дачу на присмотр соседей, зная, что поживиться там особенно нечем, то теперь, когда завершили полную отделку и обустройство, завезли мебель, все испережились, не зная, что делать, потому что не хватало сил оставить всё на «добрых людей». Но помог случай: неожиданно глава семьи Владимир Николаевич или попросту Володя, а для кого-то и Кузя, как иногда называла его жена, попал под сокращение и теперь вряд ли мог бы найти подходящую работу; не тот возраст, чтобы мечтать о достойной.

И тогда Кузнецовы собрали семейный совет. Володина жена Елизавета — плотная телом, уверенная в себе — как всегда, стала заводилой и твёрдо сказала:

— Чтобы отцу не болтаться в Москве, пусть на даче живёт, тем более что сам давно мечтал об этом.

Сын Алексей, внешне похожий на мать, и его жена Маргарита, тоже крупная, поддержали, а Лиза всё-таки спросила у мужа, желая услышать последнее слово, будто после объявленного приговора, которым он осуждался на пожизненное дачное проживание:

— А ты, отец, что молчишь?

— Я не против, только не хочется у вас на шее сидеть. Когда это я пенсию начну получать? Попрекать начнёте! — на всякий случай неодобрительно сказал старший Кузнецов, в эту минуту особенно похожий на несговорчивого смугловатого степняка, всё ещё не надеясь, что действительно его оставят на даче, отпускают на вольную жизнь.

— Не начнём... Правда, Лёш? — спросила Лиза у сына, ища поддержки.

— Мама правильно говорит. Денег от тебя теперь не дождёшься, а здесь больше пользы будет. Всем хорошо.

— А я не согласна! — вдруг подала голос одиннадцатилетняя внучка Ангелина, по-детски тоненькая и белобрысая в мать. — Кто со мной будет в музыкальную школу ходить?

— Ты теперь большая — сама дорогу знаешь. Да и школа рядом с домом, — укорил дочку Алексей. — Скоро невестой станешь, а всё за дедушку цепляешься. Не стыдно?

— Нет, не стыдно... Деду будет скучно.

— Он вырос в здешних местах, здесь его родина, здесь у него сестра живёт, помнишь тётю Веру? — встряла Елизавета.

— Помню...

— А знаешь, что такое родина?!

— Знаю! — скривилась внучка, понимая, что проиграла спор.

Разговор этот состоялся накануне отъезда в Москву, и Володя понимал, что семейный совет подготовлен неспроста, и что бы они ни говорили, выдвигая доводы «за» и «против», всё было решено заранее. Тем более что он сам перед этим сказал жене, что, мол, не бросишь дачу без охраны. А кто её будет охранять в этой глуши? Вопрос тогда остался без ответа, а теперь всё стало ясно.

Кузнецову действительно давно хотелось пожить на родине, почувствовать себя по-настоящему беззаботным дачником, а то ведь жизнь-то, считай, прожита, а он и не увидел, как она пролетела: все годы — один к одному — работа, работа, работа! И никуда от неё было не деться. Он даже удивлялся, когда и как сумел построить громадину-дачу, пусть и не всё своими руками, особенно в конце строительства, когда сын устроился на крупную должность в солидной финансовой компании и появилась возможность нанимать строителей. Но ведь начало-то было полностью за ним, когда только-только оформил участок на склоне пологого холма, на котором стояли Ключи, и от сына тогда помощи по его малолетству ждать было бесполезно. Так что всё своими руками делал, урывками, между сплошными мотаниями из Москвы да в Москву. А ведь дорога-то — не близкий путь: три часа в один конец со всеми пересадками и ожиданиями! Но этим теперь никому в семье ничего не докажешь. Им даже проще ничего не знать и думать, будто дача выросла сама собой и получила готового сторожа.

И вот сегодня они уехали, не дожидаясь воскресенья, когда после обеда до Москвы сплошные пробки. Пообедали все вместе напоследок, а потом спешно заскочили в «Тойоту» и были таковы. Как только Володя закрыл за ними ворота, сразу понял: с этой минуты для него началась новая жизнь.

2

Проводив домашних, Володя прошёл в кухню, хотел по привычке убрать посуду, но сегодня женщины напоследок вымыли её сами и пол в кухне протёрли, словно хотели сказать: «Смотри, всё тебе в чистоте оставляем! Чтобы такая же

чистота была, когда в следующий раз приедем!» Правда, конкретные даты не обозначили.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Володя заварил чай и налил неполный бокал, слегка подсластив. Пока чай остывал, Кузнецов прилёг в смежной комнате и с дивана оглядел саму комнату, будто никогда не видел, обширную столовую, видневшуюся в раскрытую дверь, понимая, что это пространство с небольшой печкой непонятного проекта со встроенным котлом теперь станет его основным жилищем; вода в котёл подавалась автоматически из собственного колодца. Основное тепло от самой печки предназначалось для двух комнат, кухни да ещё банной комнаты, где стояла стиральная машина, душевая кабина и находился санузел. Если всё это сравнить с городской квартирой, то особенной разницы не имелось. Правда, второй этаж, где располагались гостевые комнаты, был холодным, им пользовались летом, а на зиму плотно закрывали дверь на лестнице, ведущей туда, и не открывали до весны; на третий же вообще редко заглядывали, используя его летом как смотровую площадку. Надо бы выйти осмотреть участок, как он всегда делал, когда оставался на даче, а потом уж со спокойной душой лечь спать, но не пошёл, находясь во власти неожиданной лени. Чтобы совсем уж не скучать, начал смотреть футбол, но игра на ум не шла. Да тут ещё раздался звонок мобильного: звонила Лиза. Сообщила, что доехали, разобрались и собираются ужинать.

— Ты-то там не голодай! — напомнила она, а Володя, ухмыльнувшись, подумал: «Заботливая нашлась». Вслух же сказал бодро и независимо:

— Чего это мне голодать. Продуктов полный холодильник.

— Вот и хорошо. В следующий выходной привезём круп разных, картошки, сахару да упаковку масла — так что живи и не тужи. Теперь тебе можно позавидовать. Как бы я хотела быть на твоём месте.

— Это не поздно...

— Рада бы, но до пенсии надо доработать... Ну, ладно, чего это я с тобой разговорилась. В следующие выходные жди. В случае чего — звони, Лёшка сразу приедет.

— Разберусь!.. Хватит деньги на ветер пускать!

Он положил телефон, и, не досмотрев футбол, выключил телевизор. За окном уж горел фонарь, включившийся с наступлением темноты автоматически.

Наверное, никогда Кузнецов не спал так спокойно и расслабленно, ведь, укладываясь, впервые за долгие-долгие годы не знал, когда нужно просыпаться. Хотя в его положении и

не обязательно этим озадачиваться: спи — сколько хочешь! Но «сколько хочешь» не получилось. Всегдашняя, как говорила Лиза, «крестьянская» привычка подняла на рассвете, хотя он и наступал теперь в конце лета заметно позже. Но это не беда. Беда в другом: не хотелось вставать. И, повалявшись-повалявшись, ещё часок «придавил», хотя вроде бы и без того выспался.

Окончательно проснувшись, оделся по-рабочему, вышел во двор. Осмотрел колодец, даже приподнял крышку, словно под неё кто-то мог забраться, потом пересчитал на бахче синеватые кочаны, жёлто-зелёные тыквы. Вроде всё на месте. Спустился с бахчевой террасы к бане и пруду. На бане замок покрылся росой, а вот у прудка заметил непорядок: около куста осоки блестела рыба чешуя. «Опять норка наведалась, надо капкан поставить!» — подумал Володя. Он обошёл прудок, надеясь увидеть след зверька, и действительно увидел тёмную борозду в серебристой росе. Володя прошагал по следу до самой изгороди, за которой тёк ручей, хотя теперь и не тёк, а уж лет пять, наверное, прошло, как превратился в запруду, когда появившиеся откуда-то бобры перегородили его ниже по течению. Теперь это мини-водохранилище подступило к самому участку; даже пришлось устраивать из длинных лесин переход на противоположную сторону. А бобры — молодцы, знай себе, осины грызут. Пусть грызут. Осин да ивняка у ручья много. Зато караси в запруде появились, а прошлым летом они с сыном даже зацепили намёткой шурёнка. «Вот тебе где нужно забавляться-то, — подумал Володя о неведомой норке, — а не по чужим прудкам шастать! Надо бы твоё гнездо отыскать, да попробуй, найди его в завалах».

Кузнецов вернулся в дом, по пути подобрав забытую кем-то из домашних лопату. Когда собрался завтракать, раздался звонок с улицы. Оказалось — художник Никанор Аристархович Болотный, или Передвижник, как называли его в Ключах за страсть к переездам. Как и полагается художникам, он был волосат, бородат и седоват к тому же из-за возраста. Годков ему было, говорят, под семьдесят, и сколько помнил Кузнецов, каждое лето он обретался в Ключах, купив когда-то по дешёвке дом, а свою квартиру в Москве сдавал. А на зиму уезжал в Крым, где жил двоюродный брат, и блаженствовал до весны. Так что, с какой стороны ни погляди, везде был в выигрыше.

— Проходи, Никанор Аристархович! — пригласил Володя художника, приоткрыв дверь в воротах.

— Не в гости я... За грибами собрался.

— А что, разве грибы пошли?

— Дожди-то не зря пролились. Макариха с утра пораньше опять где-то набрала. Побежала на трассу продавать. Пользуется, пока воскресенье и дачники в Москву возвращаются. Глядишь, кто-нибудь купит.

— Она вроде бы работает?!

— Да много ли в интернате получишь? А так — лишняя копейка в доме.

— Где же она их насобираала?

— Да разве скажет... Скорее всего, на Горелой вырубке. Вот надумал туда сходить, а, гляжу, ставни у тебя открыты. Знать, не все вчера уехали, решил зайти. Вдвоём-то веселее. Долго думаешь жить-то в Ключах? — по-деревенски любопытничал художник.

— Поживу пока... — не раскрылся Кузнецов, почему-то постеснявшись, даже постыдившись сказать гостю, что оставлен женой здесь навсегда. — А ты заходи, я ведь не завтракал... Заодно чайком пофыркаем вместе.

— Благодарствую! Я пока на лавочке посижу да покурю, а то лень сапоги снимать да надевать, потом не разогнёшься. Не торопись.

Володя действительно не торопился — да и зачем? Основательно поел, напился кофе со сливками, надел сапоги, ветровку, прихватил лукошко и нож. Закрывая дверь и включив сигнализацию, подумал, что теперь надо бы завести собачонку: ночью норку бы пугала. Без собаки дача — не дача, тем более, если стал постоянным жителем.

До Горелой вырубки двадцать минут ходьбы. Появилась она в середине 90-х, когда из местного лесхоза нагнали трелёвочных тракторов, лесовозов и за неделю свели вековую сосновую рощу, хотя сперва говорили о санитарной вырубке, а для этого лесхозовские устроили пожар — сучья сожгли, а заодно и несколько гектаров строевого леса понизу подпалили, который потом, говорят, выгодно продали как горельник. Отсюда и вырубку стали называть Горелой.

3

Сразу за Ключами они зашли в ельник, истоптанный около деревушки тропинками, и, ничего в нём не найдя, потихоньку двинулись к вырубке, заросшей непролазным березняком и осинником.

На вырубке действительно появились молодые опять: бледно-коричневые, прохладные, они обдавали лесным ароматом. Мало-помалу у каждого набралось по половине корзи-

нок, и Никанор Аристархович, приглядев подходящую валежину, предложил, тяжело глотая воздух:

— Иди, Володь, перекурим. А то уж ноги гудят.

Кузнецов не курил и не хотел на вольном воздухе вдыхать табачный дым, поэтому присел с наветренной стороны от художника. Когда тот глотнул дыма и закашлялся, Кузнецов сказал:

— Пора, Аристархович, бросать это дело. Знал бы ты, какой воздух в лесу.

— Почему же — знаю, по детству помню. Очень даже приятственный, но теперь мне поздно забывать своё занятие. Я как-то даже с доктором на эту тему говорил. Мол, что делать: бросать или дальше продолжать? А он сказал: «Что бросишь — помрёшь, что не бросишь — помрёшь. Надо было раньше думать». Ладно, пойдём ещё прогуляемся, чтобы полупустыми не возвращаться, а то Макариха засмеёт.

— Это уж верно. Манюня — баба бойкая, у неё не заржавеет.

Они всё-таки набрали полные лукошки и повернули назад, не спеша возвращались в Ключи. Перед крайними избами Никанор Аристархович напомнил недавний разговор о табаке.

— Я ведь после того разговора с доктором уяснил одно: надо на себя больше надеяться, прислушиваться к самому себе: способен ли отделить одно от другого, способен ли делать выводы после этого, способен ли применять эти выводы в жизни, учиться на них? А если так, то поздно кулачками сучить. К тому же у меня есть другое любимое занятие. Ты пока спал, а я уж успел побывать у запруды с мольбертом. Сегодня, кстати, рассвет выдался весьма колоритным, этакая игра переливов увядающей зелени с кадмиевыми всполохами молодой осени.

— С тобой поговоришь, так и самому хочется сделать что-нибудь необычное.

— А ты разве мало сделал? Дачу-то, считай, своими руками построил!

— Построить-то построил, а сколько времени, сил, не говоря уж деньгах, истратили. Да и не всё самостоятельно. Кое в чём помогли.

— Верно — балки да перерубы вместе тягали. Человек восемь собралось тогда!

— Да и стены класть да крышу крыть пришлось нанимать людей.

— А ты как же хотел. Одному-то лишь ложкой за столом хорошо управляться, а есть такие работы, которые одному не

под силу. Ладно... Грибы-то будем артельно чистить или каждый сам по себе?

— Чего тебе таскаться по деревне? Заходи сразу ко мне. А то ведь не был никогда по-настоящему, даже, помнится, на новоселье не пришёл.

— Значит, плохо звал! — улыбнулся художник. — А если честно: твою Елизавету побаивался. Уж такая она строгая, что, кажется, слова ей поперёк не скажи.

Кузнецов не стал развивать разговор о жене. Когда дошли до ворот усадьбы, открыл дверь, пригласил Аристарховича, усадил на высокую ступеньку перед верандой. Потом, погремев посудой, вынес из кухни большую миску и кастрюлю, ведро с картошкой, сказал, как приказал:

— Чисть грибы, а я картошкой займусь. Сам-то я не ахти какой повар, но картошку-то с грибами мы осилим.

В эти минуты Володе подумалось, что сегодня он, наверное, впервые за всю дачную эпопею что-то делал не спеша, с толком, чувством. Каждую картофелину обласкивал, каждый глазок вырезал тщательно, аккуратно, словно боялся причинить боль картофелине. Когда с картошкой разделался, помог чистить опята. Опята-ребята оказались все как на подбор: крепкие, упругие. Два таза начистили. Правда, когда начали варить, они, конечно, уварились, но всё равно хватило пожарить — большая сковородка получилась, а литровую банку Володя приготовил Аристарховичу с собой. Тот было начал противиться, но услышал:

— Я в своём доме хозяин! Выполняй указание!

Болотный убрал банку в лукошко, Володя разложил по тарелкам картошку, солёные огурчики. Когда художник уселся за стол, выставил неполную бутылку, виновато улыбнулся:

— Ничего, что початая? Позавчера с сыном по рюмке выпили!

Никанор Аристархович улыбнулся:

— А нам много и не надо... Не ожидал, что поход за опятами закончится таким застольем.

— Надо, Аристархович, по-настоящему посидеть да выпить, а то всегда всё на бегу делали! — Володе так и хотелось добавить, что, мол, спешить теперь ему некуда, теперь он здесь навсегда.

— От чего-чего, а от этого кто же откажется? — поддержал художник. — Да и редко мы с тобой вот так собирались. Ты ведь всегда несусветный, за тобой разве угонишься. Ты даже на отдыхе такой же. Теперь-то опять, что ли, в отпуске?

— Считай, что так и есть! — по-прежнему не открылся Кузнецов.

— Тогда другой колер... Дачу отстроил, так что теперь можно будет почаще в лес заглядывать, а то мне одному что-то лениво.

— С Макаровой ходи! Она все места знает.

— Да молода она для меня — не утонишься! А вот я, будь на твоём месте, зря бы дни не терял... Баба она суетливая, правда, да тебе-то чего. Время провёл — и ладно. Если помнишь, у неё муж-то разбился на машине года три, что ли, назад, значит, не по собственной прихоти одна живёт, не разведёнка какая-нибудь, не вертушка лесхозовская. Такой бы бабе мужика настоящего, хозяйственного, вроде тебя, да только где их теперь взять в здешней местности. Поэтому такие, как Макарова, оказались на нейтральной полосе: ни туда, ни сюда...

— У неё дети есть — пускай о ней заботятся!

— Дети-то есть, да все разъехались: сын в Москве живёт, дочь в Ярославле. Оба — семейные. А ты ведь знаешь, что такое семейный человек. За детьми своими не всегда успеваешь следить, а чтобы матери помочь...

— Ну, почему же. Я о своей никогда не забывал. До самой смерти не оставлял!

— О твоей-то и заботиться нечего было, если она у дочери жила.

Болотный не стал уточнять, но Володя сразу вспомнил одну весну, когда ещё была жива Нина Петровна. Лет десять назад это было. Помнится, тогда он весь участок загроздил стройматериалом, чуть ли не со всей Москвы свёз. Местные знали, что Володе всё это досталось на дармовщинку, и чуть чего — сразу к Кузнецову. Конечно, когда его не было. Кто доску прихватит, кто кирпичика наберёт. Поэтому Володя тогда попросил мать охранять привезённое добро. Хотя и тяжело было просить, но деваться некуда. Сестра с зятем работали, и оставалась надежда только на неё. Володя даже устроил ей закуток, в котором она спасалась от дождя. И старушка жила, помогала младшенькому, не могла отказать. Месяца два ютилась.

— Да, помогала! — не подал виду Кузнецов, что слова художника задела. — А какой родитель откажется? Помню её заботу и доброту, поэтому по несколько раз в году на могилке бываю.

— Молодец, нельзя родителей забывать. Давай за это выпьем. Помянем.

Они молча и сосредоточенно выпили, похрустев огурцами, навалились на грибы и картошку, а когда выпили ещё по одной, за всё хорошее, Аристархович, взглянув на часы, вдруг засобирался:

— Надо к Эльзе Немке забежать, обещал. Политический сезон будем открывать.

— Чего-чего?!

— Ты разве и не знал, что в Ключах есть свой, так сказать, теневой кабинет министров, а Эльза Гринберг в нём на правах премьера.

— А кто же остальные члены «кабинета»? — ухмыльнулся Кузнецов.

— Ещё двое: Анна Кузьмичёва, но та в дела не вмешивается, а лишь для кворума занимает пост. И Наталья Устюжанина — в её ведении силовой блок.

— Это та, которая по Ключам с бадиком ходит? Елизавета говорила что-то о ней, так я подумал, что это анекдот, а у вас тут вон как строго. Ты-то чего у них делаешь?

— Я — министр иностранных дел! Через месяц меня отправят в командировку в Крым. Так что до весны буду налаживать дружеские контакты с тамошней курортной администрацией, возможно, свяжусь с турецкими представителями.

— Ты-то ладно, шутикуешь, а они-то что решают в своём «правительстве»?

— Хулиганство пресекают, за чистотой следят, противопожарной безопасностью занимаются. Колодец общественный охраняют, чтобы кто-нибудь заезжий цепь не снял.

Кузнецов задумался, улыбнулся, спросил:

— А чем же у них Макарова занята?

— Она — электорат. Молодая пока, не доросла до руководящей должности... Да, хорошо, что вспомнил о ней... Не упускай возможности.

— Ладно, так и сделаю, — согласился Кузнецов, подыгрывая художнику. — С завтрашнего дня займусь.

4

Но утром другая забота навалилась, не до Марии стало, не до местного теневого правительства, когда увидел, что ночью у карасей вновь гостила норка. Опять под корнями блестяла свежая чешуя, рогатились обкусанные плавники... «Так ты до зимы всех карасей у меня изведёшь! — подумал Кузнецов. — Пора меры принимать!» Он хотел поставить капкан, как в прошлом году, но в это время мех у зверька не выкунел и пользы от шкурки никакой. «Надо пока карасей выловить, а норка и через месяц никуда не денется!» — решил Володя и достал с чердака бани сетчатый подъёмник для ловли рыбы. За полчаса Кузнецов нацеплял ведро.

Чистить карасей — работа утомительная, даже нудная, но это лишь тогда, когда какое-то неотложное занятие над душой висит. А если спешить некуда, если знаешь, что караси — это не просто рыба, а рыба, выращенная в собственном пруду, то от этого и удовольствие необыкновенное. Как ни медленно работал Володя, но ведро перечистил, не заметив, как это сделал. Промыл карасей в проточной воде под краном и, разложив по пакетам, заполнил секцию почти пустой морозильной камеры.

На следующий день успокоился лишь после третьего ведра, когда морозилка была забита. «Ну и хватит, — расчётливо думал Володя. — Вот придет Елизавета, заберёт часть улова, тогда можно и ещё подловить. Всех крупных подобрать». Оставив парочку карасей помельче, Володя пошёл к художнику. Аристарховича дома не застал, немного посидев на лавочке, решил возвращаться, но увидел хозяина, тащившегося с остановки автобуса. Подойдя, художник виновато улыбнулся:

— В Ложкино ездил... Хлеба купил, масла постного, парочку банок скумбрии.

— Консервы оставь на потом, а пока свежей рыбкой полакомись. Вот тебе урожай с моей фермы! — подал Володя пакет с карасями. — Завтра-то что делаешь? Может, за опятами сходим? А то на выходные должна моя Елизавета прибыть — надо её грибочками побаловать.

— Договорились!

Утром Кузнецов проснулся действительно рано, полчаса, наверное, пиялился, а художника всё нет и нет. Тогда решил отправиться в лес без него. Но, выйдя за ворота, всё-таки завернул к Аристарховичу, а у того дверь настежь, а сам он, укутанный драной тряпкой, разжигает печку.

— Чего это с тобой? Как старуха шалью обвязался?!

— Обвяжешься... Поясницу прострелило! Сейчас вот печку протоплю, надо на кирпичах прогреться.

— Пора тебе в Крым сматываться, пока там тепло. А здесь скоро самая слякоть наступит. Из дому не выползешь. За грибами, значит, не пойдёшь?

— Какие мне грибы — еле ногу таскаю.

— Ладно, один схожу.

Володя прошёл мимо своего дома и отправился в лес, не надеясь особенно на грибную удачу. Но она сама к нему шла: на первой же опушке он наткнулся на россыпь подберёзовиков, едва заметных в пожухлой траве, и по одному, по два гриба быстро насобирал корзину. Вот те раз. Собирался идти на вырубку, а грибы у самого дома. И Макариха не успела

оборвать. Удача подогрела. Он вернулся домой, опорожнил корзинку и опять заторопился в лес, по-прежнему пошёл богатой опушкой, но чем далее шёл, тем меньше находил грибов. Они словно заманили, а теперь не хотели попадаться на глаза. «Ладно, бог с вами, — усмехнулся Володя, словно грибы были живыми, — не хотите — и не надо. Пойду на вырубку, за опятами!»

Но с опятами тоже не очень-то везло. Еле-еле насобирали он корзинку, да и то перестоялых, зато они оказались не червивыми, достаточно крепкими и, вспомнив слова матери о том, что, мол, старый *гриб* самый сытный, Володя не пропустил и такие. Молодые, конечно, вкуснее, но они более для радости городских людей, а в зиму прежде всегда грибы брали все подряд, запасали бочками, а ходили за грибами семьями и носили из леса мешками.

После похода в лес Володя занялся грибами. Перечистил и оставил их варить, решив подберёзовики замариновать. Отсыпал гвоздику, перец с горошком, высыпал специи в кастрюльку с водой и добавил уксуса, соли, сахара. Потом сделал из поспевшей картошки пюре, достал из холодильника ветчину и сыр. Кузнецов сел то ли обедать, то ли ужинать, а перед этим позвонил жене, зная, что она вернулась к этому часу с работы, и, находясь в настроении, спросил:

— Грибов оставлять?

— Оставь, конечно... Как у тебя дела? — сразу закрыв «грибную» тему, спросила Елизавета.

— Нормально всё... Карасей три ведра наморозил. А то норка опять повадилась. В общем, приезжайте завтра — всё сами увидите.

— Тогда — до завтра! — не стала Елизавета более тратить денег на разговор.

Телефон она отключила почти сразу, ничего приятного не сказав на прощание, и это немного обидело Кузнецова. Правда, он не придавал этому особенного значения, продолжая находиться в отменном настроении. Даже подумал о том, что неплохо бы и рюмочку пропустить под грибы. Так и сделал: откупорил бутылку, налил стопку водки и охотно выпил, закусил маринованным грибом. Выпив третью стопку, он убрал бутылку и похвалил себя за выдержку, понимая, что ничто и никто его не заставит выпивать сверх меры. Да и зачем? Не для того он согласился жить на даче, чтобы распускать себя.

Обычно в пятницу они выезжали из Москвы поздним вечером, чтобы не стоять в пробках, но теперь сентябрь, народ дачный схлынул, и поэтому семью можно было ждать часам

к восьми. Когда же они не появились и в девять, то Володя позвонил Елизавете.

— Ой, хорошо, что сам позвонил. А то у Алёшки что-то машина забарахлила. Так что завтра приедем.

— Всё понял... — вздохнул Кузнецов и не стал сообщать, что начистил картошки и нажарил карасей.

Ужинать сел один, а чтобы не скучать, достал вчерашнюю бутылку и, ковыряясь в карасях, допил её. Утром понял, ещё раз позвонив Елизавете, что правильно сделал, когда узнал, что никто к нему в эту субботу не приедет.

5

Если первая неделя пролетела быстро, то наступившая тянулась и тянулась, хотя Володя без дела не сидел: собрался строить террасу у дальней загородки и начал с подпорной стены. Земли там было сотки две, с самого начала она была глинистой, и на ней ничего не росли, а руки не доходили, чтобы благоустроить пустующий участок, за который, между прочим, земельный налог регулярно начисляется.

За день Кузнецов успел наломаться, ужин готовить не хотелось, и он ограничился бутербродами с колбасой и чаем с печеньем. И несколько яблок смолотил. Едва посмотрев новости, он не заметил, как уснул, и впервые за последнюю неделю спал без сновидений.

На следующий день вдруг понял, что мысли о работе, о скорейшем строительстве террасы заставили забыть все другие мысли, в том числе и о Елизавете. Тяжёлая, в общем-то, работа отвлекала Кузнецова от унылых мыслей, отдалила переживания, и в последующие дни уж казалось, что так всё и должно происходить, как происходит. Ведь какие планы ни строй, как ни выдавай их за что-то окончательное, всё равно жизнь многое устраивает по-своему, так, как нужно ей, словно она — живое существо и всё видит и знает.

Он, как ему казалось, легко отработал до пятницы, почти успев за неделю сделать подпорную стену для террасы, и после обеда хотел заняться приготовлением ужина на несколько персон, но, наученный приобретённым на прошлой неделе опытом, ничего готовить не стал. И, как выяснилось, правильно сделал. Что подтвердил звонок Лизы, сообщившей, как показалось, насмешливым голосом:

— Сегодня нас не жди. Приедем завтра к обеду. У тебя всё нормально?

— Нормально, — нехотя буркнул Володя.

В течение последней недели Кузнецов соскучился по общению, по обыкновенному разговору, копаясь у «китайской стены», как прозвал он подпорную стенку террасы. В эти дни редко встречаясь с местными людьми, даже с художником, часто звавшим в лес, Володя о многом передумал. И не беда, что приходилось разговаривать и рассуждать с самим собой. Это, как оказалось, даже интереснее, ведь при этом более широким становился взгляд на жизнь, а сам он начинал понимать то, о чём ранее не задумывался.

Понизив в себе градус ожидания, на следующий день Володя встретил жену и сына скорее по обязанности, пропитавшись окончательной обидой. И теперь, что бы он ни делал, всё делал словно через силу, по принуждению, особенно, когда узнал, что они не собираются ночевать, а намерены сегодня же ускакать назад. Это известие сразу перевернуло душу Кузнецову. Ведь то, чего он непрестанно ждал две недели, надеясь улечься спать с женой, по которой за две недели неожиданно и необыкновенно соскучился, вдруг превратилось в вожделенный дым пустого соблазна. Пока носили из машины коробки с продуктами, он в эти минуты не мог смотреть на Лизу, боясь выдать обиду, даже ненависть, неожиданно пришедшую в эти минуты. Жена это сразу почувствовала и, уловив момент, когда сын включил телевизор, не желая пропустить футбольный матч, позвала Володю на второй этаж:

— Пойдём пока постели соберём.

Они поднялись по лестнице, переставшей к осени скрипеть, Лиза было принялась собирать покрывала с кровати, но на секунду отвлеклась и будто случайно пристально посмотрела на мужа.

— Зачем звала-то? — спросил Кузнецов.

— А ты разве не понял?

Всё, что потом произошло, произошло быстро, будто с перепуга. Они даже не успели до конца раздеться. Всё делали так, будто за ними кто-то гнался. Володя даже не запыхался. Когда он на какое-то время затих, она торопливо пошевелилась:

— Ну, всё, Кузя, — вставай! Дел полно!

Кузнецов нехотя привёл себя в порядок; ни он, ни она в эти минуты не смотрели друг на друга, словно произошло недоумение, о котором надо сразу и навсегда забыть. Собрав постельное бельё с двух кроватей, они спустились с узлами и вскоре вышли на участок, чтобы срезать несколько кочанов капусты, пяток тыкв да накопать свёклы и моркови. При этом Лиза проявила необыкновенную заботу:

— Ты о нас теперь не думай — о себе больше заботься! Оставляй столько овощей, чтобы на всю зиму хватило, а мы себе всегда купим.

Когда более или менее разобрались с овощами, принялись сажать чеснок. Грядку под него Володя вскопал заранее, и теперь оставалось лишь посадить чесночные зубчики и сделать это аккуратно, симметрично. Пока занимались грядкой, из дома вышел Алексей, одетый по-походному.

— Пойду за грибами схожу! — доложил он.

— Недолго гуляй-то, до темноты надо в Москве быть! — приказала Елизавета.

Сын что-то буркнул, вышел за калитку и не особенно охотно отправился к лесу. «Для нас старается, одних оставляет! — подумал Володя о сыне и посмотрел на жену; то, о чём он подумал, её, видимо, совсем не интересовало. — У неё теперь другая забота: дача! Неужели она готова пожертвовать мною, лишь бы сберечь то, к чему была долгие годы равнодушна, а теперь сделалась такой заботливой?!»

Ему вдруг захотелось именно сейчас доказать, что он чего-то ещё стоит, хотя никогда прежде не приходилось это доказывать, даже мыслей таких не водилось: всё происходило само собой.

— Пойдём в дом, пока Алёшки нет! — сказал он, как приказал, когда они принесли к машине кочаны и тыквы и помыли у рукомойника руки.

— Чего это с тобой, отец? — улыбнулась Елизавета. — Тебе, оказывается, полезно одному немного пожить!

Володя ничего не ответил, закрыл дачу изнутри. Но в доме Лиза неожиданно заупрямилась.

— Не хочу! — сердито повторила неоднократно. — Алёшка вот-вот вернётся!

Володя сперва подумал, что она шутит, пытается по-настоящему раззадорить его. Даже оттолкнула его, как похотливого мальчишку. И сразу с Кузнецова слетел юношеский пыл. Если бы он заглянул в этот момент в зеркало, то увидел, как постарел в одну минуту, как неправдоподобно глубоко обозначились морщины на его, в общем-то, моложавом лице. Но внешний вид — не главное. Главное же произошло в душе, где вдруг провернулись все отношения с Лизой, особенно за последний месяц. Кузнецов с необыкновенной ясностью окончательно понял, что он более не нужен Елизавете: как муж, как отец общего сына. Вообще не нужен. Хотя не совсем так. Нужен как бесплатный сторож, садовник и разнорабочий в одном лице.

Если бы он был выпившим в этот момент, то всё это тотчас высказал бы жене, но в трезвом состоянии не посмел — слыш-

ком уж необычными и дерзкими могли показаться его мысли, сказанные словами. Да и не поняла бы она, что творится у него на душе.

Ради сохранения теперешнего главенства в этом доме он сделал вид, что совсем не обиделся на Елизавету, обидно отпугнувшую его. Ведь, признаваясь себе, Володя понимал, что теперь он далеко не пылкий юноша, как, впрочем, и все иные мужчины его возраста. Именно поэтому не стал Володя обострять отношений и создавать впечатление обиженного. Даже более того: нашёл в себе силы всё перевести в шутку:

— Не особенно и хотелось!

— Вот с этого и надо было начинать! — поддержала Елизавета, не желая ссориться или просто дуться перед своим неминуемым отъездом.

6

Возвращалась она в Москву без настроения. Почти не разговаривала с сыном, тоже почему-то сделавшимся неразговорчивым. Наверное, оттого, что пришёл из лесу без грибов. Алексей молча крутил баранку, а она сделала вид, что задремала. В их откровенном молчании чувствовалась вина перед Володей, но они не хотели её признавать, переживая каждый по-своему. Да и как объяснить свои чувства близкому человеку о другом близком человеке?! Ведь наверняка придётся что-то утаивать, даже хитрить, чтобы все поступки казались естественными. Они оба это осознавали и переживали, но особенно Елизавета.

Устроившись на заднем сиденье, за мыслями она незаметно задремала, а проснулась лишь тогда, когда машина пронеслась под кольцевой автодорогой. Елизавета зашевелилась, зевнула, прогоняя остатки сна, и вспомнила о мыслях, не дававших покоя час назад, совсем по-иному: отстранённо, словно о давних воспоминаниях.

Около дома сын помог занести узлы с постельным бельём и отправился отгонять машину в гараж, а Елизавета с сердитыми мыслями поднялась на лифте и зашла в тамбур. Обычно она звонила в дверь, зная, что тотчас подбежит и откроет внучка, встреча с которой всегда доставляла радость, но в этот раз никто не отозвался на её звонок, и от этого сразу сделалось обидно. «Бабка с узлами мотается, а они дрыхнут!» — подумала она, доставая ключи, не желая теперь, чтобы открыла сноха, которая обычно в их отсутствие за весь день палец о палец не ударит. И Елизавета не удивилась, если бы они действительно спали, но в квартире стояла тишина, ни-

кого не оказалось — лишь разбросанные по прихожей вещи и неубранные роликовые коньки заставили всполошиться, сразу схватиться за мобильник.

— Ты где? — спросила Елизавета таким тоном, будто сноха в этот момент делала что-то предосудительное.

— Домой едем... — явно отговорилась Маргарита, а её недосказанность заставила нервничать.

— Откуда, с кем? Гелька с тобой?

— Едем на такси... Дома всё расскажу. Через десять минут будем! — Телефон отключился, и Елизавета сразу поняла, что что-то не так, что-то произошло то ли с самой Маргаритой, то ли с внучкой.

Так и оказалось, когда на пороге появилась сноха, поддерживающая дочь с забинтованной ногой. У Елизаветы сердце обмерло.

— Что это? — спросила она, указав на ногу Ангелины.

— Гипс... На роликах каталась...

— Я вам говорила, что дурацкие ролики до добра не доведут! — Покраснев от возмущения, Елизавета подхватила бледную внучку под руку, осторожно повела в квартиру.

— Она сама виновата — с детской горки решила прокатиться! — укорила Маргарита дочь. — Каталась бы, как все, по тротуару — и ничего бы не было.

— Было, не было... Сильный перелом-то?

— Малоберцовая кость сломалась... А сильный перелом или нет — не знаю. Теперь Эльке надо пять недель в гипсе пробыть!

— У меня как сердце чувствовало! Весь день сама не своя ходила!

Елизавета сразу вспомнила поездку к мужу, вспомнила, что сегодня всё с ним шло наперекосяк — и вот, пожалуйста, во что это вылилось! Захотелось накричать на сноху, напомнить ей, что она полная размазня, если уж за единственной дочерью уследить не может! Конечно же, ничего такого не сказала. Когда пришёл из гаража сын, думала, что хотя бы упрекнёт Маргариту, но куда там! Даже начал успокаивать. А чего успокаивать, когда её прямая обязанность следить за ребёнком. Но и этого мало: всё перевёл в шутку. Мол, главное, руки целы — так что дочь сможет и далее скрипеть на скрипке. Успокоил, называется.

В этот вечер о Володе никто и не вспоминал — не до него было, а когда вспомнили, то Лиза позвонила ему, сказав, что доехали, что, мол, всё нормально, ничего не упомянув о внучке. И сыну со снохой приказала ничего ему не говорить; измениться от того, если скажут, ничего не изменится, а он будет волноваться.

Позабывшись о Володе, она вдруг поймала себя на интересной мысли о том, что сегодняшняя поездка в Ключи закончилась совсем не так, как хотела, когда собиралась навестить мужа. Да, она зятянула с поездкой, он, наверное, подумал, что стал не нужен ей, что она ищет причины, чтобы ездить реже, а она не смогла, не успела ему объяснить, что это не так, что у неё и мыслей-то таких никогда не было. Хотя внешне могло показаться, что она чурается мужа, с которым даже не смогла остаться ночевать. Конечно, любому мужику будет обидно, когда, приехав на час, жена подразнила и умчалась.

За переживаниями, суетой они и поужинали кое-как. По одному подходили к столу, что-то перехватывали на ходу, а всё более кружились вокруг Ангелины, сидевшей в кресле с вытянутой ногой и держащей на коленях поднос с едой, с которого она ничего не взяла. Только попила соку. Её уложили в постель, а Маргарита, как совсем маленькому ребёнку, принялась читать сказку. Ангелина слушала-слушала, гримасничая от возвращавшейся после заморозки боли в ноге, и, не сдержавшись, заплакала. И Елизавета не утерпела, наскочила на сноху:

— Что ты к ней со сказками привязалась? В детстве надо было читать, а не сейчас, когда ребёнок с переломом лежит.

Маргарита промолчала и правильно сделала, а то Елизавета ей такое бы наговорила! Всё бы вспомнила: как взяла её к себе из общежития, как устраивала на работу после института, и, причём, не раз, потому что у снохи очень высокое мнение о себе. Ей всегда хотелось доказывать начальству свою правоту, а того, бестолковая, не понимает, что, даже если начальник не прав, — он начальник, а любой вышестоящий начальник будет защищать нижестоящего, если ты, конечно, не племянница президента. Вот когда будешь племянницей, по крайней мере, какого-нибудь члена правительства, тогда и нос задирай! А пока ты никто, тля древесная! Примерно так думала Елизавета, и ей захотелось всё это высказать сношеньке, глядя в её тёмные и бессовестные глаза! А то, послушаешь её, так хоть от смеха помирай: «Не там дачу строите!» Надо, видите ли, на её родной Тамбовщине горбатиться, свату со сватьей угождать! Мол, там земля чернозёмная, мягкая, хоть два урожая собирай, а под Сергиевым Посадом глина да болотины. И от мошки да комаров спасенья нет! Вот она, сермяжная правда! Знаем мы такую! И Елизавета вспомнила, как у неё на работе сноха сослуживицы подбила мужа строить дачу на своей родине, где-то аж под Смоленском, почти за пятьсот километров от Москвы. Ну и что? Построили. А кто в той даче живёт? Никто теперь, потому

как и самой дачи нет. Стояла, пока были живы старики, а как их не стало, то и за дачей смотреть некому. На дачу ту забрались бомжи и, как потом рассказывали подружке местные жители, неделю кутили в ней, а потом и вовсе сожгли: то ли по неосторожности, то ли по умыслу.

Перемыв после ужина посуду и собравшись кое-что простирнуть, Елизавета передумала, решив отложить стирку до завтра. Торопливо ополоснувшись, она ушла в свою комнату, включила ночник, взяла какую-то книжку, пробежала глазами по странице, но ничего не поняла, о чём прочитала, отложила и закрыла глаза. И сразу подступили мысли — одна за другой. И в мыслях — почему-то он, Володя, который сейчас один ворочается на даче, наверняка, злится... В дверь раздался осторожный стук, и всполошил голос снохи:

— Мам, не спишь? Ангелинка зовёт. Побудь с ней.

— А я-то думала — вы улеглись давно! — соскочила Елизавета с постели. Хотела она укорить сноху: «Ты что же за мать такая, что не можешь с дочкой посидеть?» Но не стала, завернула к Ангелине, потрогала лоб: — У неё ведь температура!

— Знаю... Врач предупреждал. Жаропонижающее дала...

— Ладно, разберусь! — отмахнулась Елизавета от снохи и, придвинув кресло, под села к внучке. Осторожно взяла её горячую руку, изобразила на лице страдание, словно очень понимала её боль. Надо бы как-то успокоить, но слов нужных не находилось, и она сказала чуть ли не с остраткой: — Терпи уж... Какое-то время надо потерпеть, а потом полегче станет... Ты, может, поесть хочешь, а то ведь и не ужинала совсем?

— Нет, — замотала головой Ангелина. — Попить хочу.

Елизавета отправилась в кухню и увидела читающего сына, укорила его:

— А ты чего не спишь?

— Да разве уснёшь, когда дочери тяжело. Да и выходной завтра — отоспимся. Главное, чтобы Ангелинка заснула. А заснёт — боль во сне чувствовать не будет.

— Может, это и так, но всей семьёй друг за дружкой ходить — не дело. Идите оба спать, а потом смените меня.

Елизавета навела чаю, вернулась к внучке и начала потихонечку поить её из ложки, поддерживая голову. Но девочка сделала несколько глотков и тяжело опустила на подушку, попросила:

— Бабушка, иди спать!

— И не подумаю. Сейчас побуду с тобой, а потом мама придёт. Разве можно тебя одну оставить? Ты вот что пока ска-

жи: про учителя музыки. Мне мама говорила, что теперь у тебя новый. А прежний-то куда же подевался?

— Не знаю... Ребята говорили, что уехал в другую страну.

— Ну и хорошо, что уехал. Невольник — не богомольник. Новый-то строгий?

— Теперь меня тётенька учит. Она консерваторию окончила, такая смешная. Говорит, что мне надо переходить в специальную школу. А то в нашей я плохо чему научусь.

— Стараться будешь — научишься! Хотя, если говорит, значит, знает, что говорит. А то, помнится, прежний-то постоянно талдычил, что из тебя ничего не получится. А вопрос со школой мы с папой обязательно обсудим. Может, ангел ты мой, и правда из тебя крупный музыкант получится. Придём однажды на концерт знаменитого оркестра, а там объявляют: «Солист — Ангелина Кузнецова!» А что, звучит!

Они ещё долго говорили о новом преподавателе, о будущих концертах по всему миру. Молола языком, конечно, Елизавета, наблюдая, как Ангелинка всё больше и больше скукоживается, всё чаще зеваает и, казалось, вот-вот заснёт. Но как только Елизавета замолкала, внучка открывала глаза, вопросительно смотрела на бабушку: мол, чего же ты замолчала, я слушаю. А та уж почти обо всём рассказала, а внучка и не думала засыпать, лишь попросила:

— Бабушка, иди спать! Мне уж легче. А ты совсем устала!

— Ни капли... Мне даже интересно с тобой говорить.

И всё-таки их прервала Маргарита, заглянувшая в комнату и сразу укорившая:

— Вы всё не спите?! Мам, иди, ложись, а то ты сегодня и без того наматалась!

Елизавета ничего не ответила снохе, поднялась с кресла, чмокнула внучку и отправилась к себе. Думала, что сразу заснёт, но бесконечные мысли текли ручьём, даже пришлось принять успокаивающее лекарство. В конце концов, она заснула, а проснулась утром с головной болью. Не выспавшаяся, она заглянула к Ангелине — та спала. Хотя это радовало. Попив чёрный кофе, Елизавета решила позвонить мужу, «порадовать» новостью, а то он там, как у Христа за пазухой, знать ничего не знает. Конечно, он-то ни при чём, и говорить надо было как-то по-иному, мягко, по-семейному, но не получилось мягко, настроение оказалось не тем.

— Ну, что? Блаженствуешь и знать ничего не знаешь. Хорошо устроился! — сразу укорила она и рассказала о внучке.

Что и говорить: новость оказалась для Володи неутешительной. Помнится, в детстве он тоже имел перелом — сломал безымянный палец на левой руке, когда чинил велосипед и, оступившись, неудачно ткнулся рукой в звёздочку. И хотя тот перелом не сравнить с переломом внучки, но всё равно болезненные ощущения того времени помнил до сих пор, хотя запомнилось и другое: очень радовался, зная, что какое-то время не надо ходить в школу. Всё это, конечно, детские воспоминания, но, вспомнив их, Володе сразу захотелось съездить в Москву.

— Жалко, конечно, Ангелинку, — только и сказал Кузнецов, — но ничего, оклемается помаленьку. А пока пусть уроки учит да инструмент не забывает!

Такой ответ, видимо, окончательно рассердил Елизавету, и она упрекнула тем, о чём только что думал Володя:

— Мог бы и приехать, учитель! Хотя бы на часок!

— Вас там трое — справитесь! Дачу не на кого оставить! — сразу заупрямился он.

— Ничего не делается твоей даче.

— Как-нибудь приеду.

— Теперь уж не надо... Мог бы и сам догадаться, а не ждать подсказки!

— Всё сказала? — спросил Кузнецов и, не дождавшись ответа, отключил телефон.

Володя зачем-то выскочил на улицу, словно жена находилась рядом, и он только что говорил с ней не по телефону, а с глазу на глаз. Работал до обеда. За это время о многом можно было передумать, но мысль была только одна — о внучке. Хотя нет-нет да и Елизавета вспоминалась. Но о ней думать совсем не хотелось. Володя всё бы воспринял спокойно, если не её вчерашнее поведение и отношение к нему. А то приехала, подразнила и исчезла. Разве настоящие жёны ведут себя так?! «Вот завалюсь к Макарихе, или того круче — приведу её к себе жить! — подумал он. — Тогда закрутишься, дорогая Елизавета, начнёшь на себе волосы рвать!»

От неожиданно пришедшей мысли Кузнецов даже развесялся. И работать сразу расхотелось. К тому же вспомнил, что сегодня воскресенье, а он, как-никак, всё-таки православный, и не след в этот день работать. Поэтому, вернувшись в дом, побрился, принял душ. Когда сел обедать, то почему-то пришло праздничное настроение, словно и не ругался с женой недавно. Выпил рюмку, закусил, добыв кое-чего в холодильнике. Правда, первого блюда не оказалось, а

Елизавета вчера даже и не подумала сварить какой-нибудь супец. Ладно, и без него можно денёк обойтись. «А вот с завтрашнего дня, — решил Кузнецов, — без первого обедать не сяду! И никакая терраса не помешает!»

Чтобы не маяться после обеда одному, решил сходить к Передвижнику. А то несколько дней не виделись. А только выглянул за ворота — откуда-то выросла толстобёдрая Эльза, сгорбившаяся под вязанкой хвороста. Эльза рекламировала себя старой девой, жила одиноко на въезде в Ключи, и может, поэтому от избытка времени всё обо всех знала. Было ей под семьдесят, ходила она вечно неряшливой, косматой. Летом, правда, когда в деревне сновали дачники, к которым относилась пренебрежительно: «Наехали тут!», редко выходила из дому, а с началом осени, когда московское нашествие откатывалось, оживлялась, начинала таскаться по гостям, навещая старух, доживавших век в Ключах и похоронивших мужей. Из всех москвичей она лишь к Передвижнику относилась дружелюбно да к Кузнецову, зная его как уроженца здешних мест, училась с его сестрой в Ложкинской школе в одни примерно годы. Так что для неё Володя — местный житель. Но сейчас, увидев его приодетым, едва узнала, потому что всегда он бегал по Ключам в драных штанах да выгоревшей рубахе.

— И далеко, милоч, собрался-то? — сразу бесцеремонно спросила Эльза.

— К тебе свататься!

— Опоздал... Да и не такие ко мне заявлялись, но и те убежали со стыдом!

— Обидно... А я-то уж было по-настоящему наострился. В рубаху с петухами нарядился, башмаки начистил, шнурки погладил, а оказалось — от ворот поворот!

— Ты, малый, не придурайся. Если к художнику, так и скажи, не вертись!

— А, кроме него, разве и сходить не к кому!

— Лизка твоя сходит, только попробуй — всю морду исцарапает! Да и не след тебе колготиться-то, если отпуск вот-вот закончится!

— Ладно, откроюсь... К Передвижнику собрался, угадала. Жив ли он?

— Живой... С утра чем-то гремит на веранде. Должно быть, отъезжать собирается.

Никанор Аристархович действительно собирался к отъезду, и когда Володя объявился, то сразу оповестил:

— Всё, дорогой сосед, — сматываю удочки, машину заказал! Сезон для меня закончился! Спорить не буду: поработал

хорошо, хотя и жаркое было лето нынешнее. Сам, поди, знаешь. А в Москве — так особенно! Но не сидел, сложа рук. Три десятка акварелей написал, маслом десяток холстов выполнил. Так что не стыдно возвращаться.

— И куда же это добро денешь?

— Удачные себе оставлю. Остальные известно куда — в салон сдам.

— Молодец! Со всех сторон деньги идёт! — с лёгкой завистью похвалил Кузнецов. — Ладно, собирайся ко мне. Напоследок по рюмашке пропустим да перекусим. А то кто тебя в Москве ждёт? Приедешь, а там шаром покати.

Возвращаясь, Кузнецов радовался, что появилась возможность поговорить напоследок, забыться от наскоков Елизаветы. А то уедет Аристархович, и не с кем будет слово замолвить. В бирюка превратишься. Собирая закуску и размораживая в холодной воде карасей, Володя вдруг подумал, что всю предстоящую осень и долгую зиму ему придётся общаться исключительно с женским коллективом, со всеми этими Эльзами и прочими представителями местной теневой номенклатуры. Хотя это и звучит смешно, но ещё неизвестно, что придётся испытать за это время от непредсказуемой старушечьей дури.

Болотный пришёл через час: в старомодном костюме, мятой рубашке, утянутой узким и скрученным галстуком, правда, в модных — блестящих и узконосых — туфлях. Принёс бутылку коньяку. К этому времени у Володи всё было готово для душевного разговора, и разговор этот начал гость.

— Вот приоделся — сразу другим человеком себя почувствовал! — поставил он в известность, ощупывая подстриженную бороду. — А то совсем за сезон отвык от гражданской одежды. Всё лето в шортах мелькал да в штиблетах шаркал, до дыр их сносил.

По взгляду, по тону гостя было заметно, что он в прекрасном настроении — слова так и сыпались из него. Видно, приелась ему повседневное однообразие, захотелось перемен, городского общения. Володя так и спросил, прямо:

— Что, Аристархович, по асфальту соскучился?

— И по нему — тоже, — сказал он, усаживаясь на указанное Володей место. — Но всё-таки для меня не это главное... Главное — в общении с художниками, галерейщиками. Важно услышать мнение о своих работах, сравнить его со своим ощущением. Ведь бывает, что понимаешь: картина удалась, а всё равно до конца нет твёрдого убеждения. Вот и важно услышать чей-то отклик. Пусть он будет даже не самым лестным, но главное, чтобы оказался доброжелательным и честным. Разве не так?

Вопрос требовал утвердительного ответа, и Володя поспешил поддержать гостя, надеясь, что тот более не станет развешивать бесконечную тему искусства. Чего-чего, а Кузнецов не любил в Аристарховиче именно это занудство, время от времени накатывавшее на него. Ведь надо понимать: где, с кем и о чём говорить! Вот приедешь, дорогой ты наш художник, к своим бородатым коллегам, тогда и отводи душу. А в деревне тебя никогда не поймут с такими разговорами. Об этом Володя, конечно же, не сказал и не мог сказать, но, всё-таки, оставаясь при своём мнении, вслух поддержал гостя:

— Вот давай за это и выпьем!

— Именно так! Чтобы глаз был всегда зорок, и кисть от краски не пересыхала!

Выпив и закусив, они пропустили по второй, и только тогда Володя подпустил карасей на разогретый противень и поставил в духовку, решив карасей приготовить по-праздничному, давая тем самым понять, что спешить некуда. Воспользовавшись паузой, Аристархович вышел покурить. Володя же остался у плиты и услышал звонок. Взял трубку — звонила Лиза. И сразу с вопросом:

— Чего делаешь-то?

— Карасей запекаю, ужинать собираюсь.

— Не выпиваешь?

— Коньяк рекой течёт!

— Вот и молодец... Не обижайся, что вчера так быстро умчались. У меня сердце болело об Ангелинке, как чувствовало...

— Как она? — спросил Володя, не особенно-то желая выслушивать крокодильи слёзы.

— Тяжело ей, конечно... Днём поспала, сейчас телевизор смотрит. Температуру у неё сбили. Хоть в этом радость.

— Ладно, привет ей от меня! Пусть держится. Как поправится — пусть к деду приезжает! А то, скажи ей, дед соскучился, а ты, наверное, не пускаешь.

— Хватит выдумывать... Не забудь полить карасей сметаной — вкуснее будут! В холодильнике два стаканчика оставила.

— Полью, заботливая ты моя! Всё, пока!

Володя отключил телефон, достал из холодильника сметану, густо намазал ею скворчащих карасей и вернул противень на место, убавив температуру в духовке. Пока занимался, вернулся художник, повёл носом, вздохнул:

— Как в ресторане!

— А то, Аристархович! Ведь тоже кое-где бывали, знаем жизнь не понаслышке!

— Ты прав: жизнь — самая лучшая учительница! Сколько ни мотайся по градам и весям, всё равно не увидишь за покáзным лоском глубины. Для этого надо за фасад заглянуть. Помнится, в молодости я бывал в Италии — на стажировку ездил по линии Академии. Вроде бы много там света и красок, а когда выезжали из города на природу, в тамошние деревушки, общались с местными жителями — совсем другая Италия открывалась. И краски там иные, не выжженные солнцем, как в городе, а натуральные — благоухающие цветами. И ещё люди. Они такие же, как в наших деревнях, лишь немного любопытнее да живее. Так что вывод можно сделать такой: если знаешь и любишь свой народ, то и другой народ полюбишь и узнаешь.

— За это надо выпить!

Кузнецов наполнил рюмки, заглянул в духовку и, увидев, что караси готовы, достал противень. Разложив карасей по широким тарелкам, вернулся за стол.

Никанор Аристархович взял вилку, принялся за карася и усмехнулся:

— У Шолохова в «Поднятой целине» есть такой эпизод... Щукарь рассказывает об одном генерале, своём барине. Мол, барин тот, когда ему подавали устриц, мог их сотнями натошак заглатывать. «Вустрица ишо из ракушки не вылупится, а он уж её оттель вилочкой позывает». Ну не чудо ли это слово — «позывает»? Кто ещё мог так к месту употребить такое точное, кроме Михаила Александровича? Никто!

— Приходилось «позывать»?

— Ещё как приходилось... Только твои караси вкуснее, поверь мне! Я и не догадывался о твоём прудовом хозяйстве. Никогда ведь не говорил!

— А чего языком болтать, когда повода не имелось. Вот теперь, когда они нагуляли жирок, — пожалуйста! Почему не отведать с хорошим человеком?

Последние слова Кузнецова Болотный понял по-своему: мол, не говорил до последнего, а перед расставанием открылся. У Володи тоже было своё толкование, вроде бы несерьёзное, но всё равно мелькавшее в голове: «Если бы не оставался я на зиму, если бы не собачился с Елизаветой, вряд ли бы ты, уважаемый Аристархович, баловался моей рыбкой и бахвалился об устрицах, которых, может, и пришлось когда-то разок попробовать, а в остальном лишь «позывал» в своих фантазиях для красного словца». И всё-таки даже после таких мыслей Кузнецов не обижался на Передвижника. Ведь не будь его — совсем поганое настроение растеклось бы по душе. А так — всё-таки отдушина. Понятно, что ничего он не

высказал, и расстались они друзьями. Володя напомнил напоследок, что завтра придёт проводить, а заодно доедет до Ложкина: надо побывать на материнской могилке да к сестре заглянуть.

8

На следующий день в Ложкине долго не валандались. Володя выбрался из кабины «Газели», поручкался на прощание с Аристарховичем, пожелал удачной дороги, и тот сказал: «С Богом!» Машина укатила, а Кузнецов задумался над последними словами, потому что никогда Болотный так не говорил, не упоминал Всевышнего.

Остановился Кузнецов в центре посёлка, недалеко от родительского дома и решил идти сперва на кладбище, потому что Вера на радостях раскудахчется, пустит слезу; она почему-то стала слезлива не в меру. Как начнёшь говорить с ней, обязательно вспомнит мать, своего Михаила, мол, все-то её бросили. А более всего начнёт рыдать о Насте — дочке любимой и единственной, какой уж год жившей с мужем на каком-то острове в океане. «Это ведь надо — куда забралась?! — всякий раз сокрушалась сестра. — Родимую сторонюшку на Африку далекую променяла! Беда-беда...» Дочь приезжала в Ложкино сразу после своей студенческой свадьбы, которую сыграли в Москве, показала мужа Майкла: чёрного, маленького, кучерявенького — такого, что в посёлке ему сразу прозвище приклеили: «Миклуха». Конечно, в лицо ни Вере, ни Михаилу не говорили, но слухи-то всё равно до них дошли. Особенно они Михаилу не нравились, когда узнавал, что говорили о его «тёзке». Пожила дочь несколько дней в Ложкине, а когда расставались, Михаил шепнул ей, чтобы, мол, с таким здесь более не появлялась — не позорила! Настя, конечно, обиделась, тем же летом, окончив университет, уехала со своим Миклухой, и с тех пор никто не видел её в Ложкине. За эти долгие годы умер отец, бабушка, а от неё ни слуху ни духу. Редко когда письмо, обляпанное заграничными марками, пришлёт. Вот как обиделась девка.

Пробираясь на край посёлка, Кузнецов нарвал в палисаднике пустующего дома флоксов. На кладбище пришёл, а здесь благодать: синицы перекликаются, ветерок шуршит пожелтевшими листьями берёз, словно подпекает птицам. Могилки матери и Михаила ухожены — Вера старается, не бросает — молодец! Володя посмотрел на отколотую с одного края керамическую фотографию Михаила, помолчал, глядя на его лицо, уставшие глаза, подумал: «Да, мужик, хорошо

тебе здесь, надёжно обосновался! А мы живём — не знаем, чего с нами завтра будет! Сплошь суета и бестолковщина!»

На могилке Нины Петровны Володя даже прослезился. «Мам, прости меня!» — попросил он. Если взрослым не обижал, то в школьные годы давал перцу. Мать, бывало, не успевала к директору в кабинет таскаться. Сходит, выслушает нотацию, придёт домой поплачет, а чтобы грубое слово сказать — ни-ни. От сестры в ту пору больше доставалось. Это сейчас Вера стала размазня-размазнёй, а тогда — боевая, дерзкая, непонятно в кого, потому что и отец их не отличался крутым нравом. Ходил, помалкивал больше. Вера не такая. Чуть что не по ней — держись, Володя, оплеухой обеспечен. И это продолжалось до самой армии. Только когда он демобилизовался, поотмякла, да и то, наверное, потому что замуж вышла, дочку растила — не до брата стало.

Да, как же всё в жизни изменилось. Если тогдашним пацанам хотелось поскорее повзрослеть, то теперь бы Кузнецов с радостным изумлением вернулся в те дни и стал жить со всем по-другому. Уж не стал бы повторять то неприглядное, что когда-то вытворял, о чём даже сейчас не хотелось вспоминать. Хотя всё относительно: то, что тогда казалось дерзким, сейчас на это никто и внимания не обращает. Целуются на улице молодые — ну и целуйтесь, ходят девчата с голыми пупками — ну и ходите, пьют пацаны пиво на улице — ну и пусть пьют. Подумав о нынешней молодёжи, Володя вспомнил недавнюю усмешку Аристарховича. «Во все времена человечество оставляет о себе весьма точные определения, — сказал он как-то. — Так вот... О начале третьего тысячелетия будущие историки будут говорить как о том периоде в развитии человечества, когда женщины не стеснялись прилюдно показывать нижнее бельё...» Совсем не к месту обо всём этом подумав, Володя вслух сказал, словно матушка могла услышать:

— Вот так, дорогая Нина Петровна, мы и живём теперь! Безумными все стали!

Собравшись зайти к сестре, он, коротая путь, пошёл через старинный барский парк — одичавший, ставший почти лесом — чтобы сразу выйти к нужному дому. Огибая худую ограду дома престарелых, Володя заметил искры у хозяйственного сарая. Низ сарая был кирпичным, а фронтон, к которому крепились «стаканчики», — тесовым, а у «стаканчиков» словно электросварка вспыхивала синим огнём! Володя не знал, что за ценности хранятся в сарае, но в любом случае пожар будет, а от пожаров этим летом вся Россия и без того устала! Пробравшись к сараю, Володя со всего маха дол-

банул по искрившему проводу лопатой, но пламя-то лопатой не собьёшь! Чувствуя, что вот-вот на его глазах разгорится пожар, и ничего не имея под рукой, чем можно было загасить его, он начал копать луговину и ошмётками земли пытался сбить пламя, при этом кричал, звал на помощь: «Люди, люди! Где вы? Горите!»

Не сразу, но его всё-таки услышали. Прибежала какая-то кухонная бабёнка в замызганном халате, принесла полведёрка воды. Воды, конечно, не хватило, но пламя слегка пригасло.

— Неси ещё! — приказал Кузнецов, продолжая махать лопатой. — И людей зови!

К тому времени, когда вернулась бабёнка с подмогой, Володя пламя сбил землёй, но дым продолжал валить, и вода оказалась очень кстати. Вылив оба ведра, Володя только тогда разглядел и узнал ловкую Марию Макарову, спросил:

— Где начальство-то, чего оно за порядком не смотрит?

— Директор в отпуске, а заместителю позвонили. Сейчас придёт.

— Вот и хорошо... Надо ток отключить! А то провод валяется — кто-нибудь сдуру наступит! — озаботился Володя и шуганул зевак: — Всё, господа зрители, концерт окончен, расходитесь! Нечего тут мельтешить.

Кто-то отошёл в сторонку, а большинство всё-таки осталось, о чём-то переговариваясь. Вскоре показался лысоватый, широкий в животе мужчина, почему-то с зонтом, хотя дождём с утра и не пахло.

— Наш зам идёт! — негромко сказала Макарова, разглядывая Кузнецова, словно никогда не видела его. — Мы пошли, а то начнёт ворчать.

— За что же ворчать, если вы премию с подругой заработали!

Мария и её кухонная подружка отошли в сторонку, а подошедший заместитель директора сразу нахмурился, посмотрел на Володю с таким подозрением, словно происшествие случилось именно по его вине:

— Что здесь происходит? Вы кто?

— Прохожий, мимо шёл... Непорядок в ваших войсках, командир! За проводкой-то надо следить, а то, не ровён час, оставите стариков перед зимой без крыши над головой!

— Это не ваша забота! Что здесь всё-таки произошло? — начал суетиться заместитель.

— Поосторожнее... — предупредил Кузнецов. — Он уку-сать может! — И указал на валявшийся провод. — Пожар тут был. Хорошо, что быстро потушили. Электрика вызывайте! Надо линию обесточить!

— Откуда я его вызову-то, если он третий день не просы-
хает.

— Пассатижи-то, надеюсь, найдутся в вашей конторе?

— Сейчас принесу.

Пока ходил, подошла Макарова, попросила:

— Владимир Николаевич, я вижу — вы мастер на все руки...

У меня утюг испортился, перестал греть. Может, посмотрите?

— Приноси. Теперь никто их не чинит.

— Спасибо, — сразу повеселела Мария, — сегодня же вечер-
ком загляну, пока у вас отпуск не закончился. А то уедете —
тогда и попросить будет некого...

Она не стала более мелькать перед глазами, а Володя нео-
жиданно разволновался от разговора с ней, сразу представил,
что может произойти, и подумал: «Ну и хорошо... Если
добыча сама в невод идёт — надо ловить!»

Может, поэтому, а может, нет, но когда замдиректора при-
нёс пассатижи и кусачки, Кузнецов, приставив лестницу,
обрезал на столбе оба провода и заторопился в Ключи, чтобы
успеть приготовиться к приходу Макаровой. Но перед этим
всё-таки решил заглянуть к сестре, а то неизвестно когда ещё
выберется в Ложкино.

Зашёл в родной дом, а сестра сразу в рёв, и не понять: то ли
от радости, то ли по всегдашней привычке пускать слёзы,
которые, правда, очень быстро высохали, едва лишь закан-
чивались объятия и приветствия.

— На кладбище ходил, — поставил в известность Володя. —
Маме поклонился, отцу, да и Михаила твоего не забыл... А ты
молодец — за порядком, чувствуется, постоянно следишь.
Они, наверное, там довольны.

— Уж куда с добром... Живут и знать ничего не знают, и
ведать не ведают — разве не благодать? Это мы тут все пере-
живались.

— Чего тебе-то переживать: сыта, обута-одета, никто не-
рвы не мотает.

— А Настя?! Почти полгода писем нет. Как прислала пе-
ред Пасхой, так и молчок после этого.

— Значит, всё хорошо у неё, если не пишет.

— Ой, и думать чего не знаю... А ты не стой! Мой руки и
садись за стол — сейчас покормлю!

Как только Кузнецов уселся за стол, Вера сразу забыла о
дочери:

— Ты в отпуске, что ли? А то, гляжу, дачники-то поразье-
хались, тихо стало...

— В отпуске... — согласился Володя, не осмелившись даже
сестре открыть своё положение, потому что тогда сразу бы

пошли вопросы волнами. А ему в этот момент не хотелось разводить словесную канитель: в мыслях он уж был с Макаровой. Поэтому, перекусив, Володя собрался уходить. Уже на крыльце Вера попросила:

— Поедешь в Москву, Лизе привет передай да поругай её, что ко мне не может заехать, совсем забыла. Я уж вам и утку приготовила. Хоть сейчас забери. А то когда теперь появишься? Вам же, москвичам, всегда некогда, всегда спешите.

Делать нечего: взял Володя утку, поблагодарил и подумал о Вере: «Надо будет как-нибудь ей карасей занести! А заодно рассказать, что теперь он — постоянный житель Ключей. Вот обрадуется-то!»

Кузнецов не стал ждать автобуса, пошёл в Ключи пешком, радуясь, что теперь будет чем угостить Макарову, если она действительно придёт. Порадовавшись, Володя вдруг вспомнил о том, о чём не вспоминал последний месяц: о деньгах! Ведь он несколько уж раз ходил на шоссе, где иногда притормаживала продуктовая автолавка, кое-чем запасался из продуктов, но сколько их ни покупай, они имели странное свойство быстро уменьшаться. Поэтому, если и далее так дело пойдёт, то надо будет искать какую-нибудь работёнку. А что? Вон в интернате электрик пьяница! Подсуетиться на его место: какой-никакой, а заработок! Правда, подумав о работе в интернате, Кузнецов сразу прогнал эту мысль, потому как не след переходить кому-то дорогу. Пусть и пьянице. Ведь он, как и все они, наверняка мстительный, сразу невзлюбит его, тем более что совсем не знает (Володю действительно мало знали в Ложкине, особенно молодёжь.) Тогда сразу поинтересуется: кто такой, откуда? Выяснит, что в Ключах живёт в барских хоромаш, ну и дождётся, когда Володя отправится в интернат. В тот же день пустит красного петуха — вот и думай тогда: сколько заработал, а сколько потерял!

За мыслями и думами Володя незаметно добрался до Ключей и срезал угол, подойдя к даче луговинной, издали приглядываясь: всё ли в порядке? Внешне вроде ничего подозрительного. Убедившись, что всё так и есть, он переоделся, попил чаю, а после, разрубив утку, поставил кастрюлю с мясом на плиту. Как раз к вечеру сварится, а тогда будет видно, что далее делать: то ли заправить бульон лапшой, то ли отварить картошки. Подумав так, Кузнецов всё же решил, что он сварит мясо, а уж Мария пускай сама что-нибудь придумает. А то придёт на готовенькое, слизнёт угощение, и была такова. А так будет время поговорить, разузнать её настроение: действительно ли у неё уют «не греет», или это лишь повод для встречи.

Кузнецов неторопливо побрился, побывал под душем и вполне подготовился к приходу Макаровой, а она всё не шла и не шла. Уж стемнело окончательно, уж утка превратилась в сплошное мясное месиво — можно на холодец разбирать, а Володя всё томился и томился один. И, в конце концов, понял, вспомнив гадкую женскую сущность — наобещать и не выполнить. У них это запросто.

Сытно поужинав, он посмотрел по телевизору новости и завалился спать. Уже засыпая, всё-таки вспомнил Макарову и подумал о том, что надо бы самому как-нибудь заглянуть к ней.

9

Мария действительно собиралась сходить к московскому дачнику, и совесть её была чиста, потому что уют и правда не работал. Собираясь в гости, Мария имела ещё одно желание, почему-то скрываемое даже от себя: хотелось поговорить с мужчиной, попить с ним чаю, но без всяких тайных мыслей. Просто пообщаться. Ведь после гибели мужа она так ни перед кем по-настоящему не открылась, не облегчила душу: в Ключах не с кем, а в Ложкине — там работа, да и помоложе девчата есть, чтобы мужикам глазки строить. А ей не нужна любовь-морковь, а хотелось лишь знать, что есть человек, который всегда сможет прийти на помощь, и услышать при этом от него дельное слово, до какого сама не могла додуматься.

Вернувшись под вечер с работы, Мария не торопилась: передохнула, почаёвничала, а после начала прихорашиваться, надеясь с наступлением сумерек отправиться к Кузнецову, чтобы не попасться случайно зряшному глазу. Так и сделала: дождалась нужного часа, а только вышла из дому, то сразу увидела у своего палисадника Устюжанину, чёрной вороной застывшей на скамеечке. У Марии аж под ложечкой кольнуло! Невольно вырвалось:

— Баб Наташ, кого ждёшь-то?

— Кого мне, милая Манюня, ждать... За порядком слежу. Выходи, вместе посидим, а то скучно одной-то.

«Сорвался поход! — всё обрушилось в душе Макаровой. — Хочешь не хочешь, теперь надо с этой сплетницей торчать!»

— Погоди, фуфайку надену, а то зябко к вечеру-то... — постаравшись не выдать поникшего настроения, сказала Мария и вернулась, положила на диван сумку с утюгом и вышла на улицу, надеясь немного поговорить с непрошенной гостьей и спровадить её.

— Вот смотрю на нашего москвича и удивляюсь! — указала Устюжанина на светящиеся окна Кузнецовской дачи, едва Мария показалась из веранды. — Электричество жгёт и жгёт! Это какие же деньги надо иметь?!

— Баб Наташ, тебе-то какая забота?! Жжёт — ну и пускай себе жжёт — они богатые, для них это копейки. Зато в наших Ключах веселее.

— Это верно... А не тебя ли дожидаясь, Владимир Николаевич свет-то жгёт?

— Скажешь тоже, баб Наташ! Какой же мужик будет рекламу делать, если чего замыслил? — рассмеялась Мария. — Все тёмные дела в темноте делаются... Тебя увидела и вышла. Дай, думаю, пойду с тёткой Натальей поболтаю, пока погода ясная. А то чичер пойдёт, не особенно рассидишься.

— И то верно, девка, — согласилась Устюжанина и, рассмеявшись, добавила: — А если и сходишь — невелика беда. Надо бы его толстокожей Лизухе перца с солью сыпануть на одно место. А то ведь, как приедет, царицей по деревне ходит, никого не замечает.

— Не те уж мои годы, баб Наташ, чтобы на мужиков пялиться. Как вспомню своего Серёню, то никого и духом близко не хочу видеть. Да и привычку к этому надо иметь. Посмотрю я на ложкинских баб, особенно какие помоложе, так ведь у них одно на уме: так и ждут подарков, а ведь подарками-то мужики просто так не разбрасываются. Где-то они пьяницы, а где-то уж такие кредитные: шоколадку иной купит, а потом за эту шоколадку готов день и ночь перед глазами мелькать.

— Это уж всегда так было между мужиками и бабами: кто кого перехитрит... Помнится, в девках я ещё была, поехали мы в Калязин на ярмарку. Санный путь только установился. А дорога-то, сама знаешь, далёкая — в ночь отправлялись. Двое саней от нашего колхоза наряжали — ложками торговать да всякой кухонной утварью. Туда с ложками, обратно — кто с чем: кто рыбы волжской накупит, кто мануфактуры. Ведь ложками-то торговали не только артельными, но и своими приторговывали. Помню, с нами бригадир ездил, дядя Вася Божатков. В белом полушубке, бравый такой фронтовик... Так он всю дорогу семечками меня кормил да норовил за пазуху забраться; да и чего не забраться-то, если укрывалась с ним от снега и позёмки одной полстью. Когда ничего у него не вышло — прикинулся, что задремал, а сам так и прижимался, так и прижимался, будто согревал меня.

— Чего ему нужно-то было?

— Тайное место искал, паразит...

Мария рассмеялась:

— А ты чего смотрела?! Шибанула бы фронтовика чем-нибудь!

— Как же шибанёшь, если он семечками снабжал. А я страсть как любила семечки. Это сейчас, когда зубов не стало, не побалуешься ими, а тогда очень большая охотница была. Хотя не ребёнок — соображала, чего тому фронтовику нужно, но охальничать над собой не позволила, как он ни егозил.

— Ну и чем дело кончилось? — рассмеявшись, спросила Мария, представив, как Наталья не позволяла «охальничать».

— А ничем... Пока туда ехали, у него семечки имелись, а когда я не поддалась, то и семечки закончились... А на обратном пути я в другие сани пересела. — Устюжанина привстала, зябко одёрнула куртку и тяжело опустилась на прежнее место. — Это ещё что, пустяк, можно сказать, а вот такой был случай, что захочешь забыть, да никогда не забудешь... Помню, уж замужем была, на сносях ходила... — начала она новый рассказ, и Мария поняла, что не останови сейчас старуху и не уйди — она будет молотъ языком до бесконечности, но остановить и уйти сил не было, не могла довести старуху до обиды.

Макарова в эту минуту вдруг подумала о себе самой, попыталась понять, почему пристала к Кузнецову не в самом подходящем месте — на пожаре! Ведь всё лето имелось в распоряжении, а последние две-три недели так и вовсе Кузнецов жил в Ключах один! Но тогда о нём почему-то не думала, а теперь, когда он вот-вот уедет в Москву, вспомнила. Что случилось-то? Утюг, что ли, перегорел? Так он месяца два уж не работает! Что-то здесь не так, что-то случилось с ней самой. Прежняя Мария не могла так поступить, это какая-то новая в ней поселилась, непохожая. Ведь неспроста же Устюжанина обозвала Манюней, потому что всегда в их краях манюнями называли расхожих девок, у которых сквозняк на уме. Хотя откуда знать Устюжаниной, что она сегодня задумала, какой такой залётный ветер всколыхнул её, и вообще: к чему всё это? Отругав себя в душе, Мария подумала: «Уж скорее бы уезжал этот Кузя! Сколько ещё будет мелькать перед глазами?!» И как только так подумала, то и на душе полегчало, даже рассмеялась над собой: «Вот фарья-то! Заегозилась теллячим задором на старости лет!»

Теперь она слушала Устюжанину даже заинтересованно, хотя, пропустив начало её новой истории, задумавшись, не особенно понимала, о чём она рассказывала. Поэтому похвалила и одновременно оборвала её:

— Молодец, баб Наташ! Есть чего вспомнить. Пойдём по домам, что ли? А то что-то зябко стало.

Пойдём, — согласилась Устюжанина. — Чайку попью и снова выйду. Сегодня моя очередь караулить.

— Это Немка, что ли, придумывает? — усмехнулась Мария.

— Почему Немка? Мы все так решили! Зато в Ключах никто по домам не лазит, и хулиганства нет никакого.

Хотела Мария сказать, что молодых-то не осталось, вот и хулиганить некому, но промолчала, не стала обижать старую. Хочется им в такие игры играть — пусть играют. Только одно огорчило Марию: теперь и думать не смей, чтобы сбежать к Кузнецову. Теперь все задумки в сторону. И она сперва огорчилась, а потом скинула с себя нависшую тяжесть, как это не раз уж бывало после гибели мужа. Мол, нет счастья, и ждать теперь его неоткуда! Правда, вернувшись в дом и устроившись спать, долго не могла заснуть, вспоминая прожитые годы и пытаясь заглянуть в будущее, в котором, возможно, кто-то ждёт её! Она и уснула под эту убаюкавшую мечту.

Утром же появилось совсем иное настроение — более решительное. «Не будешь о себе думать — никто не позаботится!» — укорила себя, пока крутилась в интернатовской кухне. — В конце концов, не съест же он, что явлюсь без утюга! — пыталась угадать наперёд, чем может закончиться такой её визит. — А если мужик с умом, то сразу поймёт, зачем к нему гостя добровольно притащила... Должен понять!»

Макарова так и поступила. Когда их бригада поваров разделалась с ужином, она заторопилась в Ключи. Сперва торопилась по шоссе, как обычно, а перед Ключами свернула и пошла лесом, надеясь скрытно выйти к нужной усадьбе. Она всё правильно рассчитала, чем не могла не удивить Володю, копавшегося в это время у «китайской» стены. Он даже отложил лопату, когда оглянулся на треск сучьев, доносившийся от пробиравшегося вдоль ограды человека в красной куртке. Пригляделся — женщина! Да знакомая! А она тем временем нырнула в калитку, торопливо поднялась на пригорок и остановилась перед Володей:

— Вот и я...

Володя замаялся, оглядел раскрасневшуюся Марию с ног до головы и всё понял, позвал за собой:

— Пошли в дом. Чего здесь торчать.

До дачи они шли молча, а когда скрылись за дверьми, Мария попросила:

— Ты уж, Владимир Николаевич, не обижайся, что без утюга. Вчера не могла прийти, да и сегодня не думала, что попаду. Но если что не так — могу удалиться!

— Не трещи! — чуть ли не приказал Кузнецов. — Сейчас тебя кормить буду.

— Не хочу. Только что от плиты.

— От чая-то не откажешься ведь?

— Не откажусь...

Включив чайник, Володя отправился умываться, умывшись и растерев лицо до красноты, переоделся, вышел к Марии и увидел её блестящие глаза. Он, конечно, сразу, при её первом появлении в кустах за оградой, понял, зачем пришла соседка, но теперь ещё раз внимательно глянул на неё и, забыв о чае, повёл гостью в соседнюю с кухней комнату, и Мария — покорная и радостная — молча проследовала за ним. И почему-то у Кузнецова пронеслось в сознании, вспомнилось, что именно так он и Елизавету впервые заводил в эту комнату, когда благоустроили её. Но промелькнувшая укормом мысль лишь на мгновение заставила одуматься, засомневаться, но тут же пришла иная, более живая и нахальная мысль-мыслишка, которой будто на расстоянии Володя хотел наказать Елизавету за её невнимание, холодность и откровенное неуважение последних недель. Кузнецов лишь успел задернуть шторы, создавая полумрак, а Макарова уж готовая лежит. Подходи и бери.

Да, легко было взять, что само просилось в руки, но труднее оказалось потом расстаться, если даже не успели по-настоящему поцеловаться. Они лежали рядом, охваченные чувством взаимной неловкости, даже стыда. Чтобы хоть как-то нарушить молчание, Володя чмокнул Марию в щёку, тихо спросил:

— Ты как?

Она же ничего не ответила, лишь прижалась к нему и неожиданно заплакала, когда, казалось бы, надо радоваться.

— Может, чем недовольна? — не унимался он, вдруг почувствовав себя стопроцентным победителем. И не перед Марией, нет — перед Елизаветой, которая хотя ничего и не знает, что произошло на её даче, но Володе от этого незнания хуже не становилось. Макарова продолжала слезливо молчать, а потом вдруг сама поднялась, начала одеваться, не дождавись желанной ласки, и сказала с такой обидой в голосе, будто её насильно затащили в этот дом:

— Хорошего понемножку.

— Да ладно, не переживай! — улыбнулся Кузнецов и попытался обнять гостью.

Но Мария отстранилась, укорила:

— Тебе легко говорить... Вот уедешь, а я опять оставайся одна. Ведь жила же спокойно, надо бы и дальше так жить, но нет — пожарницей стала! Чего улыбаешься-то?

— А если останусь?! А что: жену — побоку, женюсь на тебе, и будем мы жить-поживать в Ключах и добро наживать. Детишек заведём!

— Опоздал с детишками. Для этого дела помоложе найди Манюню.

— Другая мне не нужна.

Хотя и приятно говорил Кузнецов, но Мария понимала, что он зубоскалит, смеётся, а оттого становилось ещё обиднее. Поэтому долго не могла слушать его болтовню.

— Ладно! — сказала она твёрдо. — Мне пора идти хозяйством заниматься. А то с тобой тут можно до утра слёзы лить. Да толку-то от них.

— Да какое у тебя хозяйство? Даже кур нет!

— Всё равно пойду.

Кузнецов понимал, что Мария обижается несерьёзно, впопыхах, не зная всего сложившегося положения, да и он хорош: всё свёл к шутке, показал себя бездушным, у которого только одно на уме. А как заставить её поверить в то, что он совсем не такой, он пока не знал и поэтому не стал препятствовать сборам Марии. Правда, когда она собралась уходить, он, неожиданно озаренный пришедшим пониманием её души, повернул гостью к себе, посмотрел в мокрые глаза и поцеловал с такой запоздалой жадностью, с таким исстрадавшимся чувством, что она неожиданно обмякла, и ему пришлось удерживать её на руках.

— Приходи потом, когда управишься! — попросил он. — Посидим, поговорим, ликёрчика выпьем.

— Хочешь напоследок оторваться, как говорит молодёжь? — обиженно хмыкнула Мария и отвернулась.

— Почему это «напоследок»? — С радостным запозданием открылся Кузнецов. — Теперь я постоянный житель Ключей!

— Правда, что ли? А как же Москва, работа, жена?

— Со всем этим завязано, так как позорно сослан за 101-й километр.

— Так я и поверила... Нарочно ведь морочишь голову.

— Нисколько... Так что приходи — по-серьёзному поговорим!

— А ты этого хочешь?

— Да! — поспешно ответил Кузнецов и прижал к себе Марию, неожиданно осознав, что не хочет её отпускать даже на минутку.

С того памятного дня Мария зачастила к Володе. Если первое время она хоронилась, ходила к Кузнецову вечерами, то

со временем, когда старухи из теневого правительства прознали о развитии интригующих событий и получили наличное подтверждение, она на всех и на всё плюнула. Тем более что местные политические тяжеловесы даже радовались такому повороту обстоятельств, особенно тому, что Владимир Николаевич сменил статус жителя, а это означало, что всегда придёт на помощь, приложит мужскую руку к любому делу. Выпытав общее настроение, и Макарова повеселела.

— Разве такими мужиками разбрасываются? — говорила она на деревне, заочно укоряя Володину Елизавету. — А то придумала: мужа, как собаку, на привязь, а сама, небось, по бульварам с ридикулем шляется!

Кузнецов знал о слабости Марии к сплетням от Эльзы Немки, что она за глаза поносит Елизавету, но никак не реагировал: ведь при нём Мария о жене ничего плохого не плела. Володя все эти дни находился в непонятном состоянии, при котором совершенно не знал, чего хочет его душа-душенька. Все чувства в нём смешались и пока никак не обозначились в какое-то верное и единое направление, а продолжали топорщиться, хотя он и пытался пригладить их. Но одно дело — желать, а другое — сделать что-то по-настоящему и правильно. Ведь он догадывался, даже знал, что эпопея с Марией рано или поздно будет известна Елизавете, что его ожидает скандал вселенского масштаба, скорый суд и последующая расправа. А он теперь ничего не боялся. Поэтому вовсе не плохо, если какие-то слухи дойдут до жены, пусть потом повертится. А-то бросила без денег и сиди тут, лапу соси.

Денег у Кузнецова действительно почти не осталось, даже на самые мелкие расходы. А ведь Марию не будешь всякий раз встречать кашей да карасями! Ведь хочется и колбаски на стол порезать, и сырку, да и конфеток не мешало бы иной раз купить. Поэтому, всё обдумав, отбросив внутренние сомнения, он позвонил Елизавете. А когда услышал её недовольный голос, сразу попросил перезвонить, потому что у самого денег на телефоне почти не осталось. Когда же Елизавета перезвонила, он сказал смело и властно — так, что даже слегка испугался собственной смелости:

— Как приедешь — денег привези, а то без копейки сижу! И на телефон положи побольше — не скупись. В выходной ждать?

— Не знаю... В этот точно не приедем. Алёшка собирается в командировку.

— Значит, через выходной? — для собственной уверенности уточнил Володя. — Чего-нибудь мясного привези, а то вот-вот начну плавниками обрастать!

— Ладно... Жди через выходные и не раскисай, будь мужиком!

Кузнецов отключил телефон и неоднократно повторил наставление жены: «Будь мужиком!» «Ну что ж — буду!» — решил он, понимая, что жена вкладывала в свои слова совсем иной смысл: мол, занимайся хозяйством, охраняй дачу, а остальное тебя не касается, да и не нужно в твоём возрасте озадачиваться чем-то особенным. «А вот в этом ты не угадала, — усмехнулся Кузнецов, вспомнив Марию. — Я пока мужичок крепкий. Это с тобой одни мученья...»

Кузнецов не мог не понимать того обстоятельства, при котором последняя, казалось бы, самая лёгкая задача должна была разрешиться сама собой. Но это только казалось. И он это прекрасно осознавал, ввергаясь в осознание окончательной истины: чем настырнее и беззастенчивее он якшался с Марией, тем сильнее Елизавета отдаляется от него, и когда совсем отдалится, то семейная жизнь рассыплется в прах. Он теперь жил этим ожиданием, ждал и боялся его, и от сопутствующих волнительных мыслей потерял интерес к какой-либо работе. Прежде всего, забросил «китайскую стену». Освободившись от этой обузы, он теперь ходил по Ключам франтом, по несколько раз чистил туфли и далее дорожек из гравия, насыпанных им же, не ступал. Городским видом он на какое-то время переполошил старух, посеяв в их сумеречных душах пугливость, но сам же и успокоил.

— Приучаюсь к свободной жизни, а заодно желаю повысить в Ключах уровень культурной жизни, — однажды сказал он подвернувшейся Эльзе Немке.

После такого заковыристого и насмешливого объяснения, мигом разнёсшегося по деревне, ключанские аборигены успокоились, а Кузнецов подумал, что всё равно не проходить долго щёголем: как закончится обувной крем, придётся опять шастать в нечищенных сапогах.

До приезда Елизаветы оставалось несколько будних дней, но Володя продолжал жить с Марией, как с женой, правда, заранее предупредив её, чтобы в выходные она и близко к его даче не подходила.

— Вот уедет жена, тогда — пожалуйста, полная свобода, хоть голой ходи! — строго напомнил он, зная характер Макаровой, чтобы она не удумала применить женскую хитрость: — Обижайся не обижайся, дорогая Машутка, но сразу тебя упреждаю! Чтобы никаких выкрутасов! Всё своё, когда уходишь на работу, с собой бери. Никаких тайных «подарков» оставлять не надо. Понимаешь, о чём говорю?!

— Как не понять! Не переживай. В стервозности никогда не была замечена. И рисовать помадой в туалете английскую лавью не буду.

Он видел, что Мария обиделась, но уж лучше предупредить и быть спокойным, чем потом пугливо следить за каждым движением и взглядом жены. Хотя он всегда считал Елизавету доверчивой в этом отношении, и что ей ни скажи — всему поверит, но какой-то процент подстраховки всегда надо иметь. На всякий, как говорится, пожарный случай.

Кузнецов старался быть осмотрительным в отношениях с Марией и совсем-то уж не распускаться, не дразнить фортуны, но разве всё предусмотреть, разве можно понять женскую душу, пусть той душой будет душа жены, с которой прожил больше тридцати лет? Нет, невозможно понять её, невозможно просчитать все её случайные извивы, всё, на что она способна в своём коварстве.

Что это так и есть, Володя убедился в очередной четверг, когда, поужинав и помыв посуду, они с Марией залегли спать. И самое обидное, что и сделать ничего романтического не успели, как с улицы раздался звонок. Сперва из них никто не шелохнулся, но когда звонок зазвенел, не переставая, как не стал бы трещать под рукой робкого гостя, то Кузнецов поспешно, будто срывался на пожар, соскочил с кровати, выглянул в окно... и всё понял. Да и невозможно было не понять, кто и зачем пожаловал, если во дворе на фоне растворённых ворот стояла машина, а около неё Володя увидел прохаживавшегося сына. А ещё — самое страшное — обнаружил Лизины глаза, оказавшиеся, хотя и по ту сторону окна, но почти рядом, словно она пыталась заглянуть в комнату и увидеть того, кто в ней скрывается. А чтобы окончательно перепугать возможных гостей, начала стучать в окно.

Стараясь не мелькать в свете фонаря, Володя пригнулся, шепнул Марии, чтобы та мигом одевалась, сам же продолжал оставаться в белье, потому что моментально созрел план, по которому надо Марию вывести через чёрный ход, самому потянуть время, а потом, притворившись окончательно разоспавшимся, пойти открывать дверь. И Макарова всё поняла, молча накинула юбку, кофту, шаркнула туфлями, схватила с вешалки куртку и устремилась за Володей через веранду к задней двери, вцепившись в его руку.

— Через участок уходи, спускайся к запруде... — шепнул Володя.

Сам же вернулся в комнату, включил свет и начал одеваться, сонно ворча, словно хотел сказать маячившему перед ок-

нами сыну, что разоспался отец, но теперь проснулся. Правда, жены под окнами видно не было, а тут вдруг и Алёшка сорвался с места и умчался за угол дачи. Володя заглянул в боковое окно, пытаясь рассмотреть прилегающий к даче участок, куда вытолкнул Марию, и, кажется, оттуда донеслись приглушённые крики. Не зная, что делать, Володя поспешно вышел во двор и увидел растрёпанную жену с красной курткой Марии; следом за женой показался Алексей. Володя от увиденного застыл, словно в одно мгновение окаменел, а Лиза подступила к нему, ткнув в лицо курткой:

— Что это? Что? Я тебя спрашиваю!

Он промолчал, а Елизавета не отставала:

— Что молчишь, негодяй!

Кузнецов не собирался отвечать, но вдруг, словно вспомнил сарказм и иронию, переполнявшие его в последние дни, притворился:

— Где куртку-то нашла?

Елизавета не соизволила ответить на явную глупость мужа и приказала:

— Пошли в дом!

Жена с сыном зашли торопливо, а он не спешил. Когда всё-таки вошёл, то увидел жену у зеркала; она протирала наодеколоненной ваткой оцарапанную щёку и с такой злостью глянула через зеркало на мужа, что Володя молча уселся на край лавки в кухне и уставился в одну точку. Алёшка, конечно же, всё понявший, ушёл в соседнюю комнату. Включил там телевизор и, пощёлкав пультом, быстро вышел на улицу, к машине. Елизавета продолжала вертеться перед зеркалом, а потом не сдержалась и неожиданно и всерьёз разрыдалась. Первой мыслью у Кузнецова была привычная мысль о том, чтобы успокоить её, но он сразу же остановил себя, потому что любые слова сейчас показались бы окончательной насмешкой. Вместо этого поднялся, долил в чайник воды, включил его.

Лиза продолжала всхлипывать, но уж что-то слишком долго, как показалось Володе, гнала слезу, уж слишком картинно. И он не выдержал:

— Специально слёзы-то, что ли, размазываешь?

— Что же мне теперь — от счастья плясать? — Она на минуту замолчала, глядя в угол, а потом уставилась в одну точку и замерла. — А это что такое?! — изумлённо спросила, указав на какую-то тряпку.

Он покосился и увидел сиреневое Машино бельишко, оброненное ею при бегстве, и не смог выжать из себя и полслова.

Пока Володя недвижимо торчал на лавке, дожидаясь окончательной и разрушительной ругани, Лиза вдруг замолчала, но как только он зашевелился, зашевелилась и она:

— Можешь не стараться... Нам твой чай не нужен — мы сейчас же уезжаем. Если только для своей лахудры нагреешь.

— Катитесь! Держать не буду! — тоже обозлившись, рявкнул Володя.

Он думал, что Лиза подхватится, а она, повертевшись у зеркала, молча уселась напротив, и Володя не выдержал её зловещих взглядов. Молча поднялся, накинув куртку, вышел к сыну. Тот стоял на крыльце и курил.

— Ты это... Мать назад собирается. Не отговаривай её, раз уж такое дело получилось! — не зная, какими словами объяснить случившееся сыну, хотя и взрослому, всё понимающему, сказал Володя. Когда же сын послушно собрался идти за матерью, Володя остановил его: — У меня денег совсем нет... — И попросил, впервые в жизни: — Дал бы тысточку займы! У матери теперь просить не смогу!

Сын достал портмоне, отсчитал три тысячи и, отдав деньги, назидательно сказал:

— Зря ты, отец, связался с Макарихой! Тебя местные старухи заложили — позвонили маме и всё рассказали! Поэтому мы и приехали раньше.

— А ты, значит, всё знал, и ехал, чтобы отца застукать с поличным! Трудно было позвонить?!

— Мама не разрешила, заранее предупредила.

— Эх, ты, маменькин сынок! Тебе уж тридцать с лишним лет, а ты сосунок сосунком бегаешь за ней. На, забирай деньги, не нужны они мне. Пользы от них не будет.

— Да ладно, пап... Ничего страшного не случилось.

— Случилось! Забирай, — попытался Володя сунуть деньги сыну в карман, а когда не получилось — швырнул их ему под ноги и вернулся в дом.

Жена продолжала торчать за столом, и он расшевелил её:

— Чего развалилась?! Собралась уезжать — катись. Сыну машины ждёт. А то приехали. Следователи.

— Ты всё обдумал, Кузя?

— Всё! Что тебе ещё надо?!

Елизавета молча поднялась, сняла с вешалки куртку и, даже не взглянув на мужа, вышла, а Володя остался. Наблюдая из-за шторы, он дождался, пока жена с сыном уселись в машину, пока машина выехала за ворота. Думал, сразу уедут, но сын остановил машину, вышел, положил у ворот какой-то мешок и закрыл за собой ворота, хотя прежде ворота всегда

закрывал Володя. «Вот и хорошо, — подумал он, — нянек для вас больше нет!»

Немного погодя он вышел во двор, прислушался, словно жена могла возвратиться; ему почему-то не верилось, что она послушно уехала. Казалось, где-то затаилась рядом и теперь наблюдает за ним, ждёт, что он далее будет делать. А он постоял-постоял, поёжился на свежем ветру, поднял валявшийся мешок — в нём оказалась зимняя одежда — вернулся, а позже, прихватив куртку Марии, отправился к ней самой. Она долго не открывала, а когда тихо спросила в форточку «Кто там?», он отозвался:

— Свои...

Вскоре в веранде раздались тихие шаги и, слегка скрипнув, приоткрылась дверь.

— Уехали, что ли? — вздохнула Мария.

— Уехали... Возвращайся!

— Нет уж... И без того страху натерпелась.

— Тогда я к тебе...

Когда Мария впустила гостя, то Кузнецов вlepился целовать её, забыв обо всём на свете, а она не смогла устоять под его напором — ответила взаимностью и, нацеловавшись, легонько подтолкнула Володю в дом.

11

Если бы Елизавета знала, что её муж сразу же убежал к другой, то, быть может, и не убивалась, вспоминая случившееся, не ругала себя последними словами за несдержанность. Да, обидно сделалось, очень обидно, когда увидела за дачей лохматую бабёнку! А какой жене не будет обидно, если её муж якшается с другой? Это нормально? Да и ладно бы хоть стоящая, а то ведь Макариха! На ней пробу ставить негде. Елизавета вчера чуть с дивана не упала, когда позвонила Эльза Немка и доложила, что её дорогой Володя путается с Марией! Сперва не поверила, а когда старуха рассказала всё по порядку — не зря Елизавета конфет ей возила да денег положила на телефон! — то уж и сомнений никаких быть не могло. Особенно, когда Немка намекнула, что приехать надо в будни, если есть желание убедиться. Елизавета не любила Эльзу, противней её никого не было в Ключах, зато верила, помня, что она никогда прежде не врала: как говорила, так всё и происходило.

Да, теперь Елизавета ругала в душе своего Кузнецова, и чем дольше ругала, тем больше жалела его, неожиданно для себя. Она вдруг только сейчас, в мягко мчащейся машине,

глядя на молчащего сына, поняла, что они оба бросили Володю на произвол и не заметили, как это получилось. Оставили его без внимания, денег, словно он и не являлся им мужем и отцом! Она поставила себя на его место и вдруг поняла, чего ранее не могла понять, почему он загулял! Да из-за них и загулял! Это очевидно. И эту очевидность Елизавета понимала особенно отчётливо, потому что судила по себе. Ведь сама-то она ни разу в жизни не изменила мужу, всегда считая: чтобы ни случилось, надо оставаться верной. А как иначе? Не для того сходились, чтобы размениваться на пустяки. Или это только она одна такая осталась и считает, что и все такими должны быть. Как бы не так. Посмотришь на нынешнюю жизнь, послушаешь подруг на работе, то уж, кажется, у них и разговоров никаких иных нет: только о «мальчиках» говорят те, кто помоложе, и о «мужчинах», кто её примерно возраста. Совсем бабы с ума посходили! А ведь почти все замужние — дети есть, у иных внуки. «Или, может, я одна такая отсталая?! — частенько думала Елизавета в последнее время. — Может, это с дачей такой сделалась? Хотя нет, я и в молодости не была падкой на мужиков, никогда глазки им не строила и не кокетничала. Это Володя иногда мог выкинуть фортель, хотя лишь выкинуть — не более».

Всё так, правильно рассуждала Елизавета о себе и муже. Перескакивая с добрых воспоминаний и рассуждений к нерадостным, она могла пребывать в раздумьях бесконечно, тем более что молчащий сын этому невольно способствовал. Она хотела спросить его мнение обо всём увиденном, как только отъехали от дачи, но сразу не спросила, а теперь поняла, что и спрашивать не обязательно. Да и, зная характер Алёшки, не будет он обсуждать с матерью поведение отца. И это похвально. Она и сама бы на его месте поступила точно так же. Но сегодняшнее происшествие, о котором она не могла поделиться с сыном, заставляло снова и снова возвращаться в мыслях к Володе. Поэтому всё-таки спросила, желая хоть с кем-то разделить своё горе:

— О чём он с тобой говорил-то?

— Денег просил... А потом, на что-то обидевшись, не взял...

— Гордый не в меру... — Елизавета хотела развить эту тему, но всё-таки сдержалась, не стала перемывать Володе косточки при сыне. Да и ей самой не хотелось выглядеть перед Алёшкой беспомощной кляузницей.

Переговорив с Алёшкой, Елизавета вновь вернулась к мыслям о муже, и с какой стороны ни обдумывала создавшееся положение дел, с любой они выглядели не в её пользу. Да и для них обоих пока мало что происходило радостного. А

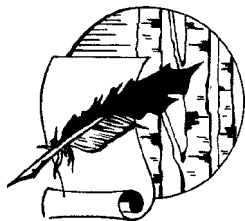
если посмотреть вперёд, то этот воображаемый взгляд упирался в близкую стену обидной неизвестности. И при всём этом необходимо смириться с гордыней, не позволить ей овладеть сознанием, чувствами. Не дать окончательно всё разрушить то, что создавалось десятилетиями, собиралось по крупицам. Она, конечно, не могла не знать, что от дач бывают свои, особенные проблемы. Уж сколько слышала рассказов о том, как иные жёны оставляли мужей на дачах, держали их там чуть ли не рабами, и никогда из этого не получалось ничего хорошего. Примеров было много, и все разные, на них бы только и учиться, но нет, ведь ещё два месяца назад казалось, что все те истории о каких-то иных несимпатичных семьях, а в их семье и в помине не может быть ничего похожего. Но вот случилось это «похожее», и она не знала, что делать, как теперь развернуть ситуацию в свою пользу.

До самой Москвы думала Елизавета, но ничего не придумала. Знала лишь одно: ни при каких условиях не выпускать Володю из рук, не давать ему воли ни в делах, ни в помыслах. Чтобы он ни на секунду не забывал, что у него есть семья! Настроив себя решительно и бесповоротно, Елизавета, когда добрались до квартиры и Алексей помог донести до квартиры сумки с продуктами, которые они так и не успели разгрузить на даче, отправила сына отгонять машину на стоянку, а сама достала телефон. Захотелось тотчас, пока не слышит Маргарита, сказать мужу, серьёзно предупредить его, чтобы он далее не ломал дров, а одумался, посмотрел на своё поведение со стороны и знал, что серьёзный разговор впереди! Чтобы не думал, что оказался победителем! Он, быть может, выиграл лишь небольшое, ничего не значащее сражение, а настоящая война впереди, если, конечно, он хочет войны! Она же не хочет и будет рада, если он одумается и сдастся на милость победителя. А она уж сама решит, что с ним делать: казнить или помиловать! Лиза, конечно же, не сказала бы ему об этом, но очень хотела сказать.

Она сделала один вызов, второй, третий, но никто телефон не брал.

— Значит, затаился! — вслух сказала Елизавета, словно муж мог её услышать, и невольно шумно вздохнула. — Таись, дорогой, таись, — деньги понадобятся, сам начнёшь трезвонить!

Продолжение следует

Евгений СЕМИЧЕВ

В ГОСПОДНЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

* * *

Спой мне песню, свиристель —
Городской красавчик,
Как в жестокую метель
Заблудился мальчик.

Не ему ль ты навевал
Сладкую истому?..
За собой зазывно звал,
Провожал до дому.

Белоснежная постель.
За окошком ветка.
А на ветке свиристель —
Шестиклинка кепка,

Грудь — горящий уголёк,
Стильная одежда...
Я тогда простыл и слёг —
Приболел немножко.

Ты меня сумел согреть.
Я, как мог, лечился —
Задушевно жить и петь
У тебя учился.

Я тебя уже люблю
За мечты-надежды.
И такие же куплю
Для себя одежды.

Под твою запел свирель,
Стал поэтом мальчик...
Ясноглазый свиристель,
Городской красавчик.

* * *

В небе вольные птахи
Рассекают простор.
В белой Божьей рубахе
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не таит,
В белой отчей рубахе
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Осеньют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

* * *

Мир отражается в слезинке
И ощущает с небом связь.
Слезами вымою ботинки,
Чтоб не тащить на небо грязь.

Как старики сентиментальны:
Чуть что — и слёзы на глазах.
Какие постигают тайны
Они в Божественных слезах?

Прощайте старикам капризы.
На вас взирает, чуть дыша,
Сквозь слёз оптические линзы
Подслеповатая душа.

* * *

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» —
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так.
Я ещё живой?»
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слёзы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.
...Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть-самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

За здоровье! Я не прочь.
Хоть глаза твои — туманы,

Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты — родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! —
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А сварливая зима
За окошком пусть попляшет.

* * *

Семинар поэтов молодых —
Юных дней моих воспоминанье.
Бьют меня товарищи под дых,
Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
И, пройдя суровую закалку,
Диафрагму натренировал,
Укрепил характер и дышалку.

Выковал в себе бойцовский дух
И широкий непокорный выдох.
За меня дают сегодня двух
Стихотворцев, в драках не добытых.

Я шагаю, млечностью пыля.
Небеса мне — скатерть-самобранка.
За моей спиной — вся земля
И река разбойная — Татьянака.

Где, как тать, берёт меня в полон
Город эн — фамильная обитель.
И сибирякам земной поклон
Шлёт один его исконный житель.

Предо мной — заснеженная мгла.
Завывает вьюга ошалело...
...Город Омск морозом добела
Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнедых
Лет моих... И вновь меня встречает
Семинар поэтов молодых
Жадными горящими очами.

Словьями критики поют...
Внемля им душою нараспашку,
Понимаю, чую: наших бьют!
Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка — поэтический юнец
Достославной песенной Сибири.
Рядом с ним сидит его отец —
Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
Если он кого-нибудь ударит.
Хорошо, что никакой родне
Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: «Сашок, держись родной!
Даже если в драке будет жарко.
Город Тара за твоей спиной
И река искристая Аркарка.

И ещё — сибирская земля,
Что природной силою питает,
Где, небесной млечностью пыля,
Русская поэзия ступает...»

ОСЛИК

Марине Ганичевой

Лихо дьявол танцует чечётку.
Мечет искры в кромешном аду.
Я пошлю его, рыжего, к чёрту
И другою дорогой пойду.
Той дорогой, что всеми забыта,

Где надрывно в лихую грозу
Не грохочут, а плачут копыта,
Вышибая из камня слезу.
И пускай обо мне скажут после,
Что он жизнь не ценил ни черта!..
И был глуп и упрям, словно ослик,
На себе вывозивший Христа.

ЮГРА

Продлав путь томительный, неблизкий,
Приветствую тебя, моя сестра,
В Самарове (читай, в Ханты-Мансийске),
Вогульская остяцкая Югра.

Сорвавшийся с лихого крутояра,
Твой волжский брат, растроганный до слёз,
Земной поклон от города Самара
И жигулёвской вольницы привёз.

Готов поклясться нашей общей мамой,
Что не один я нынче с толку сбит.
Раскопанный в степи заволжской мамонт
Своим югорским родичам трубит.

Когда бурлит над Волгой вешний ливень,
Тараня грозовые облака.
Над степью выгибается, как бивень,
Гудящая Самарская Лука.

Когда клубятся волжские туманы,
Вздымаясь до небесной высоты,
Толпятся жигулёвские курганы,
Как первобытных мамонтов хребты.

Самарово — и я самарский, то бишь! —
В любви моё признание прими.
Ведь все мы — дети мамонтовых стойбищ,
По Божьей воле ставшие людьми.

* * *

Душа у меня молода
Из хрупкого, тонкого льда.

Когда лёд оттаёт,
В душе расцветает
Подснежников нежных гряда.

В душе у меня бирюза
Прозрачная, словно слеза.
Звенящее лето.
И сполохи света
Мои застилают глаза.

В душе у меня тишина.
Душа несказанно пьяна.
Небесная просинь.
Бездонная осень.
Во всё виновата она.

В душе моей снежная тьма.
Наполнены всклень закрома.
Сварливая печка.
Замёрзшая речка.
Горбатая ведьма — зима.

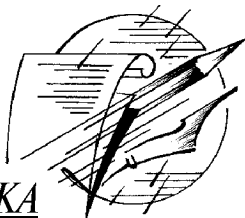
г. Новокуйбышевск Самарской обл.

СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Итак, свершилось: Украина разорвала Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве с Россией, иначе называемый «Большой Договор». Он был подписан 31 мая 1997 года в Киеве. Государственной Думой РФ принят 25 декабря 1998 года, одобрен Советом Федерации РФ 17 февраля 1999 года. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 2 марта 1999 года. На Украине был ратифицирован законом от 14 января 1998 года.

Договор заключался сроком на десять лет и вступил в силу 1 апреля 1999 года. Предполагалось, что документ будет продлеваться автоматически каждые десять лет, если одна из сторон не уведомит заблаговременно о его расторжении. Так, в октябре 2008 года договор автоматически был продлён ещё на десять лет.

2 декабря 2014 года внефракционные депутаты Верховной рады Украины внесли на рассмотрение парламента законопроект о расторжении Договора. Но 3 февраля 2016 года законопроект был возвращён на доработку. Затем в августе

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

2016 года группа депутатов от КПРФ обратилась к президенту России с призывом денонсировать Договор. Глава МИД РФ Сергей Лавров заявил тогда, что Россия не станет этого делать.

Прошло ещё два года, и ко времени автоматического продления Договора на Украине вновь заговорили о его расторжении. 14 марта 2018 года МИД Украины подготовил для президента страны Порошенко предложения и анализ относительно возможного приостановления действия документа. Спустя месяц, 12 апреля 2018 года Порошенко заявил, что внесёт в Верховную раду проект закона о немедленном одностороннем прекращении отдельных положений Договора о дружбе с Россией по части совместимости с национальными интересами государства и реализацией права Украины на самооборону. 28 августа 2018 года украинский президент Порошенко наконец объявил о начале процесса расторжения Договора. А 17 сентября 2018 года он утвердил решение Совета национальной безопасности и обороны Украины (СНБУ) о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве с Россией.

Суть Договора сводилась к тому, что Россия и Украина — это дружественные, равноправные и суверенные государства, которые основывают свои отношения на взаимном уважении и доверии, стратегическом партнёрстве и сотрудничестве. Стороны договорились уважать территориальную целостность друг друга и подтвердили нерушимость существующих между ними границ. Отношения решено было строить на основе мирного сосуществования, включая урегулирование всевозможных споров. Подтверждались принципы неприменения силы, отвергалась возможность угрозы силой, в том числе экономические и иные способы давления. Признавались права народов свободно распоряжаться своей судьбой, а также принципы невмешательства во внутренние дела, соблюдения прав человека и основных свобод, всестороннего сотрудничества между государствами, добросовестного выполнения взятых международных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права.

Статья 6 Договора гласила, что стороны воздерживаются от участия или поддержки каких бы то ни было действий, направленных против партнёра, и обязуются не заключать с третьими странами каких-либо договоров, также направленных против другой стороны. Ни одна из сторон не должна была допустить, чтобы её территория была использована в ущерб безопасности другой стороны. Как видим, Украина, намереваясь в 2013 году подписать Соглашение об ассоциа-

ции между Украиной и Европейским союзом, собиралась именно нарушить «Большой Договор». Интересна также Статья 11, провозглашавшая, что обе стороны принимают на своей территории необходимые меры, включая принятие соответствующих законодательных актов, для предотвращения и пресечения любых действий, представляющих собой подстрекательство к насилию или насилие против отдельных лиц или групп граждан, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной нетерпимости. Помнится, на майданном стоянии в Киеве осенью 2013 года граждане Украины призывали вешать граждан России. Буквально это звучало как «москаляку на гиялку». Были и другие случаи, когда, например, пани Фарион растолковывала детям, что Маши и Вани должны валить в Россию, поскольку на Украине должны остаться только Марийки да Иваси. То есть опять же Договор о дружбе и сотрудничестве Украиной бессовестно попирался.

А ещё в Договоре прописаны обязательства поддерживать и сохранять этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств и создавать условия для поощрения этой самобытности. Стороны гарантировали право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, индивидуально или совместно с другими лицами свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую или религиозную самобытность, поддерживать и развивать свою культуру, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки их воле. Но если перевод имён и фамилий с русского на украинский — это не попытка насильственной ассимиляции, то что же это такое? А как расценивать запрет на Украине с 2004 года на регистрацию средств массовой информации, использующих негосударственный (русский) язык?

Но это что! Ведь Договор предполагал содействие созданию равных возможностей и условий для изучения русского языка на Украине и украинского языка в Российской Федерации, подготовки педагогических кадров для преподавания на этих языках в образовательных учреждениях, оказание в этих целях равноценной государственной поддержки. Неужели так и было на Украине до 2014 года?!

Мы намеренно рассматриваем период до насильственного вооружённого переворота 2014 года, чтобы не было соблазна все последующие нарушения Украиной Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве с Россией называть реакцией на недружественные действия российской стороны. Однако воспоминания наши неутешительны. Большой Договор никогда, в первую очередь Украиной, не соблюдался.

Но до осени 2013 года и в России, и на Украине можно было только делать вид, что всё в отношениях двух государств обстоит благополучно, что бывшие советские республики продолжают оставаться братскими теперь уже странами, что общую историю не перечеркнуть, а один, по сути, народ не разлучить. Но вдруг, ещё до того, как Россия «напала» на Украину, выяснилось, что «никогда мы не будем братьями», что россияне и пророссийские украинцы, в отличие от украинцев свидомых, есть не что иное, как «некультурное быдло» и вообще финно-угорские татары, что Евросоюз для высокоразвитого украинского народа гораздо предпочтительнее «Таёжного союза», что вступление в НАТО соответствует стратегическим и государственным интересам Украины и прочее, прочее, прочее. Это уже потом Россия «оккупировала» Крым, «вторглась» в Донбасс, «сбила» «Боинг» и совершила множество других загадочных поступков и дел. Клеймо Мордора на Россию было поставлено Украиной гораздо раньше.

Сегодня, рассуждая об Украине, принято говорить, что Россия последнее время не занималась политикой на украинском направлении, что В.С. Черномырдин в качестве посла РФ в Киеве был явно не на своём месте, а сменивший его М.Ю. Зурабов больше напоминал какого-то зиц-председателя, нежели посла серьёзной державы. Но так ли это верно, и могли бы что-то изменить хоть Черномырдин, хоть Зурабов, хоть князь Горчаков в качестве русского посланника? Стоит вспомнить, что когда произошло размежевание России и Украины, то есть когда распался Советский Союз, каждое государство мало-помалу обзавелось собственной, подчас скрытой идеологией, собственным видением своего положения в мире, собственной элитой, собственными государственными законами и символами. К слову, именно государственные символы и несут в себе информацию о том или ином государстве. Герб, флаг и гимн символизируют суверенитет государства и единство нации, связывают ныне живущие поколения с поколениями предков, заключают в себе идеологическое послание государства. Фигуры герба, цвета флага и слова гимна содержат явную или скрытую в символах информацию об истории государства, о его самоидентификации, о целях его существования. Символы государства могут сказать о нём гораздо больше, нежели программные заявления его правителей. И, возможно, граждане иных государств были бы немало удивлены, узнав, что скрывается за каждодневно виденными эмблемами.

В отличие от государственных, национальными символами могут быть архитектурные сооружения, ассоциирующи-

еся во всём мире именно с данным государством или народом (Спасская или Эйфелева башни, Тауэр и пр.), фигуры животных (медведь, петух, лев), исторические персонажи или иные деятели. Как правило, ассоциации складываются сами собой, без особых усилий со стороны политиков. Но бывает, как в случае, например, с Украиной, что государство избирает персоналии и сюжеты, с которыми ассоциирует себя само и ждёт того же от всего мира. Мазепа, Петлюра, Бандера, Шухевич... Этот ассоциативный ряд можно продолжить и дополнить, но существенная сторона его вряд ли изменится. Украина публично ассоциирует себя с этими именами и связанными с ними событиями, формируя из них свои национальные символы.

По поводу действующих государственных символов статья 20 Конституции Украины гласит: «Государственными символами Украины являются: Государственный Флаг Украины, Государственный Герб Украины и Государственный Гимн Украины.

Государственный Флаг Украины — стяг из двух равновеликих горизонтальных полос синего и жёлтого цветов.

Большой Государственный Герб Украины устанавливается с учётом малого Государственного Герба Украины и герба Войска Запорожского законом, принимаемым не менее чем двумя третями от конституционного состава Верховной рады Украины.

Главным элементом большого Государственного Герба Украины является Знак Княжеского Государства Владимира Великого (малый Государственный Герб Украины).

Государственный Гимн Украины — национальный гимн на музыку М. Вербицкого со словами, утверждёнными законом, который принимается не менее чем двумя третями от Конституционного состава Верховной рады Украины...»

Что касается так называемого малого Герба Украины, следует признать, что составлен он вне связи с какими бы то ни было геральдическими правилами. Прежде всего, герб не может состоять из одной какой-то эмблемы. Кроме того, каждый геральдический элемент наделён историческим и (или) философским содержанием. Но постсоветская Украина зиждется на мифах. Миф о голодоморе, миф об оккупации, миф о борьбе за свободу... В соответствии с мифом о Государственном Гербе Украины, эмблему герба называют «трезубом» или «трезубцем». Однако с принятым в геральдике изображением трезубца украинский герб не имеет ничего общего. Это лишь приблизительное и стилизованное изображение. Далее миф утверждает, что будто бы «трезубец» был племенным зна-

ком Рюриковичей и что будто бы Киевский князь Владимир использовал его как личный геральдический знак на печатках и монетах. Но знаки или родовая тамга Рюриковичей не имеют ничего общего с трезубцем! Наносились эти знаки на любую собственность — скот, оружие, монеты. Характер их был сугубо хозяйственным, к геральдике они не имеют никакого отношения. Пожалуй, что-то общее у герба Украины есть с тамгой Святослава Игоревича. Но существенным остаётся тот факт, что изображение использовалось как знак собственности, но ни в коем случае не как геральдическая эмблема. Знаки собственности были широко распространены по всей территории Восточной Европы. В.В. Похлёбкин утверждает, что некоторые из них попали в польскую эмблематику и что именно у поляков Петлюра заимствовал «трезубец» для чеканки в 1920 году своего железного креста. В дальнейшем этим знаком заинтересовался Бандера, а в наше время — правители «незалежной» Украины, сопроводившие появление своих национальных и государственных символов слащавыми псевдоисторическими толкованиями. Итак, видоизменившиеся клейма осели когда-то в Польше. Затем одно из них приглянулось Петлюре, от Петлюры перешло к Бандере и закончило свой славный путь на щите государственного герба.

Относительно того, что именно изображает тамга Рюриковичей, было высказано множество предположений. Хоругвь, якорь, паникадило, топор, сокол, падающий на добычу — что только ни пытались разглядеть в княжеском тавро! Что ж, мы не знаем, о чём думали Рюриковичи, клеймя скотину или оружие. Но каждый, кто сегодня смотрит на малый Герб Украины, видит именно трезубец, а не якорь, не топор и не паникадило. Трезубец же отсылает нас, прежде всего, к мифу о Посейдоне или Нептуне, боге моря.

Древние символы и сегодня не утрачивают общечеловеческого смысла, заложенного в графические образы в древности. В 20-е гг., когда в СССР шли обсуждения новой, советской эмблематики, некоторые художники предлагали в качестве эмблемы крестьянского труда косу. Однако предложение это было отклонено именно по той причине, что у разных поколений и разных народов коса прочно ассоциировалась со смертью. Архетипичность эмблемы стала препятствием для широкого её использования и утверждения в качестве государственной символики.

Культ Посейдона, чьим символом является трезубец, связан с морской стихией, коварной, таящей опасность и приносящей разрушения. Наводнения и бури, затонувшие ко-

рабли и исчезнувшие в пучине острова — так выражается гнев Посейдона, чья тёмная, страстная энергия направлена на разрушение. И трезубец как атрибут Посейдона, этого неуёмного, опасного и жестокого бога, символизирует разрушение и стихийную силу.

Обращение к трезубцу, как к символу, морскими державами не вызывает ни вопросов, ни недоумений. Но Украина никогда не была морской державой, а потому трезубец на её гербе становится, независимо от чьего бы то ни было желания и мнения, выразителем некой политической идеи, проводимой государством.

Как символ власти над морской стихией трезубец охотно использовался портовыми городами, объединениями моряков, рыбаков и прочими организациями, так или иначе связанными с морем. Швеция, с которой у современной Украины так много общего, не является в данном случае исключением. Шведское общество Нептуна располагает собственным флагом и гербом с изображением трезубца. Зная историю происхождения украинского флага, вполне можно предположить, что Петлюра заимствовал у поляков именно шведский трезубец, осевший в Польше в XVIII столетии, как результат шведско-польско-украинских контактов. Таким образом, герб и флаг Украины — это память о союзе со шведами против России. При этом трезубец, как атрибут Посейдона, символизирует разрушение, сине-жёлтый флаг — предательство и измену, поскольку происхождение его прочно связано с именем Ивана Мазепы, «сына погибели, еже за сребролюбие давится».

На Украине относительно выбора цветов флага существует сегодня несколько мифов. По одному из них, в 1848 году в Австро-Венгрии возникло украинское (!) национальное движение. Вскоре затем во Львове собралась Головна Русска (!) Рада. Задумавшись о национальной символике Украины (!) постановили, что флаг Русской (!) Национальной Гвардии должен представлять собой синее полотнище с изображением золотого льва. Но поскольку заказов на изготовление флагов было очень много, а вышивать на синем фоне золотого льва было делом трудозатратным, знамённых дел мастера придумали простое решение. Вместо гордого льва они предложили борцам за свободу Украины две горизонтальные полосы — синюю и жёлтую. Эта халтура не вызвала возмущения у тогдашних националистов. Махнув рукой на льва, они согласились довольствоваться двумя полосками.

Другой миф прост и незамысловат, хотя и не свободен от ханжества. «В нём синь небес, золото хлебов!», — так объясняют цветовую палитру своего биколора украинские патриоты.

Но, во-первых, почему из всего многообразия оттенков жёлтого и синего галицкие националисты выбрали именно оттенки шведского флага? Во-вторых, с цветами шведского флага чудесным образом совпадают даже синь украинских небес и золото хлебов. В-третьих, со шведским флагом Украина познакомилась на полтора столетия раньше, чем собралась во Львове Головна Русска Рада, то есть при Мазепе. И, наконец, в-четвёртых, лев и сопровождающие его три короны на галицком флаге ясно указывают на шведское происхождение эмблемы.

До возникновения новейшей украинской мифологии было принято считать, что в 1708 году Мазепа со товарищи за предательство русского царя Петра I получили от шведского короля Карла XII право использовать шведский флаг. За обещание княжеского титула, а также Витебского и Полоцкого воеводств, Иван Мазепа совершил предательство и клятвопреступление. Но пусть предательство, пусть за чечевичную похлёбку — всё это меркнет на фоне того, что предал Мазепа «москалей поганых». О которых, к слову сказать, пелось в первоначальном варианте украинского гимна. Относительно его возникновения также существует несколько версий. По одной из них в далёком 1862 году на какой-то интернациональной пирушке ученый-этнограф, собиратель украинского фольклора Павло Чубинский приходит в восторг от распеваемой сербами пламенно-патриотической песни «Сербия вольная». Потрясённый Чубинский куда-то исчезает. Скоро, однако, он возвращается и представляет публике стихотворную импровизацию, которую, переложив на музыку сербской песни, подгулявшая компания разучивает тут же под руководством самого автора. Любопытно, что вдохновившийся сербской песней, Чубинский сумел придать своему экспромту потрясающее сходство с польским «Маршем Домбровского»! Спустя примерно год, галицкий священник Михайло Вербицкий пишет оригинальную музыку к стихам Чубинского. Так появляется песня, которой впоследствии суждено было стать государственным гимном. Впрочем, история возникновения гимна Украины не так уж интересна и важна. Гораздо более интересны стихи этнографа Чубинского:

*Ще не вмерла України ні слава, ні воля,
Ще нам, браття-молодці, усміхнеться доля.
Згинуть наші вороги, як роса на сонці,
Запануєм, браття, ми у своїй сторонці.*

Приспів:

*Душу й тіло ми положим за свою свободу
І покажем, що ми, браття, козацького роду.
Гей, гей, браття милі, нумо братися за діло.
Гей, гей, пора встати, пора волю добувати.*

*Наливайко і Павлюк, і Тарас Трясило
Із могили нас зовуть на святеє діло.
Спогадаймо славну смерть лицарства-козацтва,
Щоб не стратить марно нам свого юнацтва.*

*Гей, Богдане, Богдане, славний наш гетьмане,
Нащо віддав Україну москалям поганим?
Щоб вернути ж волю нам — ляжем головами,
Наречемся України славними синами.*

*Наші братчики-слов'яни вже за зброю взялись,
Не діжде ніхто, щоб ми позаду zostались.
Поєднаймо разом всі, братчики-слов'яни.
Хай же гинуть вороги, хай воля настане!*

В дальнейшем текст песни претерпел значительные изменения. И в современном варианте от импровизации Чубинского осталось не так уж много:

*Ще не вмерла України і слава, і воля,
Ще нам, браття молодії, усміхнеться доля.
Згинуть наші воріженьки, як роса на сонці.
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці.*

Приспів:

*Душу, тіло ми положим за нашу свободу.
І покажем, що ми, браття, козацького роду.
Станем, браття, в бій кровавий від Сяну до Дону
В ріднім краю панувати не дамо нікому;*

*Чорне море ще всміхнеться, дід Дніпро зрадіє,
Ще у нашій Україні доленька наспіє.
А завзяття, праця щира свого ще докаже,
Ще ся волі в Україні піснь гучна розляже,*

*За Карпати відоб'ється, згомонить степами,
України слава стане поміж народами.*

Но и сегодня, прекратив хотя бы в тексте гимна ругать «москалей поганых», граждане «незалежной» Украины, если ве-

ритель гимну этого государства, готовы: а) положить или отдать душу за свободу; б) отправиться в кровавый бой за Украину от Сана до Дона. Каждое из этих энергичных побуждений вызывает в лучшем случае недоумение, поскольку, во-первых, неясно, о какой свободе идёт речь, а во-вторых, Сан протекает по территории Польши, Дон — по территории России. Ни та, ни другая река не пересекают границу Украины.

Любопытно и неоднократное обращение к теме смерти: «ещё не умерла Украины слава и воля», «сгинут наши враги», «душу и тело положим», «встанем в бой кровавый»... Смерть на Украине стала едва ли не национальной идеей. Что, усилиями, прежде всего, В.Ющенко, призвано было объединить украинскую нацию? Общая беда — голодомор. Кроме того, тот же Ющенко объявил покойника Бандеру героем Украины, то есть страны, в которой Бандера никогда не жил. А ведь есть ещё пантеон «неканонизированных» героев, известных всему миру как отъявленные садисты, каратели и палачи. Есть кричалки «Смерть ворогам!», «Москаляку на гиляку!» «Москалей на ножи!» и т.д. Слишком уж очевидны и культ смерти на Украине, и некрофилия украинствующих.

Долгие постсоветские годы граждане как России, так и Украины равнодушно, в большинстве своём, взирали на сине-жёлтый флаг и непонятный трезуб, слышали «щеневмерлу» и расплачивались, приезжая в «неньку» или живя там, купюрами с ликом Мазепы. Но потом мы вдруг удивились и возмутились, когда Бандера стал национальным героем, а кричалка «Слава Украине! Героям слава!», позаимствованная у гитлеровских пособников, сделалась воинским приветствием в армии Украины. А что, собственно, изменилось? Что нового произошло? Чем это мазепинский флаг или лицо предателя XVIII в. на купюре лучше предателей из века XX? С распада Союза Украина превозносит предательство, поклоняется разрушению и сплачивается вокруг смерти. Так что случилось лишь то, что должно было рано или поздно случиться. Украина всего лишь следует курсом, выбранным сразу после развала СССР. Этот курс был закодирован в избранных ею государственных символах с начала 90-х годов. Всё, что происходит в соседнем государстве, начиная с 2014 года, всё это закономерно и вполне предсказуемо. Удивляться нечему, всё идёт своим чередом.

Протоиерей Алексей Лисняк (Лисняк Алексей Александрович) родился в 1975 году в Воронежской области. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Служил в армии. С 1993 года служил диаконом, а затем священником в Троицком храме города Обоянь Курской области. С 1999 года по сей день является настоятелем Богоявленского храма села Орлово Воронежской области. Прозаик. Печатался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Сибирские огни», «Москва», «Дон», «Русский дом», церковной и светской периодике. Автор книг рассказов «Праздник жизни», «Зимнее тепло», «Бананы на берёзе», «Через речку быструю». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

КОЛЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ЗУЕВО

Коля из деревни Зуево — настоящий богатырь. Плотный, кровь с молоком, и кулачищи — во! Плечи широченные, а душа ещё шире. Коля добрый, как медведь из детской сказки: чеши его против шерсти, тяни его за уши, хоть запряги его — всё стерпит, медведь. Но зато, если унюхает какую несправедливость или ещё хуже — кошунство, тут уж лучше сразу убегай.

Вот, когда ещё Коля ходил в парнях, деревенские повадились на дискотеку в район. На чужом пиру, известно, пришлым иногда не везёт — прилетает. Ребятки и брали с собой Колю «на счастье». Он войдёт с ними, станет в уголке, топчется. Местные видят, с кем Коля, и деревенских не задирают. А Коля ждёт, пока парни надрыгаются с девками под «Руки вверх», охраняет. Потом вместе возвращаются шумной кривоватой компанией.

Вот идут они как-то раз подогретье, весёлые. Перед их деревней на дороге ржавый знак «Зуево». Обла-

ПРОЗА

дая остроумием, никак этот знак не миновать. Остряк в компании есть — это Эдик. И как он раньше-то всегда мимо проходил?! А тут... «Зуево»... Замазал Эдик первую букву грязью, и пальцем по грязи вывел изящный икс. Ржали все, дружно. И Коля тоже сначала ржал. А когда сообразил, что это над его родной деревней совершилась такая несправедливость, кощунство... Эдик не успел испугаться, не вякнул, летел с насыпи в канаву — кусты трещали. Пацаны на Колю вылупились: мол, ты чего? А он в землю уставился, мол, — ничего: «А чего он!..» Эдика из канавы достали, и Коля сам же помогал ему выдирать репы из кудрей и грязь снимать со знака.

Время идёт, Коля взрослеет. Отслужил срочную, вернулся к отцу с матерью. Тут колхоз развалился... Стал Коля наниматься общественным пастухом и привык к этой должности, как будто для неё родился. А чего ему: на лошадёнку всем миром скинулись, он и рад.

Собирает Коля на зорьке коров со всех улиц на своей клячонке — кажется, вот-вот надорвётся под ним бедная лошадь, сдохнет. Пригонит стадо на луг, кляча отдышаться не может, язык высунула, а он дремлет в теньке под вязом. Чем не жизнь! Лежит Коля, радуется, кулак под голову, гоняет в зубах травинку. Всё лето — праздник! Всю зиму отпуск.

Годы потихоньку идут... Пора бы Коле жениться, а он стеснительный. Да и нет в Зуево нормальных невест. Нормальные разъехались.

Но зато пришёл час, дождалась Зуевская заброшенная церквушка себе настоятеля. Прислали батюшку старенького, лысого, совсем постного. Однако весьма бодрого. Батюшка сразу деревню обошёл, со всеми перезнакомился. Коля ему очень понравился. И как так получилось, что Коля к батюшке тоже сразу привязался. Душа запросила, что ли? Сроду ведь он до своих тридцати трёх попов не видал. А батюшка и рад — помощник ему, кадило подавать. И стал Коля алтарником. Пошли Коле стихарь-дирижабль...

Вот идут они на малый вход: бабульки чуть слышно попискивают с клироса, алтарник со свечой боком еле-еле просовывается во вратницу — вот, гляди, дверной проём лопнет, разойдётся — ступает, половицы под ним гнутся, а следом маленькой бесплотной тенью отец-настоятель. И голосок его такой:

— Прему-удрость, про-ости! — искушение, прости Господи! Ну как тут молиться?

Вскоре затеял батюшка в храме ремонт, и началась у Коли хлопотливая пора. Успевает и со стадом, и в церкви. Что-то

грузит, что-то месит, что-то пилит всё лето. А ближе к осени послал где-то Бог настоятелю средства и тот заказал комплект колоколов.

Вот, привозит машина заказ, манипулятором всё сгружает. Собрались возле церкви люди, глядят: пять колокольчиков так и сияют, новые. Главный, наверное, под центнер, остальные поменьше. Солнце на них поигрывает. Зуевские о таком и не мечтали, радуются. Батюшка к народу повернулся: надо, мол, кран нанимать, поднимать их на колокольную. А тут Коля: зачем кран, я сам подниму, и сам повешу. Никто не удивился. Немного, конечно, посомневались для порядка, но на том и порешили. Назначили дату, пригласили благочинного, фотографа из районки, начальство...

В назначенный день собралось всё село, все три сотни. Благочинный в шёлковой рясе, сельсоветский глава на «уазике», участковый. Коля — при своей вечной телогрейке. Отслужили молебен, погундели речи, и началось. Четверо мужиков подняли большой колокол, Коля под него головой подлез, принял на плечи. Благочинный раскрыл рот:

— Вот это ж бывает такой медведь!

Фотограф забегал вокруг, щёлкает.

Коля качнулся и двинулся к трапу — колоколенка невысокая, трап положили от пожарной машины, длинный, не шибко крутой. Мужики засуетились вокруг медведя, под ногами путаются, как будто помогают. Вот Коля шагнул на трап, тут помощники отстали, пошло легче. Трап прогнулся, заскрипел. Народ примолк, батюшка крестится. Коля шагнёт — приставит ногу, ещё шагнёт — постоит. Видно, и такому богатырю тоже не всё просто. А на полпути, сам потом говорил, даже испугался. Духу, говорит, вовсе не осталось, назад нельзя, вперёд не могу. Не бросать же. Стал про себя молиться и как-то, сам не заметил, добрался до верха. Тут сразу и мужики за ним по трапу бросились колокол принимать, крепить. Следом и фотограф. Коля на цыпочки привстал, поднял колокол к хомутам, мужики сунулись было вставлять клинья — глядь, а клиньев-то и нет. Заорали вниз в народ, чтоб там на земле поискали. Слава Богу, быстро нашли их, возле молебного столика валялись. А Коля всё держит. Клинья принесли, опять Коля на носки приподымается, мужики давай клинья в ушки целить, а тут фотограф: «Дай-ка с этого боку щёлкну. Да погоди, вот теперь отсюда зайду». Коля на него даже заругался. Потом спохватился, что Божье дело совершает, и позволил щёлкать этому ироду, сколько влезет. Ну, с Божьей помощью всё прошло хорошо. Колю потом долго в народе хвалили. После и газета пришла,

фотографию разглядывали: впереди благочинный — шёлк переливается, с ним — глава, сбоку участковый цветёт, где-то вдалеке батюшка бородак отсвечивает. А позади всех, почти не видно — мужик с колоколом вместо башки...

С новой звонницей Зуево будто ожило. Вроде всё по-прежнему: ни работы, ни дорог, ни фельдшера, ни газа, а только слышишь, как утром колоколенка поёт, и на душе праздник — самое что ни есть Светлое Воскресение. Местные ребяташки намастырились хорошо звонить. Батюшка сам с ними лазил, обучал...

Как-то на зорьке Коля гнал своё стадо, посвистывал. Вдалеке, в пойме, видно — туман. И зябко пастуху туда глядеть и радостно. Давит свою клячонку, улыбается. Стало стадо дороге переваливать и немного замешкалось — взросло что-то вкусное по неезженным обочинам. Коровки пасутся, Коля на кляче, как Санчо Панса на ишаке, сидит. И сроду в это время никого по дороге не носило, а тут сразу целый «Лексус». Розовый и номера столичные, гудит:

— Эй, деревня, коров убери!

Коля стал просить, чтоб не гудел, коровы пугаются. А тот светом моргает ещё шибче. Коля — извиняться: мол, мы сейчас, мы скоро. Ну, замешкались чуток, это же животное, глупая. А тот опять на Колю, мол, это ты животное: козёл ты, и коровы твои — козлы. Коля давай пассажиров упрашивать, мол, если уж совсем спешите, так на вашем джипе можно ведь и сторонкой вот тут вот запросто объехать. А «Лексус» ни в какую, дай ему дорогу и всё. Тут, как на грех, в деревне колоколенка запела. Коля картуз долой, как был на лошади, так и давай креститься на деревню. А эти, в машине, увидали и совсем разошлись:

— Козёл, — говорят, — ты. Но не простой козёл, а правосла-авный! И церковь твоя...

Ну.. Зря они так. Коля покосился на них, перекрестился последний разок, картуз натянул. Поравнялся с розовой машиной, к самому окошку подъехал, откуда лаялись. Немного на лошади склонился, будто хотел в окошко заглянуть...

Хорошо, что водитель отстранился. Медвежий кулачище летел полукругом, снизу. Если б челюсть поддел или ухо зацепил, то грех был бы великий. А так изнутри шарахнул в крышу, как раз над водительской тубетейкой, и ладно. Тогда уж джип гудеть перестал и объехать согласился, как Коля и просил в самом начале. И всё благополучно, миром и добром.

Наверное, до сих пор торкается где-нибудь в столичных пробках красивый розовый джип с огромной шишкой на темечке...

Лето — самая пастушья страда. Это только со стороны так, будто ему — пастуху — не бей лежачего. А кто пробовал сам, тот знает, каково оно: ты их для начала попробуй собери в кучу, попробуй перегони куда-нибудь, если, конечно, получится собрать. Тогда уж и рассуждай. А если пастух со слабинкой, они это чувят. Шалят, как всё равно сговорились. Лезут, глупые, во все стороны. А Колю коровки слушаются, как своего. Он только подумает, поднимется им сказать, а они уже угадали и идут, куда полагается. И народ доволен, что не надо больше всем по очереди пасти.

В церкви совсем сделалось уютно. Всё оштукатурено, побелено, печку к зиме переложили, дров запасли.

Но вот, совсем гладко-то всё не бывает...

Как-то смотрел Колин отец перед сном новости. Коля мимо проходил и тоже уставился в ящик. А там... Увидал Коля, что где-то батюшку обижают. Одного обижают, а другого убивают. Задыхал Коля как-то нехорошо. Плядит... Отец на Колю косится, уже что-то чувствует. А в телевизоре теперь школу бомбят. Коля не моргнёт, уставился, а там стали церковь обстреливать... Зря они так. Поиграл Коля желваками, пошёл к соседу, постучал. Сказал ему, чтоб он стадо принимал, отвёл ему свою клячу. Вернулся в хату, собрал рюкзачок, сунул в штаны паспорт с военником. Мать забеспокоилась: мол, ты куда? Коля на телевизор кивнул: «Туда». И на заре уехал.

Плохо стало без Коли, пусто. Коровы с утра мычали, ни в какую не слушались нового пастуха. Тот даже матерился.

Да и не одним только коровкам худо: как-то батюшка сам уголь в кадило сыпал, неуклюже сыпал, отвык, подрясник прожёл. Всё что-то из рук валится.

А ещё потом было: один зуевский мужик поехал как-то в район картошки продать, вернулся без картошки и без денег и в глаз получил. Говорит: «Был бы здесь Коля, шиш бы они мне».

И так-то всё кругом провисло, ослабло...

Но зато потом Колю увидели! Увидели в новостях. Со спины, правда. Подхватил медведь одной ручищей раненого, бежит, свободной лапой пятерых зелёных раскидал. Пули свистят — его не берут! Мины воют, земля дыбится, страшно. Увидал на бегу — ещё один свой скovyрнулся, и того подобрал. Живёт силушка, других из-под смерти уносит!

Ну? И кто же это ещё, как не Коля?

Батюшка среди недели затеял по этому случаю обедню о здравии, Колю поминать. Колокольня разливалась! Обрадовались все, что Коля нашёлся, только об этом потом и разговаривали.

Больше всех, конечно, этой новости радовался пастух: совсем ведь ни одна скотина его не слушает, измучился. Говорил: «Раз Коля там объявился, значит, всё у них теперь наладится. Будем ждать».

И то правда, скорее бы уже наладилось, скорее бы уже возвращался Коля — скорее бы зувским коровкам облегчение...

НАД БЕЛО-РОЗОВЫМ МОРЕМ

Дед спозаранку взобрался на крышу сарая. Высоко сидит, выше цветущих яблонь. Он стар и лыс. В кармане его штормовки обойные гвозди с большими шляпками. Он достаёт их по пять, держит поджатыми губами. Сидит на развёрнутом листе рубероида и снизу смахивает на римского патриция — волосы на висках всклокочены, торчат лавровым венком над покатою лысиной. (Один такой, похожий, в венке, висит в кабинете истории.) Патриций мычит себе под нос песенку «На Волге широкой, на стрелке далёкой...», берёт двумя пальцами гвоздик, прижимает рубероид к крыше. В другой руке молоток. Тюк-тюк-тюк — и гвоздь по шляпку входит в кровлю. Дед разворачивает чёрный рулон, перемещается за ним по крутому скату. Тюк-тюк-тюк — и переползает дальше. Ловко у него получается! Внук заворожено любитесь снизу.

— Что, Борька, в школу? — с гвоздями в губах у деда получается «Фто, Бойка, ф фкоу?»

— Ага...

— Неофота?

— Неохота.

В школу и правда неохота. Но Борька знает, что осталось учиться три несчастных неделки, и терпит. Да, всего-то три неделки, и к соседке — бабке Скоковой — привезут на лето Олежека, а к Манучихе — Андрюху. Олежек придурошный и умеет курить, а Андрюха делает из велосипедных спиц пугачи и ловит банкой карасей. Компания что надо. И у обоих раскладные велики.

— Дед!

— Фто?

— А можно мне тоже на крышу, помогать?

— Я ефё не законфю к твоеу пыиходу. Пыидёф и заазь.

...Нет, «неохота» это не то слово. Такого слова, каким в мае неохота в школу, в четвёртом классе ещё не знают. Борька плетётся с портфелем, а по садам бушует бело-розовое яблоневое море. Шкрябает кедами засохшую колдобинами землю, а по деревне орут петухи. В палисаднике напротив мага-

зина бело-розово — клубится черешня, и под ней завелись юные тюльпаны. Где-то блеет козёл, гуси пробуют молоденький спорыш, трясут клювами, довольны.

На крыше магазина — коты... а в кармане у Борьки рогатка. Борька озирается и целит в кота. В громкого, рыжего, который на серого орёт. Долго целит, не дышит, чтоб руки не ходили. Ещё мгновение, и правосудие припечёт агрессора под самый хвост. Но внезапно Борьку сцапали за ухо. Он взвизгнул и промахнулся.

— Ах ты паразит! — Новый школьный военрук, старый майор, ухватил цепко, не вырваться, — Вот кто в магазине стёкла бьёт! Ну всё, попался, брат. — Военрук вырвал у Борьки оружие и отправил в карман своих брюк с лампасами.

Борька захлюпал:

— Я не стёкла, я кота хотел...

— Кота? Чем тебе бедный кот насолил?

— Он не насолил... он злой, он обижает... орёт на серого...

Седой майор смягчился, немного попустил свою крабовую хватку:

— Так ты что же... получается, заступался за слабого?

— Угу.

— Ну... — военрук будто немного растерялся, — Ну, не знаю. Хорошо б тебя, защитник, отвести к родителям, чтоб высекли...

— У меня одна мамка, она в городе живёт.

— А ты?

— А я у дедушки с бабушкой. Они меня не секут.

Старый майор озадачился. Как быть? Надо бы озорника поучить, но как судить защитника...

Военрук усомнился:

— А ты точно не по окнам? — Глупый вопрос. — Гм. Ладно, а кто твой дед?

Борька назвал дедову фамилию.

— А, это... рядом с Манучихой-то? Ну.. — Майор выпустил благородное ухо, оправил свой китель. Велел передать деду привет и легонько подтолкнул пацана в сторону школы.

Всю учёбу Борька отходил героем! Подумай: пострадал от врага, перенёс пытку — алое ухо так и светит. Враг коварно подкрался, вырвал оружие, но боевого духа не сломил: геройские руки в карманах, нос выше макушки, пионерский галстук вылез на пиджак — и ладно! Главное ведь всё равно не это. Главное — впереди! И оно — главное — скоро зазвенит жаворонками, затеребит на реке поплавки, загрохочет Андриюхиными пугачами и сведёт скулы земляничной оскоминой. А ещё будет покос — возможно, позволят править кон-

ными граблями. Возможно, дед подарит наконец свой ржавый мопед — он давно обещает. И будут надеты на сучок и зажарены на костре пескари, и плечи обгорят, а потом облезут. И над всем этим будет густо плавать нестерпимый донник...

Весна... Великое беспокойство процветает под небесами, ширится, растёт...

...Борька возвращается домой, суетливо идёт, с подскоком. На изумрудной лужайке выткнули свои мордочки жёлтые одуванчики. Пробивается у свалки горлупа. Солнце играет, звенит... Всё звучит, всё вокруг — сплошная мелодия! Даже своя калитка и та поёт по-весеннему.

Дед, как и обещал, по сию пору светит лысиной с высокой крыши сарая. Оттуда, слышно, напевает сквозь зажатые губами гвозди: «...гудка-ами коо-то вовёт фароход...» Борька переоделся — и к нему на подмогу. Ухватил с грядки молодого щавеля, набил рот, скривился. Карабкается по лестнице, жуёт, морщится.

Рубероид под солнцем размяк. Борька прорвал дыру на самом верху ската, и дед заставил его самостоятельно заделывать прореху. И так и этак вертит Борька молоток, и так ухватит гвоздь и этак — всё ерунда получается. Дед посмеивается:

— Что, мастер, помочь?

— Угу, — Борька проводит под носом чёрным от рубероида пальцем и превращается в гусара.

Дед переползает по скату к нему. Тюк-тюк-тюк — готово. Борька смущённо ковыряет ногтем гвоздь. Дед ухватывает гусара за нос:

— Мастер-колесник... старой бабушке ровесник. Эх ты...

Борька шмыгает носом. Хочется поскорее забыть свою неловкость, и он заговаривает о другом:

— Дед, тебе военрук привет передаёт.

— Ну.. и ты ему передавай.

— Он что, твой друг?

— Да как тебе сказать... Бежали вместе.

Борька уставился на деда:

— Бежали? Куда?

Дед вдруг ослаб, сел на коньке, сложил облизанные гвозди обратно в карман, уставился поверх цветущего сада:

— Куда бежали-то? Домой бежали. А куда ещё бегут? — Песня про широкую Волгу вмиг потухла, поплыла вдаль туманцем. — Меня почти сразу взяли, сразу, в сорок первом. Под Курском. Мы тогда отступали, не оглядывались. Я лейтенанта в штаб отвёз, возвращаюсь один. Из леса выехал, а

они уже на опушке, штук десять. Главное, туда ехал, здесь ещё наши стояли, а обратно, вот... «Рус, здавайс!» Не помню, как с мотоцикла слез. Помню только, что куда-то вели, в спину всё время толкали... Помню, рожи у них довольные, сытые...

Дед поперхнулся.

Лицо патриция то дрогнет застенчивой полуулыбкой, то по нему пробегут еле заметные судороги. Кажется, будто он к чему-то прислушивается и не может расслышать, губы поигрывают то досадой, то недоумением...

— Дед, а бежали-то...

— А? А, бежали... Бежали-то уже после, в сорок пятом, в марте. Я под Веной, в деревне, на хозяина батрачил. Нас таких много было, у каждого в деревне прислуга и работники из наших, пленных. Когда наши к Австрии подошли, *эти* нас всех собрали со всего округа, свезли на полянку. Помню, шофёр, что нас вёз, гражданский. А какой расстреливал, тот уже в полевой форме, правда, без погон. Однорукий, старый. Выстроил нас: «Руссиш швайн! Тринкен шнапс унд шпилен балалайка!»... Как он одной рукой затвор передёргивал, я не заметил. Главное, тогда ещё подумал: «Как же этот хрен будет одной рукой взводить?» Думал ведь про это, а не заметил. Как сейчас вижу, держит этот однорукий автомат, упёр в рёбра, целит по нашей шеренге на уровне сердца и медленно-медленно ведёт. Я выстрелов не слышу, только вижу, как автомат подпрыгивает, гильзы отлетают и с правого края наши тощие начинают валиться. Вот до меня ещё семь человек, вот — шесть, вот уже четыре... Готовлюсь, скоро моя очередь. Вот уже сосед мой дёрнулся, упал. А я думаю, как так, выстрелов не слышно, а они валятся... Тут меня в руку толкнуло, дёрнуло повыше локтя, развернуло, я и скопытился...

Дед снова поперхнулся.

...Лёгкий южный ветерок прилетел, погнал волну по розоватому яблоневому морю. Волна покатилаь, покатилаь, добежала до сарая и разбилась об угол, пониже кровли.

— Дед, а бежали-то?

— А, это уж после. Я тогда упал, думал, что помер. Которые рядом, те — кто сразу затих, кто хрипит, кто корчится. Немец прошёлся вдоль нас и к шофёру в кабину — прыг, даже борт не закрыли — я-то шурюсь, вижу — и укатили. А я себе думаю: «Если борт не закрыли, значит, ещё за кем-то поехали». И точно. Время прошло: которые рядом — коченеют. Тут эти двое, привозят ещё полный кузов таких же тощих. Так же выстроили и так же бесшумно... Один мне на голову свалился, придавил. Кровь из него глаз мне залила, а дру-

гим-то в щёлочку я вижу: фрицы борт защёлкнули. Значит на сегодня у них всё. Укатили. Который меня придавил... слышу, сердце сверху мою голову в песок вколачивает: тук-тук, тук-тук. Когда стемнело, я его с себя спихнул, он застонал, глаза приоткрыл. Я его растормошил и поползти к лесу. Ему лёгкое прострелило. Нам с ним всего по одной пуле досталось. Дня два ползти, за лесом нас австрияки подобрали, спрятали в сарае. Мы у них с неделю отлежались и...

Борька раньше видел у деда шрам, повыше локтя. Думал, это от прививки... А это, оказывается, вон от какой прививки. Если прикинуть, до сердца сантиметра четыре не дотянул, промазал однорукий.

— Вот. Бежали... Ползти больше. Ну, а когда до своих доползли, нас опять в сарай, под замок. С неделю продержали. Его, этого, раз на допрос вызывали. А меня и не допрашивали... Он потом, после войны в Вене дослуживал, в армии остался, а я за Пермью. Недолго, правда, три годка дали... дослуживал... Теперь вот он в отставке, хату у нас в деревне купил, приветы передаёт. Ну, коли так, и ты ему от меня привет снеси. Скажи, дед, мол, в гости зовёт... Чего уж теперь-то...

Дед замолчал. Его лицо успокоилось. Взгляд начал понемногу возвращаться, приближаться к пахнувшей гудроном крыше.

— Н-да... Что-то мы с тобой, брат... это, отвлеклись. А? — Дед достал пяток гвоздей: — Ступай в хату, скажи бабушке, пусть обед собирает, пора вроде.

Борька спустился до половины лестницы и спрыгнул. Когда приземлился, что-то твёрдое вдруг подкатило к горлу изнутри, начало душить. Борька понял, что он вот-вот разревётся, и в хату не пошёл — встал под стрехой переждать. Это твёрдое походило на обиду, но не обида — это точно. Обиду то кто не знает? А это не обида, нет. Нечто гадкое, которое требуется непременно раздавить, растоптать. И неможется. ...Ведь если б однорукий фриц тогда постарался, то ни деда, ни Борьки теперь бы не было! И каникулы теперь никому б уже не светили. Но это — ладно, ерунда. Ведь главное, что сперва-то, выходит, мамку Борькину... уби-ил бы-ы!..

— Га-адина! — Грудь парнишки разрывается, сердце стучит в мозги, кулаки сами сжимаются...

Борька закусил губу, но понял, что так рёв не удержать и залепил рот обеими ладонями, шумно задышал носом...

...А сад кругом гудит пчёлами. Густо-густо, липко гудит и приторно благоухает. Чернеет за штакетником перепаханный огород — пора картошку сажать, все уж посадили. Борька давится, дышит носом, сопит. Пережидает.

А с крыши опять мирно сыплется «тюк-тюк-тюк» и катится, беспечно катится, тихонько, задумчиво над бело-розовым морем:

*На Во-олге широкой, на стре-елке далёкой
Гудка-ами кого-то зовёт пароход.
Под го-ородом Горьким, где я-асные зорьки,
В рабо-очем посёлке подруга живёт...*

В рабочем посёлке подруга живёт...

«ТРАДИЦИИ»

1

Одному моему знакомому священнику, как-то раз улыбнулось лично поучаствовать в народном обряде. Сам мне по секрету открыл. Дело было так.

После семинарии, когда ему едва-едва исполнилось двадцать три года, он получил назначение в сельский приход. Сразу туда и отправился. Село не маленькое, старинное. Церковь в селе разрушена. Батюшка в ту пору ещё обладал здоровьем, и глаза горели — вдохновенно принялся за дело возрождения.

Не прошло и недели, как его пригласили на поминки, со-роковой день кому-то подошёл. Священник помолился с людьми в доме усопшего, затем посетил его свежую могилку. Всюду батюшку сопровождал благообразный старичок по прозвищу Петрович, который в отсутствие батюшки руководил на селе всеми благочестивыми традициями. И вот священник, Петрович и сродники усопшего вернулись с погоста в дом, где уже накрыт поминальный стол. Кадило повесили на гвоздь, совершили у стола молитву, пропели «Вечную память». Батюшку усадили во главе стола, Петровича рядом с ним, «как-никак одно дело делают».

Наполнили чарки, воцарилась тишина, и батюшка про-изнёс в утешение родственникам доброе слово о вечной жизни на небесах. Петрович предложил молодому настоятелю выпить первым. И пока в мёртвой тишине священник тянул из своей стопки вонючий самогон, Петрович положил на его тарелку закуску — тёмный мягкий распаренный блин. Забрал у настоятеля опорожнённую стопку и указал, что надо, мол, закусить именно этим блином: традиция. Батюшка принялся откусывать от прогорклого блина. Пока он ел, народ

сидел с поднятыми стаканами и молча взирал. Когда же священник проглотил последний кусок, Петрович воскликнул: «Всё! Понеслась душа в рай!» Тут стаканы с грохотом сдвинулись, застолье зашумело, и понеслось. Под поминальный гвалт священник поинтересовался у Петровича, что, мол, всё это обозначает: тишина, блин на закуску, «понеслась душа в рай»? Тот был удивлён, что священника в семинарии не обучили таким знаменитым исконным обрядам и восполнил пробелы в настоятельских знаниях:

— Попа до тебя у нас лет семьдесят уж как не было, но вот этот обычай все мы знаем. Жила когда-то в нашем селе залётная монашка, от гонений спасалась, что ли. Она-то меня и научила. Когда свежего покойника укладывают во гроб, для него, чтоб душе не было голодно, требуется испечь блин. Единственный. Ну, съесть-то его покойник, знамо, не может, вот и укладывают этот блин ему на лицо. Три дня, покуда мертвец в доме, полагается читать Псалтырь. Ну и блин на лице маслить, чтоб не засох. Потом покойника — на погост, ну а блин — во святой уголок, под иконки. Священное это всё, испокон. Ну а на сороковой день блин с образов симают, отпаривают и старшему, самому почётному на поминках, полагается священный тот блин вкушать. Как съел — не поперхнулся, так, стало быть, и понеслась душа в рай. И людям отрадно, что так всё свято от века. Раньше тот блин я вкушал, ну а теперь у нас батюшка есть. Вот ему-то, то бишь тебе...

Настоятеля тогда ох как скрючило. Побежал, даже кадило не успел с гвоздя подхватить.

И традицию эту народную батюшка в своём приходе сразу же пресёк.

Поселяне было возмутились, да благо Петрович оказался старичком душевным и кротким, сам отнёсся к настоятельским новомодным распоряжениям с пониманием, и людей успокоил:

— Батюшка, — говорил Петрович, — молодой, городской, желудком слабый. Вы уж другой раз тот блин потихоньку мне... того... пока он не видит. А то как же... надо ведь, как положено, чтоб душа... в рай. Обычай всё-таки.

2

До рассвета ещё целый час.

Именно в такое время Петровна спешит в один из домов, где сорок дней назад кто-то преставился. Её голова обязательно закутана в чёрный платок. Зимой и летом — одним цветом. Чёрная юбка тянется по земле, под мышкой таин-

ственная книга, утратившая от ветхости свой переплёт. За такой необычный образ местные обыватели прозвали Петровну Монашкой. Она этим своим прозвищем гордится и высоко задирает нос.

Петровна не слыхивала о загробных мытарствах души, Петровна ничего и знать не хочет про Божий суд. В церкви Петровна не бывает и, разумеется, не верит, что когда в сороковой день душа усопшего становится перед Господом, родственникам надо бы молиться, усердно просить, чтобы Бог простил усопшему грехи, допустил его до райской жизни. Такие подробности Петровну не занимают.

— Покойнику теперь всё равно, а нам, — говорит она, — надо сделать как положено. Как испокон веку делали. Чтoб никто не осудил.

И спешит скорее править свою «сорокоушку».

Вот по её приказу посреди дома установлен стол — сорокоушка стартовала. На столе — хлеб, чтобы кормить душу, вода, чтобы душу умыть, рушник, чтоб утирать душе физиономию. Ну и водочка, чтоб душу поить и утешать. На закуску душе усопшего — холодец. Ну а если пост, то уж, как водится, по-постному — колбаса. Лучше мягкая «Любительская», ведь с зубами у Петровны дело дрянь. Монашка сама, от имени покойного, опрокидывает стопку, долго беззубо закусывает колбасой. Родственники выстроились поодаль, перешёптываются:

— Во, хорошо душке, правильно, что не самогон выставили, а на «Столичную» раскошелились.

Монашка прожевала, стоит задумавшись. Наливает ещё. Сродники в недоумении:

— Гляди ты, первая не пошла! Видать, у покойника грехов!..

Петровна опрокидывает вторую, кричит, занюхивает буханкой. Зажигает свечу, раскрывает свою замусоленную книгу. Косоглазо в неё глядит, шурится, начинает что-то бубнить. Родственники облегчённо вздыхают:

— Слава Богу, покойнику теперь радость. Улетит, как миленький! Ну как бы мы без Петровны!

Монашка заводит своё ритуальное пение сперва полушёпотом, гугниво. Потом «Столичная» Петровну румянит и её голос крепнет, крепнет, крепнет... И вот уже внятно промелькивают отдельные жеванные фразы «издревлей молитвы»:

— Отче наш... Ерусалим-Бугуруслан... кипарис-земля сырая... устала-приуснула дева поднебесная... аллилуйя-ладанка... поникли лютики... живая помощь... Иисус Христос... вода студёна... аминь-аминь-аминь... аминь-аминь-аминь...

Так проходит около часа.

Но вот графин пуст, «молитва» окончена и наступает пора с «душкой» прощаться, «чтоб она по ночам по дому не шастала, спать не мешала». Под руководством Петровны народ валит на двор. Здесь на столе уже приготовлен веник и ведро с квасом.

— Хрен в квас добавлять грех! — Об этом Монашка всегда напоминает, и народ внемлет, греха боится. — Не то душа хреново полетит.

Петровне подносят ковш безгрешного кваса, она отпивает, остатками плескает в народ. Хватает ведро, веник и отправляется кропить все четыре угла дома. Возвращается, грозно всех оглядывает. Ступает в дом, кропит там, раскрывает окна и начинает в доме шуметь — «покойника изгонять». Пошумев-погромыхав, является к народу и призывает публику глазеть по сторонам, «высматривать душку». Пролетает ли птица, жук или муха, или просто несёт ветром сор, Петровна указывает в сторону летящего предмета и восклицает: «Смотрите! Полетела! Понеслась душа в рай!»

Миссия выполнена, душа в раю. Люди довольны. Счастье! «Выгнали-таки своего покойничка на небеса!»

А тем временем, пока дом покойного сотрясает традиционная обрядовая свистопляска, он уже прошёл все мытарства. Ангелы поставили его перед Божиим престолом. Господь, который Своими страданиями на кресте открыл для всех нас райские двери, предлагает рай и новопреставленному. И если тот преуспел в посте, то вполне может отправляться в чертоги, где святые постники. Если же человек преуспел в братолюбии, то место ему среди милосердных братолюбивых святых. Если усопший истовый причастник, значит ему дорога туда, где святые, что причащались. Но вот беда: новопреставленный — такой же «святой», как и все мы. А значит, ни с постниками, ни с милосердными, ни с причастниками ему не по пути. Не готов! Не делал сего! Ужас! Нет святых подвигов! Зато грехов, оказывается!.. Неужели не найдётся ему в раю места? Неужели ему отправляться туда, где злые и немилосердные, где сквернословы и чревоугодники, где стоит плач и скрежет зубов? На что теперь надеяться, когда ничего в жизни уже не исправить? Может, хотя бы по горячим молитвам сродников Господь помилует и избавит от мук? Где вы, родственники с вашими молитвами? Где? Просите, должно быть, Господа в церквах о моём прощении?..

Отнюдь. Сродники, мокрые от кваса, уже за столом. Во главе стола Петровна. Ей хорошо. Она произносит первый тост за успешный отход души. Потом второй, «за то чтоб душа

не вернулась, — не чокаясь». Потом — за свою священную сорокоушку, «а иначе как же? Завсегда-испокон».

И сколько крещёного люда из-за подобных народных традиций осталось без отпевания, без поминовения и без последующих молитв об их упокоении — сие одному Богу ведомо...

Семёныч, когда ещё церковь в селе не работала, справлялся раз у Петровны, по какому де чину она правит свой ритуал, и не лучше ли почитать Псалтырь, отслужить обедню с панихидой, заказать в каком-нибудь приходе сорокоуст, помолиться? Но та возмутилась:

— Как-как ты сорокоушку называешь? «Сорокоуст»? Болван! А туда же, грамотный! Проводы души —ispoкон веку, традиция. А ты кто такой?

На этом её объяснения закончились.

Однажды на священные манипуляции Петровны попал приезжий дальний сродник очередного покойного — человек интеллигентный. Рассказывали, что он с любопытством разглядывал засаленную пожелтевшую книгу, которую Монашка на минутку оставила на столе. Удивлялся весьма. Откуда, дескать, в исконном центрально-чернозёмном селе мог взяться этот раритет — «Социалистическое преобразование Советской Чувашии» да ещё и изданный на чувашском? Но ему никто не ответил. Вскоре он убрался домой в свои Чебоксары и больше здесь не показывался.

...С той поры, как в селе открылся и служит-проповедует Божий храм, прошло уже многим больше десятка лет. Слово «сорокоушка» в народе стало, Божьей милостью, помаленьку забываться. Церковная тетрадь, куда Семёныч записывает сорокоусты, год от года толстеет.

Но только иной раз нет-нет да и видно, как постаревшая Петровна откуда-то бредёт чуть свет, пошатываясь.

Традиция, что поделать.

ПАСТОРАЛЬ

Отец Георгий из села Горянина любит жизнь. Особенно Жизнь вечную. Батюшка часто о ней мечтает, и всякий раз при мысли о Вечности его стареющий взгляд просветляется.

А недавно отец Георгий видел сон. Будто он на лугу. Только-только пробежал дождик, радуга вполнеба, а вокруг — ах! — даже слов нет! Умытые фиалки щурятся свету, колокольчики малиново трезвонят, иван-чай кивает пузатому шмелю, приветствует «Утро доброе!» — душа поёт! Облака в синеве — барашками, и где-то там, высоко-высоко ручейка-

ми льются жаворонки. Вокруг отца Георгия хорошие овечки. Батюшка их лелеет, запускает пальцы в белые кудряшки: «Овечки мои, пасётесь?» Над облаками — батюшка знает — Бог. Бог благословляет всех, и все рады. «Привёл-таки Господь упасти своё стадо». И овечек-то всех-всех священник знает, будто это его прихожане. Вон та, голубоглазая, — это бабка Маруся, она ещё, было дело, всё исповедоваться боялась. А вон та, розовоносая, это Лукичёва Танька, соседская девочка-подросток, которая весной помогала батюшке картошку сажать. А вон тот белозубый крепкий молодец — совхозный зоотехник Николай, которого отец Георгий уговорил-таки в этот год поститься. Ух, какая она, оказывается, Вечная жизнь! Бабочки порхают, и с ними порхает батюшкина душа. Прописаться бы на этом лугу и цвести алым маком! Его преподобие от счастья прослезился, подумал, что он чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века, хотел было в радости перекреститься, уже и руку занёс... Но тут под окном заорал петух.

Отец Георгий проснулся и уставился в потолок...

Ночью пробежал дождик, предрассветная свежесть колыхает на окнах тюль. В форточку веет зеленью, будто с того самого луга, и батюшке долго-долго не верилось, что он дома, что это был всего лишь сон.

Весь день отец Георгий пребывал в блаженстве, ходил сам свет. Внучку катал на шее, она хихикала. Кошке отдал свою порцию холодца. По пути в храм бросил курам «мои ж вы ласточки», а когда повстречал Петровну, так ей улыбнулся, что та попятилась.

«Пастырь добрый душу свою полагает за овцы»...

...А Лукичёвой Таньке батюшка подарил серебряный крестик. Так день и прошёл.

Вечером, чтоб не забыть своего пресветлого видения, батюшка решил всё, что снилось, описать. Он заперся в комнате, включил внуков компьютер. Подумал-подумал и принялся тыкать в клавиши указательным пальцем. Сначала не клеилось: то нужные буквы прятались, то мысли разбежались. Но ближе к ночи батюшку накрыло такое яростное вдохновение, что он обо всём забыл. Разгорячённый, он вбивал пальцем в литературное полотно полуночные откровения, делал это всё проворнее и проворнее. Получался настоящий полноценный рассказ. Автор самозабвенно подпускал в него много всего такого, нужного. Райский лужок из того сна украшали всё новые и новые детали: «плачущих ангелов» сменяли «рук воздаяния», «поруганные святыни с угасшими лампадами» чередовались здесь с «воздаяньями усопшим». К

месту пристроились «коленопреклоненные молитвы о пастве своей». Яркой линией через всё полотно тянулось здесь главное: «Однажды мне приснился один сон» и лились бесконечные «слёзы умиления».

Когда под окном заорал вчерашний петух, отец Георгий озглавил произведение «Батюшка и овечки» и поставил под рассказом точку..

Супруге отца Георгия духовный рассказ понравился безоговорочно, как только она проснулась. Потом духовный рассказ настиг поднявшуюся дочь и скоропостижно понравился и ей. Потом белые овечки вероломно подкараулили старенькую Архиповну, которая гнала в тумане свою корову мимо дома священника. Потом, когда мимо батюшкиного крыльца проходила учительница Анна Ивановна, рассказ озадачил её. И она посоветовала отцу Георгию разместить «Батюшку и овечек» кое-где в Сети, даже сама помогла это сделать и показала отцу Георгию, где смотреть читательские комментарии и как отвечать...

Солнышко выпило утренний туман и сияло над счастливым селом. У соседей визжал поросёнок. Отец Георгий сидел перед компьютером, ждал отзывов и волновался. Наконец дзынькнуло, и на экране высветилось: «Елена прокомментировала вашу заметку». Батюшка затрепетал, навёл курсор и прочёл: «Спаси Господи за такой тёплый рассказ». Священник улыбнулся и ответил: «Во славу Божию». Снова дзынькнуло: «Мария прокомментировала вашу заметку». Батюшка волнуясь схватил мышь и увидел: «Спаси Господи, отец Георгий». Вскоре компьютер батюшку ещё раз поблагодарил. А потом ещё. Потом благодарили какие-то Валентины, сразу три штуки, потом некая добрая Анна. Неизвестная Вера тоже благодарила, правда, указала и на ошибки, но это не суть, дело житейское.

Похуже, отцу Георгию удалось передать своё высокое настроение от того дивного сна. Волнение сменилось тихой радостью. Пастырь, овечки, духовная идиллия! Потрудился пастух, привёл своё стадо на Святые пажити. Сподобил Бог, по молитвам. Автор потянулся на стуле, почувствовал, как зудят за спиной крылья, просят полёта и снова услышал «дзынь». Компьютер сообщал, что «его заметку» прокомментировал некий Недовзоров. Пастырь открыл комментарий и остолбенел: «Попья дурья башка! Молится он, видите ли! Поди уже старый, а не допёр — в этой жизни всё, ну абсолютно всё, зависит только от человека. От человека, а не от бога. Хоть ты башку об пол разбей, а гвоздь сам не вколотится и картошка сама не посадится».

Сюрприз...

Крылья повисли. Оторопелый автор «Батюшки и овечек» перечитал комментарий несколько раз. Тут бы парировать, а указательный палец никак не отыщет нужную букву. И то правда: ну как на это ответить?

Отец Георгий из села Горянина и без Недовзорова знает, что гвозди сами не вколачиваются — над прудом розовеет храм, который настоятель собственноручно обивал дранкой под штукатурку. И про картошку настоятелю известно, что она не ангелами сажается, деревня как-никак. Да и что это за откровения? Зато новость, что «в жизни всё зависит только от человека», батюшку озадачила. «Это что же, захотел сам себе народиться и народился? Так по его выходит?»

Настроение испорчено.

Настоятель вышел на двор. Взял колун, поволил над берёзовым чурбаком, замахнулся и... опустил. Взял было грабарку, сунулса чистить пороссячий закут, а там — хрю! Почудилось, будто из-за загородки опять оно: «Попья дурья башка! Хрю!» И харя ещё свинячья.

— Что, тоже, поди, думаешь, что в жизни всё от твоего хрюка зависит? Не дам вот тебе жрать, как тогда захрюкаешь, а?

Побродил батюшка по двору, поглядел в огород, где картошку, которая «сама не посадится», пожирает колорадский жук, да и пошёл себе в дом.

К ночи расплясалась гроза. То где-то за лесом притопнет, то за фермой. Сна нет. Отец Георгий ворочается, всё думает, думает: «Ну, вот тебе, скажем, молния. От кого зависит, куда она сейчас долбанёт? Ох, ты, горюшко...»

...Стихия улеглась только за полночь. Где-то по-над речкой защёлкал шальной запоздалый соловей. «От кого он зависит, а?»

Священник всё пытался постичь, как нужно ответить Недовзорову, чтоб его просветить, но ничего не придумал и только лишь разозлился на себя.

Перед рассветом бессонница сказалась: отец Георгий сел выпить чаю, притулился к печке и задремал. И снова пригрезился райский лужок! Только теперь лужок далеко, там, за речкой. И там в луговых ароматах блаженствует сама кудряшка — бабка Маруся. Там и Танька Лукичева: вон крестик сияет серебром. И зоотехник тоже там, со праведными. И все-то там! И лишь отец Георгий отчего-то не с ними. И как туда перебраться, совсем ему невдомёк: ни моста тебе, ни лодки. Стоит его преподобие, за спиной лес, кручинится, тянет к овечкам руки... А тут его кэ-эк толканёт пониже спины: «Бе-э!» Обернулся батюшка, а это баран. «Но как же, бараш-

кам ведь там, на лугу полагается!» Да и сам отец Георгий хочет туда, за реку, где свет и радость. А этот всё носится кругами: «Бе-э!» От отчаяния батюшка во сне даже расплакался. «Да как же!» И вдруг будто архиерейский голос с того берега:

— Эй, преподобие, чего стоишь?! Хватай барана и дуй сюда! Гляди, сколько тут у нас места, на всех!

У батюшки даже коленки затряслись:

— Да как же нам! Тут и самому через речку никак, а этот ещё носится, бодается. Бе-э ему, видите ли.

— А ты кто тут на земле?! Пастух или размазня?! Зачем Бог тебе стадо доверил, а? Хворостину у воды срежь и гони его сюда вплавь, покуда волки не зажрали! Овечки ждут, им пастуха надо, а ты всё с одним этим малохольным хороводишься! Тоже мне, понимаешь! Шевелись!

Пастырь обернулся, а из леса, и правда, волки, барашка учуяли, идут, с клыков капает. А этот всё носится, не понимает. Блеет ещё, глупый, и так уж его услышали. Ох, беда прямо. Спасать надо...

Тут пастуха опять боднуло, он и проснулся.

Огляделся. Из рукомойника капает, кошка зевает, язык высунула. Под окном квохчут куры. В тумане старенькая Архиповна гонит корову, позвякивает ботало. Отцу Георгию — известному жизнелюбу — жаль своего пресветлого лужка. И себя жаль, и барана, и овечек, что остались там без присмотра. Он поморщился, потёр у сердца... Потянулся напиться, а руки дрожат, вода из кружки проливается. «Во сне и то с ним не сообразишься. А наяву как быть? Тут и вовсе...»

Поднялся полить герань — полкружки пролил. Ох...

Киса, трётся о ноги, глаза голодные: «Мя-а!» Батюшка положил ей в миску творожку, а она опять таращится, и — «Мя-а».

— Глупая, ступай, вон у тебя в миске лежит!

А она в глаза смотрит и всё только «мя» да «мя».

— Ты этак с голоду помрёшь при свежих харчах? Иди, говорю! Вон, там!

Не понимает Киса, смотрит голодно. Отец Георгий разозлился:

— Тебя, что, носом надо? Чтоб тебе же хорошо, да? — Взял за шкуру и мордой в творог. Тут кошка и давай наворачивать. Батюшка пробормотал: — Коли жалеешь Божью тварь, так и носом иногда приходится. Во как... А этого, от которого «всё в жизни зависит», не жалко, что ли? Тоже ведь тварь Божья, какая-никакая... Отмахнись от него, так ведь он и пропадёт. Ох...

Отец Георгий вздохнул и побрёл к компьютеру свой последний сон описывать. «Надо, чтоб из этого сна настоящая

проповедь получилась. Чтоб Недовзоров прочёл и уверовал, чтоб проникся, чтоб прямо носом — во благое».

Сперва проповеднический опус не давался, буквы терялись, слов не было. Но потом из-за печки высунулась давшая Муза, подстроила свою дребезжащую лиру, принялась помогать, и нужные слова сами посыпались: тут тебе и «струны души окаянной» зазвенели, и «покаянья солёный вкус» возник, и «слезы сокрушения» пролились, и «преддверие могилы» зазяло. И даже тебе «окстись».

Вечером эпическое литературное полотно «Батюшка и баран» уже собирало в Сети свои комментарии.

МАНГАЛ

Бабка Фрося проживала свой век в родной Воробьёвке. Ей только-только перевалило за сотню, но соседи давным-давно уважительно величали её «наш древний экспонат». Жила бабулька скромно: копалась в огороде, водила гусей, с того и кормилась. Её единственная дочь — бабушка Маруська — слыла теперь покладистой девкой. В молодости, было дело, покуролесила, но теперь уже много лет пребывала вместе с мамой, почитала её. Ещё в хате водился кот. Других сожителей у старух не было. Не было и родных.

В свою восьмидесятую осень дочка Маруся как-то предложила:

— Ды, мама, ды чаво ж мы на одну-то мою пенсию существуем? Давайте вам хоть какую копейку выхлопочем. Вон картоху не покупают. Сорок мяшков сами-то, что ль, с вами пойдим? Ехайте в район, хлопочитя.

Бабка Фрося привыкла от зари до темна вкалывать и совершенно не умела хлопотать по кабинетам. Лет сорок назад, когда она — бывшая до войны «элементом», а весь оставшийся век «пережитком», потому как богомольная, — сунулась хлопотать о пенсии, с неё затребовали колхозные справки. В колхозе бабка не состояла, поэтому справок у неё не нашлось. Каким-то необъяснимым чудом, правда, паспорт себе всё же спроворила, но с тех пор о «хлопотаниях» она и слушать не желала. А посему осадил «дочку»:

— Табе надо, ты и ехай. Чаво не хватает? Землю, как в те года, не отымають, картох Господь нонче сколь послал, авось продадим. Хлеб, вот он, со стола не сходит.. — Она взяла буханку, сунула дочери в нос. Потом поднесла к своему крючковатому и с наслаждением потянула воздух: — Это ж не хлеб — пасха! Когда лебеду ели — и под праздник такой не снился.

Бабка Маруська покорила мать и решила сама на досуге съездить насчёт её пенсии.

И то верно, что на досуге. Теперь сельский год на исходе. До хлопотаний ли? Дожди на носу, а картошка не пристроена, огород не копан, дрова не колоты, трубу бы ещё к зиме переложить... «Ничего, Бог даст, всё осилим».

Старшую бабку на огород последние лет пять провожала младшая. Нет, у бабки Фроси силушка в руках ещё пребывала, и в ногах немного прыти оставалось. Вот только чтобы передвигаться, эти «прыткие» ноги надобно переставлять, а как раз на это сил не осталось вовсе. С рассветом бабка Маруся выносила мать на закорках. Вынесет, установит в начале огородной полосы, перегнёт её пополам и вручит на потребу инструмент. Полоть — значит, тяпку. Копать — значит, сапёрную лопатку. Так до заката бабка и движется по грядкам носом вниз, где лопаткой, а где и пальцами перетирает земной прах. Вечером — всё в обратном порядке: дочь мамку разгибает и транспортирует в хату.

Теперь уже неизвестно, сколько бы продолжался такой привычный уклад. Как-то, в ту осень, бабка Фрося отработала свой трудовень до срока, не стала дожидаться дочери, попыталась разогнуться без подмоги. Тут-то её нога и подломилась. С закатом Маруська нашла мать лежащую в борозде и что-то бормочущую.

Врач прибыл уже к ночи. Осмотрел старуху, объявил: «Перелом». Ещё он рассказал дочери, что в таком почтенном возрасте переломы не устраняются. Потом отвёл бабку Марусю в сторонку и предупредил, что ей придётся туго: сердце у пациентки «как молодое», здоровье лошадиное. Когда-когда ещё помрёт, а до этого её лежащую надо обихаживать. Дочка пока ещё не понимала, что за беда приключилась в их хате, она с улыбкой отмахнулась.

Когда врач спускался с крылечка, он обернулся и спросил:

— Да! Старушка-то... приезжая, что ли? Карточку-то её мы не нашли?

— Своя, своя, — закивала дочь, — усю жизнь наша, воровья. Она просто в больнице ишо не бывала, вот и... Здоровая она у mine, вот и...

Удивлённый врач покачал головой, улыбнулся.

И у старух началась новая непривычная жизнь.

Маруся теперь горбатилась за двоих. Благо, вскоре зарядили осенние дожди. Село раскисло. За порогом хаты стихла всякая суета. В порожние часы бабка Маруся присаживалась на мамину койку, устраивала бабку Фросю в подушки, и обе старушки давили локтями подоконник. А за окном серо.

Облетевшая груша царапает веткой стекло, намокший воробей нахохлился и скучает. Иной раз посере́д дороги угрызнет грузовик...

Первый снег выпал и сошёл. Второй улётс я надёжно. Вот и все новости. Хотя... одна новинка завелась-таки в убогонькой старушечьей хате. И название у неё заморское — «памперсы». Насколько сильно это явление «кусается», бабка Маруся сообразила скоро. Картошку она продала, пенсию получала исправно, скоро уже и гусей щипать-торговать — Рождество вот-вот. Обычно к концу года в хате заводилась копеечка, а теперь что-то нет её. Бабка Маруся стала смекать, что наступил досуг похлопотать в районе о маминой пенсии и, собираясь с гусями на базар, она решила посетить собес. Матери, правда, не сказала, молча захватила её паспорт...

Воробьёвских гусей в районе ценили. Бабка расторговалась, когда ещё хмурилось декабрьское утро, и напрямик — в собес. К вечеру подошла её очередь. Уставшая за день работница взяла у старушки мамин паспорт и с недоумением его разглядывала. Потом встрепенулась и возмутилась:

— Что вы мне голову морочите? Какую вам надо пенсию? Какой ещё маме? Вам сколько? Восемьдесят? Ааа... понятно... А какой сейчас год? Ну да, ну да, двухтысячный. В здоровом уме значит... А месяц? Ну правильно, декабрь... Ничего не понимаю.

Она с недоумением разглядывала пожелтевший паспорт с буквами СССР на корочке, где на первой странице внизу, в уголке, с жёлтой фотографии 3x4 застенчиво улыбалась пожилая крестьянка в чёрном платке, а год рождения этой самой крестьянки обозначался позеленевшими чернилами. Работница позвала:

— Лен, Люд, пойдите сюда, чего покажу.

Из-за соседних столов выпорхнули молодые чиновницы.

— Вот...

— Что? Какого года? 1899? Где это вы такой паспорт взяли? В музее? Какую пенсию? Ну-ка...

Одна из подошедших пощёлкала на компьютере.

— Нет у нас в районе таких. Не значитс я. Вы, бабуля, не староваты мошенничать-то? Какая ещё мама? Нет, ну предположим, мы вам верим. А документы? Что «паспорт-паспорт»? А справки? А нормальный паспорт? Другого нет? Ну не знаю. Это вам надо с начальником. Только его... Он... Знаете что, сходите в архив... или в райадминистрацию...

Когда столетняя бабка Фрося слегла, она по-настоящему испугалась. Быстро поняла, что голод и раскулачивание, в

сравнении с беспомощностью, сушие мелочи. Всякий раз, если дочь исчезала надолго из вида, старуха волновалась. А вдруг что с Маруськой? Ей всякий раз грезилось, что дочь так же вот на огороде сломаёт ногу и будет лежать, пока весной не оттаёт. Поэтому мать и наловчилась кричать. Как только Маруська замешкается во дворе, бабка Фрося глубоко вдыхает, напрягается и: «Марусь... кхе-кхе... кяааа!» Передышка, и снова: «Марусь... кяаа-аа-ааа». Маруська, слышав придушенное «кяаа-аа-ааа», отвлекается от sprawy, прислушивается и: «Бягуу!!! Бягууу!!!»...

...Давно стемнело. Прикинув, что мама за день изволновалась и сорвала воплями глотку, Маруська безо всяких архивов направилась сразу к районному главе. Благо, до электрички оставалось ещё время. Ей редко везло, но в этот раз глава сидел в своём кресле. Водитель топтался в приёмной, ждал. Секретарша истомилась. Бабулю приняли сразу.

— Что у вас? Откуда? А, Воробьёвка? Воробьёвочка?

Глава, как и весь район, посмеивался на захолустными воробьёвцами. Уж больно потешно те разговаривают. Не «селёдка» говорят, а «сялёдка», не «пьют молочко», а «ядять молочкё». С непривычки так не сразу и выговоришь.

— Так. Насчёт пенсии... А собес что? Вот ведь бара... Ко мне-то зачем... отвергелись, парази... Что ещё за паспорт? Ну-ка... Это... Ого! Она что, живая?! Поможем, обязательно! Материальное это, да... Благостояние граждан. Вот ведь экспонат! Наш долг каждому... Принимать участие граждан... Поможем. Да-да. Езжай домой в свою эту... как?... да-да, Воробьёвку, хе-хе! Леночка, найди! Отчёт ещё не отправляли? Переделайте... там это... Сколько хрычёвке-то? Ну, маме, маме! Сто? Рекордсмен района, показатели переделайте: мол, благодаря действиям руководства, средняя продолжительность жизни в районе увеличилась на сколько-то там процентов. Идите, считайте... Всё бабуля, домой, домой, к маме. Ждите, поможем... Леночка, запишите её: кто-что... и всё такое...

Потихоньку старушки свыклись со своими обстоятельствами. Поначалу искренне ждали обещанной помощи, потом забылось — перестали. Затянули пояса, как могли, и когда начался Великий пост, они не заметили на своём столе изменений. Бабка Фрося в пост обычно сама шкандыбала причащаться в соседнее село, где была церковь. Когда она осознала, что для причастия придётся приглашать священника домой, беспокоить его, она было передумала... Покумекала, да «куды денесся», и послала дочь за попом.

Батюшка явился через три дня, как и обещал.

— Здрасьте хозяйки, мир вам. А, Евфросинья! Так вот кто у нас слёт! Конечно, как же не помнить! Феноменальная вы. Пятнадцать лет уже каждый пост удивляюсь, когда вы исповедуетесь. Да... Так что вы, готовы? Ну давайте. Сначала исповедь.

Священник проводил «Маруську» в «запечкю», чтоб не подслушивала, накрыл болящую епитрахилью и принялся слушать то, что выслушивал от бабушки из года в год. Она, как всегда, расплакалась и запричитала:

— Сколь годов вот уже молюсь, прошу Бога, чтоб прибрал. До финской ишо, когда папаню релюцанеры убили... Потом, когда Петенька в финскую исгинул... Я уж и плачу, всё прошу, прошу: Господи, прибери ты мне. За чево мне это... Столь годов, одно молюсь, одно прошу. Маруська измучилась... Чаво? Пост? А как жа, держим. Чаво? Нет, не ругаймси. Молитвы? Дак я их издетства читаю. Чаво? Как при царето жили? Дак, а чаво говорить-то? Всё помню... И как церкву у нас строили, и как архирей приезжал. Папаню тогда хвалил, как читает-то на крылосе. Ух, и голосистай был! И как рушили потом... А вот ты скажи: кажинный год всё спрашаю, как молиться, чтобы поскорей... За что мне такое наказание Бог послал... Да чево ты всё «нога»-то? Не нога наказание — жисть. Жисть наказание... Лет сорок уж всё прошу, прошу... Какой это тебе грех? Не грех. Грех это — в петлю, руки на себе наложить, а молиться-то рази — грех? Какое ишо уныние? Уныние-то, знамо — грех. Да нет уныния-то. Молюсь, говорю, сил нету... На тот свет давно пора...

Батюшка причастил лежачую прихожанку. Перед тем, как Маруська его проводила, он пообещал рабе Божьей Евфросинье, что станет молиться, чтоб Господь её прибрал. Пообещал больше так, чтобы успокоить. Сам он и не думал просить у Бога смерти для своих прихожанок и на первой же литургии вынул частичку «о здравии и спасении рабы Божией Евфросинии». И, подумав, добавил от своего чистого молодого сердца: «И о еже умножится лета живота ея».

...Христово Воскресение в хате встретили весело. Маруська придвинула к болящей койке стол, на стол водрузила жареного гуся. Каждую Пасху так. Зубов нет у обеих. Бывает, полижут, пошамкают. Кот уж за всех разговееется. Как смогли, пропраздновали Светлую. Раз соседка в гости заходила, другой раз сосед наведалься...

Накануне Дня Победы Маруська одолела огород — посадила картошку. Трещины на руках забились землёй, чёрные

пальцы перестали отмываться. С вечера оттирать их она по-
ленилась. Потом пожалела...

А в День Победы радио играло марши, передавало Московский парад. Маруся стояла у раковины и железной щёткой пыталась привести руки в праздничный вид, когда к их дому подрулил «уазик». Из него выпорхнула барышня с фотоаппаратом и ласточкой влетела в хату. Поздоровалась, назвалась корреспондентом районки и велела хозяйкам приодеться, потому что с минуты на минуту прибудет сам районный глава проведать старожилов-ветеранов, оказать достойную помощь, а она, значит, это торжество станет фотографировать. Бабка Фрося на своей кровати от волнения сразу онемела, а Маруся начала заикаться. С горем пополам корреспондентке всё же удалось выяснить, где у старушек хранятся чистые платки — найти их и повязать обеим «ветеранам» седые головы. Сразу после этого возле хаты заскрипела тормозами административная «Волга».

Глава появился в убогом жилище шумно. В руках барышни-газетчицы заклацал затвором «Зенит», вспышка ослепила старух и ещё больше их взволновала. Гость зашумел «речь», в которой говорилось, в том числе, и о достижениях района. Ну, как вот только что, на митинге, перестроиться не успел. Окончив говорить, присел на кровать к болящей бабушке Фросе, расплылся в улыбке, и фотовспышка опять уколола старух сквозь влажные глаза прямо в мозг. Что-то говорил глава про оказание помощи пожилым, про выборы... От волнения старухи ничего не разобрали. Распрощался почётный гость так же внезапно и шумно, как и появился. Когда он вышел, в хате появился его водитель и сообщил хозяйкам, что всем ветеранам района от лица главы сегодня раздаётся «матерьяльная помощь», и что их «помощь» он в хату не понесёт, оставит на крыльце, «сами потом разберётесь».

После дорогих гостей бабка Фрося и её старенькая дочь Маруся долго сидели друг против дружки, всё не могли опомниться. Солнце в расшторенное корреспонденткой окошко заливало их комнату. В солнечных лучах висели пылинки, растревоженные гостями. Протёртые половики заботливая газетчица сгорнула к печке, «чтоб гостям не споткнуться». Маруся отрешённо смотрела на древние доски пола. В одном месте, под слоями краски, бугрилась квадратная шляпка гвоздя. Из щелей в полу тянуло прохладой и плесенью. Когда она успокоилась, то спохватилась, что не спросила у начальника про мамину пенсию, но было уже поздно. Погоревала, вздохнула. Расправила половики. В окно увидала, что гости бросили калитку распахнутой и пошла её закрывать...

...«Матерьяльной помощью для ветеранов» в том памятном году стали сварные мангалы, которыми был завален склад маленького районного заводика. Железо, из которого их произвели, назначалось на ремонт вагонов, но некстати приключилась всероссийская независимость, и ремонт вагонов прекратился. Мангалы получились неподъёмными, богатыми и сразу ржавыми. Раскупать их никто не торопился. На кой? На мясо-то денег нет. В комплекте к мангалу полагались и шампуры. Их произвели из арматуры. Надёжно. Однако даже в такой справной комплектации это страшное изделие не брали.

Пыльный мешок, в котором покоился очередной мангал, водитель главы оставил посреди крыльца. Бабка Маруся, шла закрывать калитку, сослепу его не заметила. Споткнулась, упала, сломала ногу, ушибла голову. До сумерек пролежала под праздничным майским солнцем на крыльце. Ни разу не охнула. Временами приходила в память, пыталась подняться, а нога подламывается. Временами теряла сознание, и беззубый рот её начинал младенчески улыбаться.

Уже в сумерках заглянула соседка — увидела распахнутую калитку, забеспокоилась. А тут и болящая в хате как раз принялась петь своё «Маруся... кяаа!»

Черёмуха в ту пору ещё не отцвела...

Рабу Божию Марию отпевали там же, в хате. До церкви везти машины не нашлось. Хотя, кому её — машину-то — особо искать? Кое-как пристроили гроб подле маминой кровати. Батюшку соседка привезла — и то ладно. Батюшка ещё всё жаловался, что тесно, мол, вокруг гроба никак не просунуться.

Гремело кадило, Марусяка лежала вся в черёмухе и улыбалась...

В КАТМАНДУ!

Когда Володя Капустин овдовел, ему показалось, что жизнь окончена: сорок семь лет, дети разъехались, с работы сократили, ибо в век инноваций зоотехники никому не нужны — одно к одному. Но хозяйственные хлопоты, как известно, врачуют всё. Было дело, раньше хлопоты врачевали покойную супругу, теперь же они принялись за его — Володино — исцеление. Он и сам не заметил, как «рана на душе» зарубцевалась, а слёзы высохли: в хлеву у Капустина мычит, в курятнике кудахчет, в закуте хрюкает — всё требует рук. И в огороде тоже — не горюй, успевай-поворачивайся.

На полустанке, где сидят с домашним товаром сельские торговки, Володя занял место своей покойницы. Когда из электрички вытекал на платформу охочий до «экологии» дачный народ, Капустин громче соседок провозглашал своё: «Молоко, молоко домашнее! Картошечка, тёпленькая картошечка! Маслице!» Со своей тележкой вдовец проворно суетился, и нерасторопные старухи, оказавшиеся вдруг при этом соседстве в финансовой яме, сильно его невзлюбили. Ходили слухи, что бабка Галя, которая торгует прогорклыми семечками, посетила как-то местную шепталку, чтобы та извела конкурента проклятого. Но знахарка, видать, накануне не выспалась и вместо того, чтобы околеть, Капустин смастерил себе тележку больше прежней и расширил ассортимент.

Дом энергичного вдовца приятели теперь обходили. Вечерами одинокий уставший Володя усаживался в кресло, гладил пухлого рыжего кота и смотрел дремотными глазами программу «Время». Однажды сосед привстал на цыпочки, с надеждой заглянул в капустинское окно и скис: «Даже и не выпьешь! Чё просто так сидеть-то? Сбрэндил» — и философски заключил: «Всё. Нет былого огня в Вовиной крови».

Но огонь в Вовиной крови бушевал! Правда, бушевал в основном по ночам, поскольку днём не до огней. После крестьянского дня Владимир зевал, выключал телевизор и вырубался. И снилась ему одинокая дачница Елена Сергеевна, которая проживала в доме с запущенным садом на краю села. Снились её длинные волнистые волосы, её не по возрасту хрупкий стан, её свободное длинное платье и не только. В полночном пруду плавала луна, седина лезла в Володину бороду, зудело ребро. Сны витали над его изголовьем, как в далёкой допризывной юности.

Однажды на улице дачница подмигнула Капустину, Капустин пришёл домой и произнёс: «Женюсь». Кот, дремавший в кресле, приподнял рыжую голову и услышал от хозяйки следующее: «Пойми, урюк, человеку одному на земле противопоказано. По хозяйству одному уже никак. И дети... Дочке отправить надо? Надо. Двум пэтэушникам в общагу надо? Надо. И пирогов домашних хочется. Да и вообще. Сегодня и посватаюсь». Кот зевнул, помотал головой. В его зелёных глазах читалось: «Давай, приводи ещё рот на нашу сметану. Самим мало».

— Приведу, — пообещал Володя.

Актёр Тихонов в известном фильме как-то сообщал, что от людей на деревне не спрятаться, и был прав. Среди торговки на полустанке про Елену Сергеевну поговаривали, что будто бы на заре она купается нагишом, мяса не потребляет, а вече-

рами из её окон гундит странная песня, в которой поминаются такие предметы: харя, крыша, снова харя и почему-то рама. Какая такая эта рама, торговки не знали. А ещё у неё временами гостят лысые друзья. Капустин смеял, в чём дело: сам когда-то, живя в общаге сельхозинститута, дружил с бритым наголо лоботрясом Костей. Костя плясал на левой ноге, звенел колокольчиками для донки и горланил «Харе Кришна». За прогулы Костю отчислили, а Капустин и без Кости потом ещё долго слушал Гребенщикова и временами Рериха полистывал. И хотя по всему выходило, что Елена Сергеевна «из этих», но ещё одна пара рук в хозяйстве не была лишней, а ночью и вовсе нет разницы, из тех она, из этих или ещё из каких.

Вечером Капустин побрился-собрался, начистил туфли. Долго думал, что взять в качестве гостинца. Сало и окорока, по понятным причинам отпадают, вина-коньяки — тоже. Остаются цветы, вон их сколько в палисаднике, но с ними за двор — никак, старухи заклюют. Капустин решил задачу так: взял сметаны, банку мёда, головку домашнего сыра и, оглядываясь, огородами двинул на край села, где в запущенном осеннем саду стоял домик яркой цветастой дачницы.

К подворью дачницы вела заросшая бурьяном тропа. Володя обстрекался крапивой и нацеплял на штаны репёв. У калитки отряхнулся, оправился. Во дворе некошенный бурьян стоял лесом. «Мужика нет, — убедился Капустин, — а то б скосил». Он толкнулся в калитку, калитка упала. «Починим», — решил Володя и воззвал:

— Хозяйка! Гостей принимай!

Дверь тягуче заскрипела, будто это и не дверь вовсе, а сам дом норовит стать к лесу задом, а к гостю передом. На крыльце показалась хозяйка, одетая, будто давняя студенческая подруга недоучки Кости, что скакала тогда под его рыбацкий колокольчик. Хозяйка поклонилась, её седеющие волосы вблизи не показались Владимиру такими уж привлекательными. Гнилые ступеньки крыльца зловеще скрипели, когда гость поднимался, а одна и вовсе провалилась. Мужика дому не хватало давно.

В комнате назойливым комаром монотонно звенит и постукивает незримый гаджет. В скрипе-постукивании слышна нудная песня про ту самую «харю», о какой судачили на полустанке. С потолка свисают пыльные бумажные гирлянды, с картины плячется страшное синюшное существо. Другая картина а-ля Рерих изображает горы. После срочной службы на Кавказе Капустин горы ненавидел. Он считал, что равнина, особенно русская, это самое живописное явле-

ние. Что может быть живописнее майского заливного луга? Или реки? Или луга у реки? В юности Вова искренне недоумевал, почему Рериху всегда требовалось рисовать именно горы, и подозревал у художника расстройство ума.

Владимир подмигнул хозяйке, выложил на стол свои домашние гостинцы, и тут же у его ног засуетились две тощие кошки. «Кошки-то совсем чабошные, — отметил Володя, — ничего, откормим». Оглядел хозяйку: «И её откормим». Сладко-горький дымок струится под закопченным потолком, тускло мерцают свечки, комариным роем звенит нудная песня. Хозяйка жестом Зиты (или Гиты) указала гостю на старомодное кресло, гость сел.

— Знаю, что привело тебя в мой дом, — пропела хозяйка голосом, похожим на голос артистки Касаткиной, что озвучивала чёрную, как гудрон, наставницу индуса Маугли. — Ты ищешь свет, ты ищешь истину.

— Видите ли, Елена Сер...

— Молчи, — перебила Елена Сергеевна и приложила палец к губам, — тиш-ше. Тебя привёл он, — она указала на стену, где синее существо с дудкой. — Сейчас мы будем пить чай, и ты попробуешь торт. Ты любишь торт? Молчи. Ты ещё не знаешь, какой изумительный торт мне привезли.

«Эге! — подумал Капустин. — Эта тебе — не вахлячок Костя из общаги. Эта сразу — за рога да в стойло!» А хозяйка продолжила:

— После чаепития тебя коснётся он. — И указала на синее существо.

Володю передёрнуло, он не хотел, чтобы его касалась эта потусторонняя личность.

Хозяйка удалилась. Спустя минуту она внесла залапанные чашки и крохотный тортик. Володя решил, что после чая он и расскажет хозяйке, что пришёл не за какой-то там истинной, а за ней, за Еленой Сергеевной, расскажет, как они с ней заживут. Ведь у него и корова, и прочее, и дом — полная чаша. Всё есть, а хозяйки нет, и принялся жевать торт, отдающий резиной. Первый кусок никак не хотел проглатываться. С трудом Владимир одолел его и тот — шлёп! — упал в утробу. А следующий кусок шлёпнулся почему-то в голову. В черепе пошёл эхом гулять звон. Потом горы на картине задрожали и комната завертелась в трёх направлениях. «Э, да она же ведьма!» — подумал Капустин, и его замутило. Захотелось переловить невидимых нудных комаров, захотелось, чтоб заткнулись голодные кошки. Синий портрет с дудкой зловеще выпучил свои добрейшие глаза, раздул ноздри. Хозяйка что-то шептала, прикасалась ко вдовцу одинокими горячими

руками, которых было ровно пять. И сквозь огоньки, скрипы, жесты, дудки, сквозь горы и шёпот далёким ветром доносило до слуха Капустина хрюканье голодного капустинского борова и мычание не доенной капустинской коровы — самой обыкновенной коровы, не священной, а потому глупой и вряд ли одобряющей священную кулинарную наркоманию. За окнами порозовело вечернее небо. Володя собрал остатки воли, поднялся, прицелился в двоящуюся дверь и выскочил на воздух. Раздосадованное синее существо выдохнуло в свою дудку, гора на репродукции уронила камень. Елена Сергеевна ничего не заметила — она пребывала уже не здесь, она спускалась к Великой реке, созерцала круги на воде, оставляла следы на песке и ощущала синее просветление. Мир не трогал её обрахмапугренного слуха.

Утром у Владимира Капустина трещала голова и ломило суставы. Что поделаешь... Сердобольная вдовья соседка Валя кружилась по капустинскому хозяйству. Управилась с капустинской Зорькой и теперь хлопотала на кухне, гремела посудой. В доме пахло мятой и чабрецом. Поцокивали ходики, потягивался и зевал рыжий кот. Володя лежал с мокрым полотенцем на голове, которое гасило вчерашнее эхо, без интереса щёлкал пультом, переключал каналы. Крышу мыл сентябрьский дождь, и радости на свете не было. Володя листал каналы, с отвращением вспоминал вчерашнее и думал о своей нынешней помощнице-соседке. Сколько раз она выручала. И с поминками... тогда... когда это... Сам много ли успел бы? И когда к детям в город отлучится, она за его скотиной приглядит. И вот сейчас. А оно ей надо?... Пусть она и не яркая, как та, пусть не умеет наряжаться. Ну и что? Сам тоже ведь давно уже не тово-этово. А она и пироги умеет, и возится тут с ним, хворым...

Володя снова щёлкнул пультом и влип в экран, и даже привстал на постели: показывали Индию! Леся и Бедняков рассказывали о просветлённых индусах. В телевизоре трясли перед камерой своей голой непосредственностью голодные рахитные ребятишки, в грязной лохани грязная женщина полоскала грязное бельё. Мухи облепили нечто прямо посреди тротуара. Потом показывали столичный вокзал. Там граждане бомжеватого вида штурмовали побитую электричку и топтали друг друга босыми ногами. Капустин позвал соседку и ткнул в экран — гляди! На городском бульваре что-то подбирал из-под грязных прохожих ног и совал в свой беззубый рот косматый старик. Поодаль макаки вычёсывали блох и переругивались на своём макакачьем наречии. А над всем

этим житьём-бытьём с фасада единственного приличного здания английской постройки застенчивый синий Кришна благословлял дудкой, одобрял своих верных просветлённых подданных.

— Гляди ты, — вздохнула соседка, — а посмотришь ихние фильмы, так сплошной праздник с танцами. А у самих вон, вон, гляди — слон забрался в огород!

— Это не огород, — сказал Капустин, — нет у них огорода, просветлённые они. Это он так просто шастает, улицу удобряет.

— Ох, смотри, до чего народ-то чабошный, то-оций! Да в их климате можно было б три раза в год картошку копать! А они...

Рядом с людьми пялился в телевизор рыжий кот. Может быть, ему нравился слон, может, маргышки. Никто в мире не знает, что творится в маленькой кошачьей голове при виде слона и маргышек...

Включилась реклама.

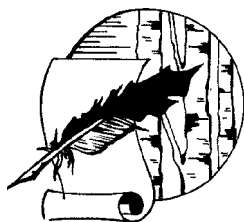
Володя сорвал с головы повязку: «Просветлённые, туды их!»

...А потом в телевизоре сказали, что в следующей серии Леся и Бедняков отправятся теперь к другим просветлённым гражданам, в соседнее королевство Непал, прямо в его столицу, в Катманду. Это слово Капустина согрело:

— Точно! В Катманду! Туда вам и дорога, — сказал Володя Капустин, имея в виду свою вчерашнюю неудавшуюся невесту и всех её коллег по просветлению и кулинарии. И повторил: — В Катманду!

По-прежнему шумел по крыше дождь, сидела рядом потрясённая слонами соседка Валя. Где-то у дальнего пруда мок под дождём пастух и жевали печальную осеннюю траву Волина и Валина коровы.

Головная боль помаленьку отпускала.

Николай АЛЕШКОВ

КОВЧЕГ

Поэма

1
Боже, за что — не знаю —
милость Твоя дана:
море, купель земная,
плещет у ног. Видна
вся полоса залива
между скалистых гор.
Хочется быть счастливым,
всё остальное — вздор!
Сердце, забудь о боли!
Парус зовёт вдали.
Моря на свете больше,
чем на Земле земли.
Лишь небеса бездонней.
К тайнам сокрытым нить
в тёплых морских ладонях
хочется ухватить.
Буду с волной лизаться,
вдруг и услышу гул
древних цивилизаций —
их океан вдохнул...
Я по судьбе протопал,
кажется, тыщу лет.
Небо грозит потопом,
море молчит в ответ.
Как бы ни заносило —
к берегу плыть верней.
Берег. Ковчег. Россия.
Мир устремился к ней.

2

Берег. Ковчег. Россия.
Порт отправления — Крым,
как бы ни голосили
недрузи — «скрытымным»!*
Зубы у них скрипели...
Снился поэту сон:
русские песни пели
Киев и Вашингтон.
Пусть позакрыли двери!
Кремль, продолжай, не трись!
В вещие сны поверю,
если сплотится Русь.
Правда и сила с нами.
Русский другим не волк.
Мы всей страной встанем
скоро в «Бессмертный полк»,
как сыновья Победы,
дочери тех, кто спас
мир. Пусть отцы и деды
смотрят с небес на нас.
В войске они Христовом,
«смертию смерть поправ».
Каждый с мечом и словом,
каждый пред Богом прав...

3

«Будьте отцов достойны!» —
шепчет морской прибой,
помнящий кровь и стоны,
помнящий смертный бой —
в сорок четвёртом битву
за Севастополь, Керчь.
Русские шли с молитвой
в огненный этот смерч.
Чья была крепче жила,
дать ответ не берусь.
Сколько же ты сплотила
разных народов, Русь?
Русский, грузин, татарин...
Павших — поди, спроси —
кто там пассионарен

* *Скрытымным* — новояз, словечко, придуманное Андреем Вознесенским.

был на святой Руси?
Белый ты или красный
(этих спроси и тех),
русскими не напрасно
их называли всех...

Крым — Ушакова слава!
Бьётся волна в гранит.
Тихая Балаклава
тайны свои хранит.
И адмирал Нахимов,
и рядовой матрос
здесь подтверждали имя —
непобедимый росс!..
В море впадают реки...
Оторопев, смотри —
вырублены навеки
в скалах монастыри.
Дух православной веры
нам, Инкерман, открой!
Мощи, а не химеры
спрятаны под горой.

Вздрогнув, очнись от страха:
не на тебя ли взгляд —
души святых монахов
сквозь черепа глядят.
Вечности пряжу вяжут
в костнице. Рядом — Спас.
«Мы были вами, — скажут, —
вы превратитесь в нас...»*
Здесь же, у Инкермана,
прямо под той скалой —
пропасть, как шрам, как рана
страшной войны былой...
Молнией боль искрится,
нервы свивая в жгут.
Истинные арийцы
пленных держали тут
хуже скота. Без пищи.

* *Костница* — маленькая келья в Инкермановском Свято-Клементьевском мужском монастыре, где выставлены черепа усопших монахов со словами: «Мы были такими, как вы. Вы будете такими, как мы»

Были овчарки злы.
Люди («не меньше тыщи»)
падали со скалы.
Павшие — иль забыты?
Лагерь расстрелян был.
В бездне морской сокрыты
тысяча их могил.

4

Русская ностальгия.
Бунин, Шмелёв, Куприн...
Передралась Россия.
Вбит в самый комель клин.
Брат с топором на брата.
Наземь летят кресты.
Тройка летит куда-то.
Русь, очумела ты?
Нехристи из потёмок
ринулись править в ней.
Правду узнай, потомок,
из «Окаянных дней».
Матушка, не по силам
мир на себе держать?
Гнев перетёк по жилам,
вытеснив благодать.
Удаль у нас безмерна.
Норов наш — без границ.
Смутно на сердце, скверно
меж разъярённых лиц.
Видеть вражду — мученье.
Не остановишь шквал!
Всех оглашённых чернью
Пушкин не зря назвал...
Как вам в Париже, в Ницце,
Бунин, Шмелёв, Куприн?
Русское сено снится
в хрусте чужих перин?
Не превозмочь и в Ницце
«Лета Господня»* крах.
Лучшие — за границей.
Лучшие — в лагерях.

* «Лето Господне» — одна из лучших книг о русском православии
И.С. Шмелёва.

Правда всегда упряма,
словно слеза из глаз:
«Сколько зарыто в ямах!» —
горький рязанский сказ...*

5

— Павшие — все — храбрее
выживших, — говорил
старый десантник, грея
внучке ладошку. Плыл
клин журавлиный к югу,
может, к Сапун-горе,
где он могилу другу
выдолбил на заре...
И фельдшерица наша
в клубе, приняв «грамм сто»:
— Я — санитарка Маша, —
плакала. — Помнит кто
с передовой подружку?
Я между мин ползла,
а своего Ванюшку
вынести не смогла.
Мы целовались вместе,
а воевали врозь...
Лей! Я «махну» и «двести»,
а зубоскалить брось!
Вёл нас товарищ Сталин
к славному рубежу.
Лучшие ТАМ остались,
вот что я вам скажу...
Лучшие — там. В сраженьях
русский народ ослаб?
Но Родионов Женя,
воин и Божий раб,
перед бандитом с шеи
так и не снял креста,
жизнь положивши, смея
путь повторить Христа.

6

К Чёрному морю ликом
русский стоит солдат.

* «И сколько зарыто в ямах...» — строка из поэмы С.А. Есенина
«Анна Снегина».

Всяк, кто со злом и лихом,
ну-ка вертай назад!
Слева нагрянут орды —
выжгут всю степь дотла.
Справа — Европы морда,
помнит о ней скала.
Нож или камень в спину.
Кто там? Залётный вор?
Братская Украина,
древний славянский спор...
Вежлив солдат чрезмерно.
Между орущих толп
встал он, присяге верный,
несокрушимый столп.
Камни летят с обеих —
нет! — с четырёх сторон.
Русские? Значит, бей их,
в ствол загоняй патрон!
Русский себя погубит,
русский врага спасёт.
Кто нас таких полюбит?
Кто нас таких поймёт?
Прыгнуть на бомбу? Пофиг!
Спас! Обречённо стих.
Русского слова «подвиг»
нет в словарях других.
В небо, что нет синее,
смотрит герой из тьмы:
«Были враги сильнее,
но победили мы...»*

Между цивилизаций
тысячу лет стоим.
Терпим. Не ждём оваций.
Пост не отдать другим.

7

Звёзды горят. На Млечный
держим в ковчеге путь.
Все мы уйдём, конечно.
Русь остаётся пусть!

* «Были враги сильнее, Но победили мы...» — цитата из стихотворения Николая Рачкова.

Пусть паруса белеют —
ветер их в клочья рвёт.
Кто-то ведь уцелеет?
Кто-то ведь мир спасёт?

Я написал поэму.
Сын, закачай в планшет
чтобы однажды — в тему! —
вспомнить отца завет:
Родину не меняют,
веру не предают.
Русские это знают,
песни о том поют.
Жизнь — утоление жажды,
брызг океанских взвесь.
Счастлив я был однажды
с мамой твоею здесь.
Память об этом свята.
Спор бестолков с судьбой.
Горькая та утрата
нас обожгла с тобой...
Шторм не один изведав,
помним спасенья для —
кровью отцов и дедов
полита вся земля.
И потому — святая —
в звёздных огнях, в дыму.
Сын, я с тобой мечтаю
вновь побывать в Крыму.
Выйдем на берег, скажем
миру всему в упор:
— Чёрное море — наше!
Всё остальное — вздор.

г. Набережные Челны

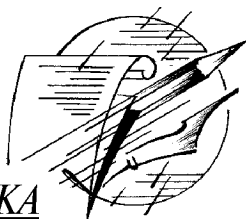
ДАГЕСТАН РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Дни Белых журавлей

Фестиваль «Дни Белых журавлей» проходил в этом году с 6 по 11 сентября. Мероприятия традиционно состоялись в Махачкале, Москве, Дербенте, Гунибе, на родине Расула Гамзатова — в селении Цада, в целом по всему Дагестану. Для участия в фестивале республику посетили около пятидесяти писателей и других деятелей культуры из разных регионов России, а также из Азербайджана, Белоруссии, Италии, Палестины, Турции, Узбекистана и Донецкой Народной Республики.

Запредельная птичья высота, на которой летают белые журавли Расула Гамзатова, поражает простотой и ясностью, кристальной человеческой чистотой. Близкое небо, отражённое в водах горной реки, белые родовые дома, малахитовые склоны с узкими тропинками, женщина с сединой, вплетённой в чёрную косу, подобно жертвенной ленте на святом дереве жизни.

Расулу Гамзатову неведомо разделение на свой язык и чужой, он находится вне этих пределов, ему знаком лишь один язык — поэтический. Обозначая

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

собственную позицию — переводчика и автора стихотворений, которые переводились на другие языки, Гамзатов говорил: «Есть границы между языками, но нет границ между сердцами». Поэтическая речь в состоянии до её разделения на национальные языки, обращённая к общечеловеческим ценностям и категориям Добра, Мира, Семьи, призванная не разделять, а объединять людей, — вот бесконечно близкий и родной для Гамзатова язык.

Поэзия как высшая форма владения словом характерна для языка, она выступает универсальным концентратом для передачи смыслов и значений. Но возможно ли передать национальный колорит, полно отразить особенности мышления народа, традиции, понятия, которые не существуют в одном языке, но органичны для другого? Вероятно, да, если возможно себе представить некое идеальное двуязычие. Расула Гамзатова как поэта в полной мере можно считать двуязычным: я имею в виду прежде всего его виртуозное владение национальным языком (человеческим) и поэтическим, данным свыше.

Это двуязычие, чутко услышанное переводчиками — Наумом Гребневым и Яковом Козловским, — позволило перевести Гамзатова на русский. Человечность и миротворчество — вот основные лирические темы, которые позволили в поэтическом языковом лоне объединить русский и аварский языки, тем самым показывая всеохватную ценность Родины, дружбы, любви, семьи, вне зависимости от национальной принадлежности.

Дом, который построил Расул

На самом деле, знаменитый дом поэта на проспекте Расула Гамзатова, 68, почти сразу ставший настоящей литературной Меккой, построил не Расул Гамзатов, а архитектор Абдулла Ахмедов, которому была присуждена Государственная премия СССР за строительство Ашхабадской библиотеки. Гамзатов агитировал архитектора переехать в Махачкалу, тот отказался, но согласился построить поэтический дом.

Поэт говорил так: «Дом не я строил, я дал средства. Строительство дома — это заслуга моей Патимат». По архитектуре дом напоминает традиционное жилище горцев — саклю. У Расула Гамзатова есть даже стихотворение, посвящённое архитектору: «Мой друг, Ахмедов Абдула, построй мне саклю городскую. И, если я в ней затоскую, пусть будет грусть моя светла...»

8 сентября 2018 года аварскому поэту Расулу Гамзатову исполнилось 95 лет. Я намеренно пишу «исполнилось», а не

«исполнилось бы», повинуюсь негласному поэтическому закону, согласно которому поэты не умирают, а «превращаются в многоточия». Дом поэта красного кирпича, к нему ведёт недлинная тенистая аллея, по бокам деревянные скамьи. Позже, когда я выйду из дома после праздничного обеда и сяду на одну из них, ко мне подойдёт Мурад Ахмедов (поэт, сын председателя правления Союза писателей Республики Дагестан) и скажет, что я интуитивно села на место, где любил сидеть при жизни Расул Гамзатов. Но не будем забегать вперёд...

Шумною толпою входят литераторы во двор поэтической Мекки в день рождения Расула Гамзатова. Председатель Союза писателей России Николай Иванов в синем строгом костюме (позже дочь Расула Гамзатова Салихат позволит ему взять на литературную память морской камешек с клумбы), председатель Союза писателей Республики Дагестан Магомед Ахмедов, первый секретарь СП России, поэт Геннадий Иванов, главный редактор журнала «Молодая гвардия», поэт Валерий Хатюшин и другие.

Во времена Расула в доме поэта (и в последнем доме, и в предыдущем) перебивало невероятное количество известных людей. Из зарубежных гостей был Ахмад Фаиз Ахмад, выдающийся пакистанский поэт. Из советских деятелей: Александр Твардовский, Василий Гроссман, Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Давид Кугультинов, Наби Хазри, Иракий и Григол Абашидзе, Мирзо Турсун-заде, Наум Гребнев, Яков Козловский, Семён Липкин, Александр Крон, Владимир Солоухин, Сергей Михалков. В доме Гамзатова пел Иосиф Кобзон, играли на фортепиано Оскар Фельцман и Ян Френкель. Иногда в гости к поэту приходили даже без приглашения, многих он, конечно, пригласал, но порою случались и курьёзы. Политические деятели и деятели культуры, посещавшие Махачкалу, считали своим долгом прийти в гости к выдающемуся аварцу.

Расул Гамзатов всегда был открыт просьбам. «К чести Гамзатова, он помогал почти всем, кому удавалось добраться до него», — говорили о нём так даже недоброжелатели. Если он мог помочь, спасти от чего угодно, выручить, проявить участие, он это непременно делал. Расул всегда брался решать любые самые сложные вопросы, это такая очень аварская горская черта. Эта преемственность есть и в Салихат (в переводе с арабского имя обозначает «благая, праведная, добрая»). Салихат — младшая дочь поэта, сегодняшняя хозяйка поэтического дома, единственная из трёх дочерей, живущая в Махачкале.

В доме поэта гостей встречает Салихат Гамзатова. Про нее разговор особый. Салихат несёт радостное бремя быть хозяйкой мероприятий, посвящённых её отцу. Это её предисловие открывает сборник «Завещание», в котором собраны лучшие тексты Расула Гамзатова. Этот сборник с её пожеланиями получили все гости дома в день рождения поэта. Также Салихат продолжательница дела своей матери, Патимат Гамзатовой.

С 1964 года по 2000 год Патимат Гамзатова была директором Дагестанского музея изобразительных искусств, в период её руководства количество экспонатов выросло с 200 до 14 тысяч. Музей обрёл богатейшую коллекцию и известность во всём мире. С 2000 года после смерти матери по сегодняшнее время директором музея является Салихат Гамзатова.

В Дагестане никого не удивишь щедростью и умением принимать в доме гостей, но Салихат удалось взять самую высокую ноту гостеприимства. Стол ломится от русских и национальных яств — от салата «Оливье» до традиционных в Дагестане «Чуду» и «Курзе».

У Салихат удивительное чувство юмора, качество, которое она унаследовала от отца. Она умеет шутить и много и остро шутит. На вечере в Театре Поэзии, когда ей вручали медаль, она без пафоса сказала: «Я так много времени провожу в писательской среде, что теперь мне стали вручать писательские награды». Зал взорвался аплодисментами. Сказала она это так просто и открыто, что женщина из второго ряда, сидевшая за мной, ахнула и прошептала: «Какая она у нас молодец! Умеет искромётно пошутить и сбить пафос!»

Из воспоминаний Салихат об отце: «Я не могу сказать, что как отец он был со мною каким-то иным, чем с другими людьми. В моём представлении папа ассоциировался с солнцем, которое светит всем одинаково ярко, может быть, зимой, кажется, слабее, а летом жарче, но не разделяя людей. В моей памяти осталась особая любовь папы к людям. А это чувство было действительно удивительным. Думаю, это чувство породило и ответный эффект, поэтому в юности мне казалось, что все люди такие — яркие, добрые, необыкновенные. Да и потом обаяние папиной личности во многом не давало мне замечать недостатки, негативные качества людей, с которыми приходилось, наверное, сталкиваться всем. Рядом с ним все были приятными, настроенными на добрый лад, настроенными увидеть что-то очень хорошее — и это чувство всегда меняло людей, раскрывало их лучшие стороны».

Расул Гамзатов похоронен на старом мусульманском кладбище на горе Тарки-Тау рядом с могилой своей супруги Патимат Гамзатовой. На склоне этой горы в день 80-летия со дня рождения народного поэта был заложен памятный камень на месте возведения мемориального комплекса «Белые журавли». Патимат Гамзатова умерла в 2000 году, поэт в 2003.

Поэт тяжело переживал потерю любимой жены, его здоровье стремительно ухудшилось, это был траур сердца. В Дагестане мужчина, который скорбит о потере родного человека, перестаёт бриться. Есть знаменитое фото Расула Гамзатова, на котором он предстаёт в образе седобородого старца, оно было сделано как раз в тот период, когда поэт овдовел.

В семье Гамзатова было, как минимум, четыре женщины по имени Патимат: жена, сестра, дочь и тёща. Поэт в шутку называл себя «доктором патиматических наук». Главной женщиной его жизни, конечно, была жена, его бессменная муза. Средняя дочь поэта Патимат вспоминает, что отец очень не любил расстраивать мать, старался её оберегать, делал всё так, чтобы она была довольна им. Жена была младше Расула Гамзатова на восемь лет, знакомы были с детства, Расул часто присматривал за маленькой Патимат.

Дочь поэта Патимат вспоминает, что отец с матерью были очень разными по темпераменту, но идеально подходили друг другу: «Мама была очень организованным человеком, очень ответственным. А папа был не таким ответственным и не таким организованным. Он был творческим, поэтическим, в какие-то моменты даже сумбурным. Они друг друга очень хорошо дополняли. Многие люди, которые знали моего отца, восхищались им, а потом, когда узнавали маму, уже восхищались мамой!»

Театр Поэзии

У дагестанцев удивительное отношение к Расулу Гамзатову, как мне кажется, ровно так же русские люди относятся к Пушкину, используют такие слова, как «всё», «солнце», «первый», «единственный». Недаром на фасаде Театра Поэзии в Махачкале написано «От Пушкина до Гамзатова», а во дворе стоят два памятника — Александру и Расулу. Театр поэзии — самый молодой театр Республики Дагестан, призванный привлечь внимание к литературе и возродить традиции поэтического исполнительства.

Театр Поэзии — явление уникальное, лично я только мечтать могу, чтобы подобное место появилось в родном для ме-

ня Донецке. Театр Поэзии — такой один на всём постсоветском пространстве. Он был создан по инициативе Рамазана Абдулатипова, открылся 26 июля 2015 года в День конституции Республики Дагестан.

8 сентября в день рождения Расула Гамзатова в театре выступали поэты на русском и национальных языках, речь их текла рекою. Знаете, в поэзии всегда так, на каком бы языке ни писал поэт, поэзия уравнивает языки, любой язык начинает звучать мелодично.

Аварская поэзия

Расул Гамзатов писал стихи только на аварском языке. Русский язык для поэта был выходом в глобальное пространство. Когда распался Советский Союз, Расул Гамзатов сокрушённо сказал, что ощутил, будто снова стал поэтом одного аула. Аварская поэзия лишена рифм, она ритмическая, но не рифмованная, то есть стихосложение на аварском языке силлабическое. Сам строй аварского языка другой, много гортанных звуков. Стихи на аварском — это песни, их легко можно пропеть.

Расула Гамзатова можно назвать и поэтом-первооткрывателем, и классиком дагестанской литературы при жизни. Аварские поэты-новаторы в последние годы ввели рифму, но многие дагестанские поэты всё так же слагают свои стихи в классическом стиле горской поэзии.

То, что поэзия Гамзатова стала широко известна русскоязычной публике, большая заслуга его переводчиков, ведь хороший перевод — это соавторство, это создание почти нового произведения по другим языковым законам, это больше перевод образов, а не слов.

История одного стихотворения

Самое знаменитое стихотворение Расула Гамзатова «Журавли». Тема журавлей была навеяна посещением в Хиросиме памятника японской девочке по имени Садако Сасаки, страдавшей от лейкемии после атомного взрыва.

Садако Сасаки надеялась, что вылечится, если сделает тысячу бумажных журавликов (оригами). В Азии существует поверье, что желание человека исполнится, если он сложит из цветной бумаги тысячу оригами.

Когда Гамзатов летел из Японии домой, в СССР, он думал о своей матери, весть о кончине которой пришла в Японию. Он также вспоминал старшего брата Магомед, погибшего

в боях под Севастополем, вспоминал другого старшего брата, без вести пропавшего военного моряка Ахильчи, вспоминал о других близких людях, погибших в Великую Отечественную войну.

«Не потому ли с кличем журавлиным от века речь аварская сходна?» — писал он в стихотворении «Журавли» в переводе Наума Гребнева. Эта фраза не вошла в итоговый вариант песни.

В 1968 году стихотворение «Журавли» в переводе Наума Гребнева было напечатано в журнале «Новый мир» и начиналось словами: «Мне кажется порою, что джигиты, с кровавых не пришедшие полей, в могилах братских не были зарыты, а превратились в белых журавлей».

Стихотворение «Журавли» прочёл Марк Бернес и позвонил поэту-переводчику и сказал, что хочет сделать песню. По телефону сразу же обсудили некоторые изменения в тексте будущей песни. В том числе Гребнев заменил слово «джигиты» на «солдаты». Расул Гамзатов вспоминал: «Вместе с переводчиком мы сочли пожелания певца справедливыми и вместо «джигиты» написали «солдаты». Это как бы расширило адрес песни, придало ей общечеловеческое звучание».

Сегодня песня «Журавли» на музыку Яна Френкеля — это негласный поэтический гимн всех тех, кто хочет почтить память павших на полях сражений любой войны. Так вышло, что песня «Журавли» стала последней песней в жизни Марка Бернеса, он записывал её тяжело больным, а через месяц после записи умер.

Поэт-миротворец

Расул Гамзатов в истории литературы был не только выдающимся национальным аварским поэтом, ему удалось большее: художественным словом, которое не знает границ — территориальных, национальных, языковых, — объединить сердца нескольких народов. Гамзатовская поэзия — это такая квинтэссенция восточной мудрости, честности и доброты, помноженная на ясные формулировки русского высококлассного перевода. Но гамзатовская поэзия — это не только поэзия, это ещё и вся жизнь гамзатовская, где во главу угла ставились доброта, сердечность, человеколюбие.

Мой отчим по национальности аварец, а по профессии учитель русского языка и литературы. У нас дома было Полное собрание сочинений Гамзатова, книги эти не просто стояли на полках, а были реальными его друзьями, любимыми друзьями. Отчим часто открывал томик стихотворений Гам-

затова (и на аварском, и на русском) и принадлежал к живому роднику родных языков. Говорил, что некоторые тексты шире и полней как раз на аварском, а не на русском, что идёт вразрез с утверждением Михаила Веллера, что Гамзатова сделали только лишь переводчики. Но Гамзатова «сделали» и отец, выдающийся поэт Гамзат Цадаса, и учёба в Литературном институте, и переводчики, и Дагестан, и сама жизнь.

Расул Гамзатов всегда занимал чётко выраженную миротворческую позицию. Как мне кажется, это единственно правильная позиция для поэта. Он стремился объединять, а не разъединять. И поэзией, и бытовыми поступками, и словами. Возможно, будь сейчас больше поэтов-миротворцев, а не тех, кто занимает только лишь одну сторону и не желает высидеть над ситуацией, многих конфликтов удалось бы избежать.

Конечно, время Расула Гамзатова было невероятно удачным для национальных поэтов. Советская система стремилась создавать национальных героев, людей, на которых хотелось равняться, это касалось всех сфер. От космоса до литературы. И, конечно, вопрос необходимости национального поэта, это вопрос, успешно решённый и на уровне Дагестана, и на уровне союзных республик СССР. С поэтами из других республик тоже активно работали переводчики. Более того, и Гребнев, и Козловский переводили и других дагестанских поэтов, но Поэтом с большой буквы в той системе координат смог стать только Расул Гамзатов.

И мы не можем не признать, что если сегодня родится новый аварский мальчик, который мог бы стать новым классиком, он вряд ли им станет в мире сегодняшнем. Потому что мы потеряли нашу старую школу перевода — вместе с Гамзатовым ушла эпоха и его талантливых переводчиков. И это наша огромная общая беда, потому что там, где есть Поэт, можно поднимать общую культуру страны, развивать традиции, подтягивать читателей к более высокому уровню восприятия.

Новое время

Мы только въехали в Дагестан, нас остановили на посту, поинтересовались, куда мы путь держим, я сказала, что на Дни Белых журавлей и спросила у человека в форме, что он думает про Расула Гамзатова, и он ответил: «Наш Расул — поэт. А ещё всем на свете кунак! Мой отец его знал». Пятнадцать лет прошло со дня смерти поэта, а довольно молодой и случайный человек в форме помнит и читает Гамзатова.

Или вот ещё случай. Я немного отстала на экскурсии в музее «Россия — моя история», ко мне подошёл охранник, указал путь, спросил, откуда я, узнал, что из Донецка, покачал головой сочувственно и спросил, не хочу ли я, чтобы он мне стихотворение прочёл. И прочёл! Наизусть и с выражением! Стихотворение Расула Гамзатова про море. Простой охранник в музее, не литератор и не научный сотрудник.

И всё это меня, конечно, поразило — отношение к поэту и человеку, любовь народа к своему голосу. И то, что исполняющий обязанности главы Республики Дагестан Владимир Васильев приехал на возложение цветов на могилу поэта в Тарки-Тау, ни на минуту не опоздав. И то, что министр культуры Зарема Бутаева была на всех мероприятиях, посвящённых Гамзатову, сидела вместе со всеми в зале и ниоткуда раньше времени не ушла.

В Дагестане не просто замечают своих поэтов, но ещё и любят. И жизни своей не мыслят без Расула Гамзатова и его поэтических строк. Здесь построили единственный на постсоветском пространстве Театр Поэзии, а не очередной торговый центр. И здесь каждый год празднуют Дни Белых журавлей и всматриваются в небо, если летит журавлиный клин, точно зная, что один из журавлей, по-птичьи окликающий всех, — аварский русский поэт Расул Гамзатов.

ХУДОЖНИК

РАССКАЗ

1

С грибками сей год благодать. Всю осень было их как насыпано. В местах посуше — «красники» подосиновики повсюду или «дорогие», белые по-городскому. Далеко ходить не надо: выскочила хозяйка из деревни на Чевакинские угоры с коробом-«нагрузкой», быстренько наломала «сколько мога» и обратно на домашнее обряжанье. Благодать форменная. А в местах, которые пониже да посырее — там, как и всегда, «мохорьки»-моховички, подберезовики, волнушки всякие...

Вся деревня в эту осень хаживала в леса, как в свои амбары, насолила-набочковала, насушила грибов на всю зиму.

Выдался год!

А сейчас вот октябрь. Середка осени. Начались уже «утренники» с тонкими ледышками на лесных лужицах. Частенько ранними утрами идет-бредет по лесу промозглая, хрупкая, сверкающая стылость. Рассыпает тонкое серебро на хвою и на ветви деревьев, совсем недавно подрастерявших обильные золотые кроны.

Нестор Кириллович Квасников, старый колхозник, вышел из леса на

ПРОЗА

опушку, утыканную редким молодым осинником, не до конца сбросившим ярко-красные свои листья. Вышел и залюбовался: молодые деревца были похожи сейчас на девочек-подростков в цветастых, прозрачных платьицах, выбежавших на полянку и пустившихся в веселый хоровод.

— Эх, вы, красотки каки, — проговорил он с немалым восхищением, — надо же!

Держал он в руках небольшую корзинку, наполовину заполненную грибами. Больше собрать сегодня не смог: что поделаешь — осень. И хоть знает он прекрасно: когда «утренники» пошли — какие могут быть грибы? Все, кончился сезон! Ан, нет, тянет в лес и тянет. Последние денечки ухватить, на «последыши» попасть, остатние, стало быть, грибочки.

Весь фокус в том и заключается: для всей деревни с первыми заморозками нет больше никаких грибов — замерзла грибница. Только местами скособочились над землей промерзшие, полуупавшие, вялые мухоморы. Но, опять же, это всё для неумелых, неопытных людей, а для него, старого грибника, лес-батюшка всегда уж подарочек приготовит. Вот и сейчас, хоть полкорзинки, но несет домой. Последних в этом сезоне белых грибочков. Будет опять им с бабушкой Степанидой сытная жарёха. Знает Нестор Кириллович в лесу потаенные местечки. Прячутся они меж высоких и густых елок, которые, как теплыми шубами, до поры заслоняют грибы от первых заморозков.

В корзине его грибы уложены аккуратно: шляпки отдельно от ножек — всегда у него так, чтобы экономить в корзине место. Да и красивее такая укладка выглядит, Квасников очень заботился, чтобы было красивее.

После ходьбы по лесу старые ноги устали, и он присел на бугорок, маленько отдышался. И тут увидел еще одно диводивное: перед ним летала бабочка.

— Откуда ето? Морозы бьют уж, а она летат! Погляньте, люди, на чудо тако!

В самом деле, все бабочки, комары-мухи спят давно уж в трещинках лесин, да под их корой, а эта разлеталась!

Белая бабочка резвилась, словно в летнем раздолье. Будто листик ослепительно-белой бумаги кружился среди осеннего буйства красок, взмывала вверх, падала вниз под кроны ветвей, снова взлетала... Летала и не садилась, потом умчалась куда-то...

Квасников, изумленный, очарованный неожиданной невидалью, постоял минуту с зажмуренными глазами. Кто-то послал ему эту радость — последний привет от ушедшего лета.

Брел он домой еле-еле. С великим трудом переваливал ноги:

сегодня натрудил он их изрядно. Да еще эта осенняя размытость... Почва — словно вспученная грязь. Ноги вязнут, проседают в ней и заплетаются.

Стар он стал выхаживать по лесам-полям. А в лес все равно милосердно тянет — в нём вся красота земли в любой сезон. А уж сейчас!

Перед зимой, перед холодами лес стоит спокойно и твердо, стоит, как воин перед решающим боем — торжественно и величаво. Он знает, что умрет на несколько месяцев, но это несколько не страшит воина, не рушит его духа. Он все равно выйдет победителем в вечной битве с превратностями зимы. Лес умрет красиво, и желто-красные не опавшие листья берез и осин, яркие не до конца растрепленные птицами кисти ягод на рябинах будут до самой весны украшать увядший лес.

На эти перемены пейзажей, на бесконечное, из года в год повторяющееся чередование красок природы Нестор Кириллович мог бы глядеть вечно. Его до слёз, до внутреннего ликования умиляло то, как по-разному выглядят в разные времена года одни и те же места. Встанет он после зимы перед Текусьиной горкой, что возвышается над низким березняком между двух Частых озер, и глядит, не может оторваться. Только что, в зиму, смотрелась она, будто чья-то лысая головушка с негустой боковиной голых березок да чахлах кустиков. А по весне будто раскидала по ней природа-матушка веселые брызги ранней зелени, и стоит гора в нежных нарядах, в цветастых платьицах, словно юная девушка красуется перед милым пареньком в своих девичьих прелестях.

— Эко ты, надо же, краса ты моя! — скажет дед Нестор и всякий раз прослезится.

Потихоньку, со старческим кряхтением, с постаныванием выбрался он из прилесков, вышел на Ржишный угор. Там остановился над земляным выворотком, покрытым жухлой от прилетавших с моря первых, по-настоящему холодных осенних ветров пожелтевшей травой, грузно на него присел. Сидел какое-то время неподвижно, опираясь на старинную, выгнутую временем, отшлифованную его руками палочку.

Ушла потихоньку одышка, маленько успокоилось уставшее от долгой ходьбы сердце, и старик оглядел с высоты угора привычные, с детства до последней нутряной клеточки знакомые места.

Вокруг праздновала свое царство середина осени с прохладным ветерком, с летящими на него с морской стороны рваными серыми облаками, с низко расположенным в небе блеклым солнцем, кувыркающимся с юго-западной стороны в редких просветах.

Прямо под ним длинной и широкой серо-белой, тускловатой полосой распростерлись шиферные крыши деревенских домов. Дальше, уходя к еле видимой размытой сыростью черте горизонта, лежало огромное морское пространство, по которому бежали бесформенные тени облаков и вспыхивали маленькие пенистые верхушки рассыпающихся от ветра волн.

На эту старую, такую же древнюю, как и он сам, картину, Нестор Кириллович мог бы смотреть часами. Он любовался ею с детства, она притягивала, завораживала его безграничной своей силушкой, вольной волюшкой, невозможностью противостоять ей никому и никогда. С самых первых минут осознания самого себя понимал он: вот она, красота! Она вот такая — дикая, никому не подчиняющаяся, совершенная... Всегда разная, нарисованная разными красками, но всегда будоражащая душу, величественная.

Размышлять о красоте ему нравилось, потому что был старый Нестор с самой ранней своей поры художником — уж таким родился он, и всегда, всю жизнь волновали его сердце разные проявления красоты.

Идти домой не очень-то и хотелось, но надо было идти. Ждали дома какие-никакие дела-заботы, да и зябко здесь, на угоре: залатанный брезентовый плащишко и нетолстый свитерок насквозь продувал морской ветер, набравший над деревней силу.

Осень...

И с трудом передвигая натруженные за день старые ноги, Нестор Кириллович заспускался в деревню.

2

До крылечка добрел еле-еле. Грузно плюхнулся на первую ступеньку, откинулся и замер с закрытыми глазами, глубоко дыша. Тяжело достался ему сегодняшний поход, как никогда тяжело. Сидел так и тихонько постанывал с полуоткрытым ртом, с обвисшими щеками.

«Вот она, старость, как стукнула», — подумал он обреченно.

Подняться, чтобы зайти в дом, он не мог. Тут и нашла его жена — бабушка Степанида. И зашумела:

— Погляньте вы на его, люди добры! Посиживат! А я стара старуха ишши ево! Бежать уж хотела искать, а куды бежать и не знаю. В каку сторону? Умильнул, не сказавшись, окаянной!

Присела рядышком, посидела, как будто успокоилась.

— Ладноть, нашелси, дак и слава те, Осподи... Путаник извечной...

— Где-где, здесь я, где ишше бывать мне, — негромко, с усилием разделяя слова, произнес ее супруг.

— Ак, с утра-та на давленье кивал, всяко я уж подумала, можа, сидит дедко-то под кокоринной какой, бездвиженной, лапами шевелнуть не можёт, меня поджидат... На всяко подумашь...

— Дошел я, бабка, дошел, — шевелил губами Нестор, — теперя у тебя опеть...

— Не, кончилось мое терпеньичо, боле не отпущу некуды окаянного. Всё ему нать боле всех. Куды с грибками-то? Все палагушки уж полны... Снег завалит скоро, а он всё в лес пехаичче...

Она ехидно глянула сверху на полупустую корзинку:

— Лишь бы от бабки от своей в лес умилннуть! Надо было ему, старичку, из-за етого-то места по кочерыгам дрыгать.

Вот так немилосердно-дружелюбно костья своего мужа, наконец разглядела Степанида, что он какой-то не такой сегодня, что совсем он плох. Она маленько потрясла его за плечо и нерешительно сказала:

— Дак, ты ето, Нестя, чево домой-то не заходишь? У мяя супу наварено, да рыбка свежа...

Но муж ее только покачался слегка туловищем взад-вперед и выговорил как-то тихо, тяжело, утробно:

— Ты, бабка, спомоги-ко мне стать на кокорины мои, не могу сам-то чегой-то я...

Сообразила бабушка Степанида, что старику ее совсем уж худо сегодня, что помощь ему требуется основательная... Скорёхонько подседа она к нему, прижалась бочком, положила ослабевшую его правую руку себе на правое плечо и взялась командовать:

— Ну дак и давай-ко, дедушко, подпрыгнем давай вместе-то...

И стала подниматься, удерживая его руку на своем плече. Но дед был словно куль с картошкой, неподвижный и тяжеленный. Не помогал ей совсем. Только пыхтел да бормотал чего-то, непонятно чего.

Посидели они, посидели запыхавшиеся, изнемогшие. Степанида встревожилась и расстроилась, но виду не подавала.

— Ну-кось, дедушко, давай-ко ишше разок подпрыгни, да за меня держись. Скочим чичас, да и побежим!

Не вскочил дедушко и не побежал и во второй, и в третий раз. Степанида задумалась: чего делать-то? Обездвижил ее старый муж. Что-то серьезное случилось с ним. Надо искать выход: доволочь надо хоть до кровати, а там, может, отлежится, да и поправится... Не впервой хворобушка насила.

Она вдруг распласталась поперек ступеней, приказала:

— А ну-кось, залезай мне на спину, повезу тебя до кровати твоей. Хватит уж сидеть-рассеживать!

Нестор Кириллович с кряхтением и стонами повернулся на бок, долго и тяжело преодолевал разделяющие их полметра.

— Старенькой ты, старенькой стал, забыл, как на бабу залезать требуичче, — язвила жена. Наконец упал он поперек спины старой своей супруги.

И бабушка Степанида, неся на себе совсем не маленькое тело деда Нестора, поползла наверх, на оставшиеся три ступеньки крылечка. Тяжеловато дались они ей, и когда преодолела их непомерную высоту, некоторое время лежала пластом, не в силах пошевелиться. Отдышивалась.

Потом она долго, с остановками на передых, ползла к кровати. Дед ее вяло перебирал по полу руками, пошевеливал ногами — помогал как мог. И, сказать честно, помощи от этих его шевелений не было никакой. Силы совсем оставили его.

Добравшись до кровати, она выползла из-под супруга, оставив его лежать ничком на полу, разобрала постель, застелила чистые простыни... Присела на табуреточку, что стояла в углу, затихла. Ей нужно было время, чтобы хоть маленько успокоить зашедшее в стукотке сердце, понять для себя самой: что же делать дальше? Спросила мужа:

— Можешь, нет сам-то лечь?

Нестор Кириллович еле-еле качнул отрицательно головой: сам залезть на кровать он бы не смог.

А Степанида как-то бойко встрепенулась, соскочила с табуреточки, махнула старческой ручкой и, как о пустяшном деле, сказала:

— Ну дак раздышалась я кабуди, слава те Господи! Да мы чичас всё и сделам, всяко уж бывает, положим тебя, Несте-рушко. Поло-ожим!

Кое-как, с невероятным трудом, напрягая все старушечьи силы, она сначала усадила старика на полу, развернула сидячего лицом к кровати и поочередно, одну за другой выставила вперед его руки, положила их на кровать. Сказала:

— Спомогай-ко мне, Нестя, сколько сила берет.

Подхватила сзади за обе подмышки и стала рывками за-таскивать тело на кровать. Сильно она устала, но не сдавалась. Ногами при этом передвигала ноги деда так, чтобы коленями он мог упираться в пол. Получалось. На половине этой неимоверно тяжелой работы она изнемогла совсем и упала на постель лицом вниз. Легла на руки мужа, чтобы тот не сползал вниз. На какое-то время потеряла сознание.

Придя в себя, она встала ногами на пол, крепко обхватила руками тело супруга и несколькими сильными рывками забросила его на кровать. Степанида была старой поморкой, а поморки в трудную минуту борются до конца.

С лежащего на кровати бездвиженного мужа она стянула одежду, надела свежее белье, рубаху... Распростерла Нестора вдоль кровати, положила под голову перьевую подушку, накрыла одеялом... Обрядила. Положила голову ему на грудь и, глядя в лицо, сказала:

— Ты уж Нестерко, не пужай ты меня. Я без тебя и недельки не проживу, ты ведь знашь...

Нестор Кириллович глядел на нее широко открытыми глазами. По щекам текли благодарные слезы. Чего-то он шептал, непонятно чего...

3

Под вечер сил у Нестора Кирилловича как будто прибавилось. Начали у него руки понемногу шевелиться, ноги тоже потихоньку заходили.

«Дак, и хорошо это, — думалось старику, — можа, ишше потрушу ножонками по бережку».

Пришла с кухни в самый раз Степанида, принесла кастрюльку с горячей ухой, стала кормить с ложечки.

— Вот и хорошо, и распрекрасно, — выговаривала она, — заоживал дедушко-то мой, заочухивалсе, слава те Осподи.

А тот ничего не мог сказать, потому что проглатывал горячую уху, тяжело и медленно шевелил губами и благодарно искоса глядел на свою жёнушку, старую верную подругу.

Она ушла, и дед Нестор долго лежал на спине, размышляя, что же такое с ним приключилось? Просто продуло осенним холодным «встоком» — морским ветром? И от этого задеревенели старые косточки? Вряд ли, такого раньше с ним не случилось, хотя простуда, как близкая родственница, живет всегда рядом с любимым помором. К ней он привык за жизнь свою. И в ледяной воде булькался, и в снегу замерзал. Он слишком хорошо изучил горячее мертвящее дыхание этой прилипчивой ледяной тетки. Нет, не она это, не она... Тогда какая неведомая раньше напасть пришла к нему сегодня? Которая в одну минуту обездвижела, парализовала тело, поставила на карачки его, как ему казалось, вполне кряжистого еще старика...

И вот опять... Необычайно быстро начали вдруг застывать ноги, страсть как холодно стало ногам. Да и руки вон тоже заледенели...

До Нестора Кирилловича дошло: это смертушка идет к нему, ноги студит. Она, окаянная! Может, рядом уж где-то...

Новость эта, нежданная, внезапная, роковая, будто холодёнка из морозной кадки окатила всё тело, обожгла все внутренности, прошлась по всем кишочкам. И сердце вдруг среагировало, стало стучать неровно, гулко, с перебоями.

«Эко ты, беда кака! Чего оно тако со мной?»

Он полежал с этой мыслью в голове, ошарашенный, оробевший. Лежал с вытаращенными глазами, уставившись в потолок.

«Как же ето? — размышлял Квасников лихорадочно. — Брёвна у меня с заплестка не выкатаны, в штабель не прибраны. Дрова не наколоты на зиму, в костры не складены. Бабка-та, как она одна-та? Сила у ей не заберет, у бабушки... От ты, беда-та, беда-та... Дела не переделаны...»

Мысли у встревоженного старика метались, словно сухие листья в лесной круговерти на шквальном ветру.

4

Он с детства был художником и всегда стремился к красоте. Пятилетним ребенком находил где-нибудь уголек и рисовал на стенах деревенских домов птичек, пароходики, солнышко... Деревенские обитатели удивлялись его явному таланту и просили:

— Ну-ко, Нестерушко, и на нашем доме карбасок нарисуй.

И он рисовал.

Мальчишку интересовало небо и облака. Иногда шел он по деревенской улице с задраным сверху подбородком, внимательно что-то выглядывал там, наверху. Потом вдруг ложился на обочинку, на травку лицом кверху и глядел куда-то, глядел, высматривал что-то, только им увиденное.

— Да, чего там видишь-то, парнишко? — интересовались люди и тоже поднимали к небу лицо, но только вот не видели там ничего примечательного.

— Да вон же слоник идет к озеру, разве не видно?

Но местное население не могло разглядеть в небе слоника, как ни старалось.

Больше всего маленький Нестор любил вставать рано утром, выбегать на морской берег и глядеть, как на горизонте посреди розово-голубого неба и розово-голубой воды вылезает на белый свет совершенно красное солнышко, как от новых красок меняют свой цвет облака. Как от солнышка прямо к нему бежит и бежит солнечная дорожка, рассыпанная на миллиарды ослепительно ярких искорок...

Вечером, когда ложился спать, всегда просил свою маму:

— Разбуди-ко меня солнышко поглянуть.

И она всегда будила его ко времени.

К двенадцати годам начал он украшать деревенские дома. Понял: деревенские срубы, сереющие и чернеющие со временем, придают деревне унылый вид. Дома должны быть цветными и радовать глаз.

Начал со своего дома. Крупным планом нарисовал на листе бумаги его фасад, таким, каким он ему представлялся: узорные наличники на окнах и на входной двери, фигурный конек. По бокам крыльца нарисовал перила с точеными, замысловатыми балясинами. Понёс показывать отцу. Тот на берегу палил костер, кипятил смолу, чтобы замазать стыки в обшивке карбаса — начал он протекать. Увидел рисунок собственного дома с резными, фигурными наличниками, весь в кружевных орнаментах, ажурных узорах, в кокошниках — и чуть с бревна не упал.

— Нестерко, штё ето тако?

— Дом ето наш, чего ишшо!

— Да, ети-то причуды поштё тутогде?

— Да, красивше ведь так, папа. Красивше ведь!

Отец вдруг задумался, потом сунул ему в руки замызганную длинную деревянную ложку, которой мешал в котле смолу и сказал:

— Помешай-ко малось, а я тут погляю.

И усталился на рисунок.

Нестор разбулькивал в котле смолу и думал: ну всё, бросит сейчас бумагу в огонь, но отец вдруг заулыбался:

— А штё, сынок, занятно ты тутогде начеркал.

Потом уселся рядом с Нестором, раздымил чигарку и с довольным лицом, задумчиво произнес:

— Многодельно оно дело-то, а чего бы и не попробовать.

Он покашлял от крепкой табачины и высказал окончательный приговор:

— Занятно оно, дело-то, порато занятно.

Отец осторожно вчетверо свернул листок и сунул в нагрудный карман. А когда потом промазывал карбасок, шумно вдыхал любимый всеми терпко-сладкий смоляной дух, как-то лукаво поглядывал на сына:

— Ну вот и надо же, — приговаривал он. — Надо же! Чё из тебя вылезат-то!

Потом, через пару дней, он выпросил в колхозе несколько досок, разложил их на повети и позвал Нестора.

— Нарисуй-ко, Несторко, кривляшки ети, как их, наличники. Надо бы попробовать, приглянулись оне мне, едри их...

Долго он возился с ними, с «кривляшками»: наличниками узорными, коньком ажурным, с разными фигуристыми деревяшками... Выпиливал, бурчал чего-то на повети... Сделал всё, украсил свой дом. И вот потянулась вся деревня к ним, посмотреть на новые красоты-чудеса. И глядели и разглядывали, шмыгали носами, цокали языками... Нахвалявали.

А отец закатывал глаза и говаривал:

— А чего это я? Не я это, а Нестерко мой удумал.

Надо ему было гордость за сына своего, за Нестора выказать. За художника!

А народу чего? Народу только дай затравку... Стали течь односельчане к парнишке.

— Нарисуй и мне. И мне тоже! А мне, чтобы полотеньчишко резно с крендельками с конька весилось.

Женочки требовали узорных кокошников над окошками, «да штёбы столбы росписны на воротах стояли». В общем, прибавилось у парня работы. И не зря: через год деревню было уже не узнать. Из города специалисты всякие наезжать стали. Всё ходили они по деревне, разглядывали дома, срисовывали деревянный ажур, нахваливали Нестора... Приглашали его в город на какие-то совещания, только не хотелось ему никуда ездить, да и отец с матерью не отпускали из дома. Говорили: «Потеряиссе ишшо в городи-то. Али цыганы уташат куда...»

Приходили люди из окрестных деревень. Тоже перенимали опыт, также перерисовывали творения мальчика Нести. Невольно он создал новую моду, которая прошла перед войной по целому краю. Широко разнеслась слава о мальчишке-художнике по поморским деревням.

Сельский совет, да и деревенский народ говорили ему: надо бы тебе учиться, парень. Большой толк может из тебя выйти. А Нестор ни в какую. Как и все, работал он в колхозе, рисовал плакаты, всякие там объявления, когда клуб попросит. Между делом оформил и сам клуб. Наглядная агитация, узнаваемые фигуры колхозников красовались теперь и внутри клуба, и снаружи его. На центральных местах колхозного правления, в сельсовете и в школе висели портреты классиков марксизма-ленинизма, товарищей Ленина и Сталина, а потом Хрущева и Брежнева. Народ предпочитал их официальным, присланным из города. Нестеровых вождей народ воспринимал лучше.

Летами между сенокосами и уборкой урожая «сидел» он на семужих и сельдяных тонях, рыбачил вместе со всеми и тоже рисовал. И весело было народу разглядывать рыбацкие избушки, в которых жил молодой рыбак Квасников. Наружные стены были изрисованы портретами председателя колхоза, сельсовета, местных мужиков и женочек. Идет мимо избушки карбасок под парусом, а на него глядит со стены Коротких Матвей Степанович, глава колхозного хозяйства, и строго шурит глаз. Как бы спрашивает: «А вот ты, рыбак, выполнил ли ты план рыбозаготовки?»

После этого рыбодобыча шла веселее.

Потом была война.

Нестор служил в минометной батарее пехотного полка. Протопал со своей частью от Псковских болот до Германии. Был сержантом, вторым и первым минометным номером. Всем известна непростая доля полкового минометчика. Где полк, там и он. А пехотный полк все время на переднем крае, все время в боях, в атаках, на линии огня.

В его батарее поубивало всех, с кем начинал службу, с кем дружил. А у него только два ранения. Один раз была контузия: тяжелым снарядным осколком по каске шарахнуло. Каску пробило, но до головы осколок не достал. Зато от страшного удара валялся в бессознательном состоянии около миномета полчаса. Его оттащили от прицела на метра четыре, и пока шел трудный бой, товарищи считали его убитым. А он стал вдруг шевелиться, пришел в себя и опять к прицелу. За тот бой получил «За отвагу» — самую уважаемую солдатскую медаль.

А в другой раз мясорубка была. Брали деревню. В атаках на пулеметы полполка погибло. Погнали в лобовую атаку и минометные расчеты — они стали бесполезны, когда начались рукопашные. Нестор бежал вместе со всеми. Строчили два немецких пулемета, которые выжили после наших артобстрелов. Кругом падали солдаты, а он бежал и стрелял.

Перед самой деревней пластались немецкие траншеи. Вот бежит Нестор, а из окопа в него целится толстая немецкая морда. Нестор видит, как немец нажимает спусковой крючок своего карабина, видит, как из ствола выплескивается вспышка огня...

Тогда боли в правом боку он не почувствовал, всё бежал и бежал к жирному тому немцу. Видел, как немец вновь поднимает свою винтовку, опять в него целится. На бегу он выстрелил в него, но, наверно, промазал. Это было на бегу...

Нестор нырнул под выстрел. Он бывал уже в атаках и знал, как надо нырять под летящую в тебя пулю. На этот раз она прошла ему всю шинель по всей длине спины, обожгла кожу...

Нестор добежал и тяжелым прикладом своего автомата со всей силы, со всей энергией своего бега ударил фашиста под каску, по его жирной морде. Даже услышал, как затрещали кости в откинувшейся безжизненно голове.

Он уже много убил немцев на этой войне из своего миномета. Но те падали от посылаемых им мин там, вдалеке. И он прекрасно видел, как они падали. Некоторые корчились потом на снегу, на земле от страшной предсмертной боли. Вид-

но, что страдали они. Но Нестору не жаль их было. Враг есть враг — чего его жалеть.

Но этого он убил слишком явно — ударом своего приклада в лицо, размозжив череп и, что называется, глядя в глаза... Нестору было не по себе. Убитый стоял перед ним... Впервые за всю войну ему стало жалко врага. Немец был уже в годах. Наверняка у него была семья, жена, дети... Жил в своей Германии, радовался солнышку. Что-то гнетущее засело в душе...

После боя вовсю болел раненый бок, у него плыло сознание от потерянной крови, уже бегали вокруг санитары, забирали его в медсанбат... А Нестор оторвался ото всех, силком оторвался и пришел к своему немцу. Сел перед ним, лежащим на бруствере пехотного окопа с вывернутой набок окровавленной головой, и стал с ним, мертвым, разговаривать:

— Зачем ты, дурья твоя башка, пришел-то сюды? Кто тебя просил? Посиживал бы дома со своей френел, да не выкуркивал. Не стретил бы меня, я бы и не кокнул тебя. А так вишь, чего вышло-то, едрена палка. Очень тебе хотелось сюды придти за смертушкой за своей...

Тут его и нашли санитары, уже обездвиженного, и увезли в медсанбат.

Пока пребывал он в военном госпитале после тяжелой операции по извлечению из правой части живота пули и санации кишечника, занавесил он все стены наглядной медицинской информацией, нарисовал портреты руководства госпиталя, всех врачей и медсестер, раненых бойцов... Особенно понравились всем написанные его рукой портреты товарища Сталина и товарища Берии, которые и впрямь получились как живые. Висели эти портреты в коридоре при входе в госпиталь, и начальник его капитан медицинской службы товарищ Масленникова с гордостью демонстрировала их высоким гостям и своему начальству. При этом всегда уточняла:

— Эти портреты написаны замечательным художником, коренным архангельским помором товарищем Квасниковым, героем Отечественной войны.

Раненого сержанта ни в какую не хотели выписывать, угаривали, чтобы остался в госпитале до конца войны в ранге выздоравливающего. Но Нестор почти силой удрал в свою часть.

6

Нестор Кириллович состоял в хозяйстве простым колхозником. Летом — рыбодобыча, прибрежный лов сёмги, селедки, нерпы. Ставил с напарниками семуужьи тайники, огром-

ные ставные сельдяные невода. Хаживал на рыбацких сейнерах в Баренцево, Северное моря, лавливал треску, пикшу, салаку, креветку..

Довелось работать в конюшне, где подружился с трудягами-конями. Там он понял, что лошади не хуже человека понимают человеческую речь, что они так же чувствительны к несправедливости, так же любят ласку, что они общительны и добры... И что лошади неизменно привязаны к людям.

Большой радостью считал сенокосы.

Там его встречал огромный, распахнутый к нему ковер, исполненный разноцветья, весь в миллиардах цветных пятен. Дурманили его нестерпимо ароматные, сочные запахи скошенной травы, настоянные волшебными духами самой природы.

Он любил сам ставить стога. Получались не уложенные копны сена, а совершенные создания человеческих рук. Будто вырастающие из земли идеально ровные формы, как бы прижатые снизу и всё утолщающиеся кверху. В его стогах не торчала ниоткуда хоть одна неряшливо уложенная сухая травинка. Они были красивы. Люди специально приходили любоваться.

Зато ни один его зарод не сторел от плохой укладки, от попавшей внутрь сырости, не сгнил долгими зимами. В его стога сырость не проникала при любых дождях.

7

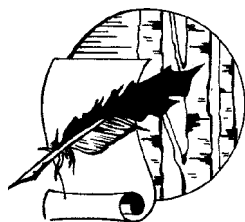
— Занемог ты, говорят, Кирилыч. Че с тобой тако?

Перед ним сидел на табуретке Серега Проскураков, колхозный председатель, и внимательно его разглядывал. Квасников был в самом деле плох, тяжелая бледность покрыла всё его лицо. Как говорят в таких случаях, был он безнадежно болен. Разговаривал с трудом, даже не разговаривал, а еле слышно вышёптывал слова, отрывисто и невнятно. Чтобы его понять, Проскуракову приходилось держать ухо у самых губ Нестора Кирилловича.

— Помираю я, Сергеюшко, — шептал Квасников, — капец настал...

— Ну, наверно, рано так говорить, — в дежурном порядке возражал председатель. — Ты ведь как конь у нас. Простыл манехо, дак и чего? С кем не бывает тако дело? Пролежиссе, да и в упряг опять...

Но Нестор Кириллович не пролежался.

Анастасия УСТИНОВА

Устинова Анастасия Валентиновна родилась в 1995 году в Оренбурге. Автор поэтического сборника «Я иду по солнечному лугу» (2013 г., Самара) и сборника рассказов «Эпоха по имени Люська» (2014 г., Санкт-Петербург). Печаталась в журналах «Русское эхо» (Самара), «Арина» (Нижний Новгород), «Наш современник» (Москва), «Траектория Творчества» (Калуга), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Молодёжная волна» (Самара), альманахе «Отчий Дом» (Новокуйбышевск), «Второй Санкт-Петербург», «Волга-21 век» и др. Лауреат премии «Чаша Бытия» альманаха «Гостиный Двор» для молодых поэтов. Член Союза писателей России. Живёт в Самаре.

ВОЛШЕБНАЯ ЮДОЛЬ

* * *

Листья наземь опадали,
Под ногой у нас шурша.
Мы тогда ещё не знали,
Что у листьев есть душа.

И шептались, и шуршали,
И, тоскуя о тепле,
Каждой жилкой припадали
К милой матушке-земле.

Только мать-земля не знала,
Как спасти от ветра их.
Жгучий ветер умоляла,
Чтоб скорее он затих.

Ну а ветер непокорный,
Не желая ей помочь,
Деловито и упорно
Гнал листву из парка прочь.

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокуренных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк,
За то, что ты не знал мои печали,
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

* * *

Ответь мне — неужели, неужели
Вокруг тебя намёка нет на свет?..
Ужель глаза, что светом пламенели,
Теперь погасли, словно пустоцвет?..

Ты в полдень не отбрасываешь тени...
А в полночь ты на горестной земле
Лежишь один, обняв свои колени
Ребёнком, кем-то брошенным во мгле.

Ты моего прощенья не чаешь,
Совсем один оставшись на земле...
...Но на исходе сумрачной печали
Я солнцем вспыхну на твоём челе.

* * *

Расскажи нам, кот Баюн,
Только без утаек,
Почему ты вечно юн —
Житель сказок-баек.

Вроде сиднем не сидишь,
Ходишь влево, вправо.
Но при этом дорожишь
Русскою державой.
Русской розни не избыть
Гневом трёхэтажным...
Научи в согласье жить
Россиян-сограждан.
То направо нас ведёт,
То несёт налево.
Режут слух который год
Чуждые напевы.
Сколько им ещё дурить
Города и веси...
Не пора ли заводить
Русской славы песни?

* * *

Жизнь мимо несётся, как бурный поток,
Разбитое сердце — разбитое чудо.
Никак не смириться, что мир так жесток,
В нём кровь как вода проливается всюду.

Побольше души да поменьше злодейств —
И сердце, и разум об этом мечтают.
Столкнувшись с барьером людских лицедейств,
Надежды на счастье безжалостно тают.

Врагам и друзьям все лукавства прощу,
Попав в западню бесполезного круга.
Но снова ошибки-вериги тащу
И твари последней готова стать другом.

Улыбчива и безмятежна на вид,
Пройду сквозь огонь, сквозь обман и увечья.
И снова душа в небеса воспарит.
Ведь что есть добро? — не душа ль человечья?..

ДВОЕ

Облюбовав для строк двадцатый век,
Не рассчитав по-богатырски силы,
Они гадали — что есть человек
В мятущейся растерзанной России.

Один прославил русскую деревню.
Другой лишь Революции был верен.
Один любил Россию, как царевну.
Другой в любви к России был умерен

Пусть кудри одного подобны злату.
Второй черноволос, горлан циничный.
На гениев Россия так богата,
Но судьбы их России безразличны.

Их было двое, двое слишком разных.
И в то же время двое, столь похожих.
Но образ той эпохи несуразной
Их волей и талантом подытожен.

* * *

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обростёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

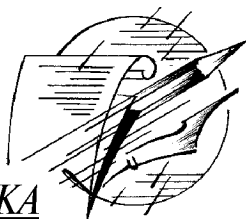
...А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьской метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод.
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

ТЕРАКТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Прошло 17 лет с того самого дня, с «Девять—Одиннадцать», когда в Нью-Йорке рухнули три небоскреба. Нет, я не ошибся. Не два, а именно три, но о третьем почему-то предпочитают не вспоминать. И когда третий самолет врезался в ремонтируемое крыло Пентагона, и странным образом почти самоуничтожился, а еще один упал в пустыне. И это далеко не все загадки случившейся трагедии.

Итак, утром 11 сентября 2001 года некими неизвестными были захвачены четыре самолета «Боинг» (два в Бостоне, один в Вашингтоне и еще один в Ньюарке), после чего первые два самолёта врезались в нью-йоркские небоскребы ВТЦ-1 и ВТЦ-2, третий — ударил в стену Пентагона, а четвертый — потерпел крушение неподалеку от Шенксвиля, штат Пенсильвания. Две башни ВТЦ, атакованные самолетами, в течение полутора часов вдруг весьма странным образом полностью разрушились, аккуратно сложившись внутрь. Также почему-то полностью и аккуратно разрушился и соседний небоскреб ВТЦ 7, хотя в него никакие самолеты не попадали.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Прошло всего несколько дней после «терактов», как была готова первая официальная версия всего случившегося и названы исполнители. Виноватым сразу же был назван Усама бен Ладен, руководивший этим действием из Афганистана, и, разумеется, его детище Аль-Каида. Также сразу были названы имена всех 19 угонщиков, которые, побросали вблизи аэропортов свои машины, в которых обнаружили Коран и инструкции на арабском языке «Как управлять самолетом», а в обломках самолетов нашли чудом сохранившиеся паспорта «террористов». Из этого следовало, что нужно срочно начинать бомбить Афганистан и вторгаться в Ирак.

Осенью 2002 года была создана специальная комиссия под громким названием «Национальная комиссия по террористическим атакам на Соединенные Штаты». Председательствовал в ней бывший губернатор Нью-Джерси Томас Кин. В комиссию вошли бывшие сотрудники ЦРУ, ФБР, Министерства юстиции и прочих правительственных учреждений. Руководил всеми действиями и ходом расследования Филип Зеликов, член администрации президента Буша-младшего, который работал еще и при Буше-старшем.

Окончательный вид официальная версия, указанная выше, приняла 22 июля 2004 года, когда вышеозначенная комиссия в составе 83 человек закончила отчет на 585 страницах. Отчет «Комиссии Кина» подтвердил вышеприведенную версию, которая и сейчас остается единственной и неопровержимой.

А теперь приведем некоторые факты, показывающие, как спецслужбы США умеют «расследовать» и получать нужные и заведомо объявленные результаты.

Сотовые телефоны

В официальном отчете утверждается, что вся информация из «Боинга», врезавшегося в небоскреб ВТЦ, была передана на землю по мобильным телефонам. В частности, бортпроводница Бетти Онг разговаривала 23 минуты, а бортпроводница Маделин Суини — 25 минут. Последние слова Суини были: «Я вижу воду! Я вижу здания!»

А теперь факт, про который «забыли» авторы официального отчета. В 2001 году звонки с сотового телефона из самолета, летящего на скорости более 700 км/час, были невозможны.

Дело в том, что при попадании телефона в область вещания базовой станции, или «соту», происходит так называемое «приветствие», которое в 2001 году занимало не менее восьми секунд. Система «приветствия» не была рассчитана

на движение со скоростью 700 км/ч и возможна при максимальной скорости в 150 км/ч. И только в 2004 году компания Qualcomm совместно с American Airlines разработала систему, которая с помощью спутника обеспечивает звонки по сотовым телефонам с борта самолета, на котором устанавливается специальная мобильная базовая станция. 15 июля 2004 года был совершен пробный запуск системы, после чего она начала функционировать.

Обман со скоростью

В официальном отчете «Комиссии Кина» приводится схема якобы движения рейса 175, врезавшегося в южную башню ВТЦ, согласно которой самолет преодолел финальный прямой участок от города Трентона до Нью-Йорка за четыре минуты.

А теперь факт: расстояние между Трентоном и Нью-Йорком по прямой составляет 85 километров. Для ровного счета можно даже считать его равным 80. Согласно официальным данным, самолет преодолел это расстояние за 4 минуты. Найдем среднюю скорость лайнера на данном участке: $V = 80 \text{ км} : 4 \text{ мин} = 20 \text{ км/мин} = 1200 \text{ км/ч}$. Получаем скорость звука.

Разумеется, Боинг-767 не был сверхзвуковым. В технических характеристиках Боинга-767-200 сказано, что его максимальная крейсерская скорость на высоте 12 км составляет 915 км/ч. И это только на высоте 12 000 метров, где плотность воздуха в пять раз ниже, чем на уровне моря, а лайнер влетел в здание на высоте нескольких сотен метров. В тех же технических характеристиках сказано, что максимально допустимая скорость Боинга-767-200, превысив которую самолет просто начнет разрушаться, составляет 0,86 скорости звука, то есть около 1000 км/ч. Поэтому, даже если бы самолет умудрился все-таки развить скорость звука, он бы рассыпался еще задолго до Манхэттена. То есть официальное расследование предлагает всем поверить в то, что невозможно чисто физически. Итак, еще одна ложь официального расследования.

«Близнецы» не могли самостоятельно разрушиться

Согласно официальному отчету стодесятиэтажный небоскреб ВТЦ-1 полностью разрушился через 1 час 42 минуты после удара самолета, а его близнец ВТЦ-2 — через 56 минут. Причина, разумеется, указана такая — удар и последующий пожар, произошедший после попадания «Боингов» в здания.

Но вот тут-то и появляются еще некоторые не менее удивительные факты.

Оказывается, «близнецы» были рассчитаны так, что кроме ветровой нагрузки могли выдержать лобовой удар Боинга-707, самого крупного в те годы пассажирского авиалайнера. В начале 1970-х годов Лесли Робертсон, строивший здания, просчитал эффект от столкновения Боинга-707 с башней ВТЦ. О результатах он сообщил в газету New York Times, утверждая, что башни выдержат удар лайнера, летящего со скоростью 960 км/ч, то есть, приняв на себя удар лайнера, небоскреб останется стоять, не подвергшись серьезным структурным разрушениям. Другими словами, центральный каркас и оставшийся стоять периметр выдержат дополнительную нагрузку, образовавшуюся за счет отсутствия снесенной части несущих конструкций. Именно с таким запасом прочности были построены «близнецы».

Фрэнк ДеМартини, один из руководителей проекта возведения ВТЦ, подтверждает эту мысль: здание спроектировано с таким расчетом, чтобы выдержать удар Боинга-707 с максимальной взлетной массой. Это был самый крупный самолет того времени. Я уверен, что здание выдержало бы даже несколько ударов самолетов, поскольку его структура напоминала частую сетку от комаров, а самолет — это как карандаш, который эту сетку протыкает и не оказывает влияния на структуру остальной ее части.

Пожар также не мог уничтожить небоскрёбы. Вот доказательства того, что официальный отчет снова врет:

Итак, здание ВТЦ-1 выдержало первый удар. Тем не менее в последующие полтора часа в результате пожара случилось нечто, спровоцировавшее обрушение башни. Кстати, это первый и единственный случай в мировой истории, когда небоскреб превращается фактически в груды руин в результате полтора-часового пожара — это если верить официальной версии.

В середине 1990 годов две британские фирмы — British Steel и Building Research Establishment — провели серию экспериментов в городе Кардингтон, чтобы выявить влияние пожаров на сооружения со стальным каркасом. На экспериментальной модели восьмиэтажного здания стальные конструкции не имели огнестойкой защиты. Несмотря на то, что температура балок из стали достигала 900 °С (!) при критически допустимом максимуме в 600 °С, ни в одном из шести экспериментов не произошло разрушений, хотя определенные деформации имели место.

В августе 2005 года Джон Холл из Национальной противопожарной ассоциации США опубликовал аналитический труд «Пожары в высотных сооружениях». В частности, в нем приводится статистика, согласно которой только в 2002 году

в высотных строениях произошло 7300 пожаров, многие из которых были очень интенсивными и продолжались в течение многих часов, успев поглотить при этом не один этаж. Несмотря на наличие жертв и значительный ущерб, ни один из этих пожаров не привел к обрушениям.

Если этого недостаточно, то вот еще несколько конкретных примеров наиболее сильных пожаров за последние десятилетия:

23 февраля 1991 года вспыхнул пожар в 38-этажном здании One Meridian Plaza в Филадельфии. Пожар начался на 22-м этаже, охватил 8 этажей и продолжался 18 часов. В результате этого пожара было выбито множество стекол, потрескался гранит и просели несущие стены. Тем не менее здание выстояло и ни одна его часть не обрушилась.

4 мая 1988 года загорелось 62-этажное здание First Interstate Bank в Лос-Анджелесе. Пожар продолжался 3,5 часа, выгорело 4,5 этажа — с 12-го по 16-й. Но несущие конструкции уцелели полностью, а второстепенные конструкции и несколько межэтажных перекрытий получили лишь незначительные повреждения. Здание выстояло.

5 августа 1970 года в 50-этажном здании New York Plaza раздался взрыв и возник пожар, который продолжался шесть часов. Обрушений не было.

17 октября 2004 года загорелся небоскреб в венесуэльском городе Каракас. Пожар вспыхнул на уровне 34-го этажа, охватил 26 (!) этажей и продолжался 17 часов. Здание выстояло.

И, наконец, пожар в том самом нью-йоркском Всемирном торговом центре. 13 февраля 1975 года в северной башне на 11-м этаже произошел пожар, в результате которого 65 % этажа выгорело полностью. Кроме того, огонь распространился вниз до 9-го и вверх до 16-го этажей, не затронув, тем не менее, офисные помещения и ограничившись шахтами внутри центрального каркаса. Продолжался пожар три часа, и, несмотря на его гораздо более высокую, чем 11 сентября 2001 года, интенсивность, структура здания не пострадала. Абсолютно невредимым остался не только центральный каркас, внутри которого пожар главным образом и распространялся, но и все межэтажные перекрытия.

А 47-миэтажный «ВТЦ 7» разрушился сам... случайно

Официальный отчет утверждает, что ВТЦ-7 «разрушился» из-за ослабления несущих конструкций, несмотря на то, что никакой самолет в него не попал.

О сносе здания № 7 ВТЦ, как выяснилось, вообще знали очень немногие. Его разрушение прошло как-то незаметно

на фоне остальных событий того дня. В этом 47-этажном небоскребе, который также носил название Саломон Бразерс, размещались офисы ФБР, Министерства обороны, налоговой службы RS (по словам Online Journal, с огромным количеством компроматов, в том числе и на печально известный Enron), контрразведки США, фондовой биржи (с доказательствами биржевого мошенничества), а также различных финансовых учреждений. Его обрушение произошло приблизительно в 17.20 по нью-йоркскому времени, и с ним связаны сразу несколько довольно любопытных казусов.

ФЕМА утверждает, что это здание рухнуло по тем же самым причинам, что и «близнецы» — из-за ослабления несущих конструкций. Но почему? Самолет в него не попал. Пожары в нем не бушевали — лишь в трех местах были небольшие локальные очаги возгорания: на седьмом, двенадцатом и двадцать девятом этажах. Если мы вспомним схему всего ВТЦ, то здание № 7 — самое удаленное от «эпицентра», отделенное от основного комплекса еще и улицей. Откуда у него повреждения? Об этом отчет умалчивает.

А самое «правдивое» на свете ВВС даже сообщило об обрушении ВТЦ-7 заранее.

Действительно, уникальным выглядит репортаж британского телеканала Би-би-си. В выпуске теленовостей, который вышел в эфир в 10.00 по лондонскому времени, то есть в 17.00 по нью-йоркскому, ведущий поведал телезрителям о том, что рухнуло здание ВТЦ-7 в Нью-Йорке. Но до его обрушения оставалось еще 20 минут. Более того, корреспондент телеканала Джейн Стэндли в своем прямом репортаже из Нью-Йорка рассказывала об обрушении ВТЦ-7, находясь при этом на его фоне. На редкой фотографии как раз изображен этот момент — здание ВТЦ-7 обозначено стрелочками. Подпись внизу экрана гласит: «47-этажное здание Саломон Бразерс рядом с Всемирным торговым центром также обрушилось».

Однако в какой-то момент, видимо, телевизионщики поняли, что произошло, и в 17.14 картинка трансляции из Нью-Йорка вдруг исказилась помехами, а через несколько секунд и вовсе пропала.

Как еще объяснить сей невероятный «ляп», если не наличием заранее написанного сценария? Возможно ли, что здание планировали снести чуть раньше, но до Лондона просто не успели своевременно довести информацию о задержке этой мизансцены спектакля, а британцы продолжали следовать сценарию. Значит, они получили пресс-релиз до того, как все это произошло? Но от кого и каким образом?

Разумеется, подобный казус вызвал массу вопросов к телеканалу ВВС. Однако глава отдела новостей Ричард Портер так объяснил эту загадочную историю: «Мы не являемся частью заговора. Никто не говорил нам, о чем рассказывать и что делать 11 сентября. Нам заранее никто не сообщал о том, что здание должно упасть. Мы не получали ни пресс-релиза, ни сценария событий, которые должны произойти».

Получается, что если заранее им никто ничего не сообщал, значит, они сами, по своей инициативе рассказали об обрушении здания, которое произойдет через 20 минут. Но читаем дальше: «У нас не сохранилось оригинальной записи репортажей от 11 сентября — но не по причине заговора, а из-за неразберихи». Новостная запись одного из важнейших за всю историю телеканала дней оказалась вдруг утеряна.

Погибшие «террористы» оказались живыми

Список террористов был опубликован Министерством юстиции 14 сентября 2001 года. Согласно данным ФБР вот эти 19 имен:

Список был снабжен следующим комментарием: «В ФБР абсолютно уверены в точности опознания девятнадцати угонщиков, ответственных за террористические атаки 11 сентября. Кроме того, расследования по 11 сентября были тщательно проверены Национальной комиссией по террористическим атакам на Соединенные Штаты, а также совместно Сенатом и Палатой представителей. Ни одна из этих проверок не вызвала ни малейших сомнений относительно личностей девятнадцати угонщиков».

23 сентября 2001 года британское новостное агентство ВВС неожиданно сообщило, что Валид аль-Шехри, гражданин Саудовской Аравии и названный угонщик рейса AA11, в настоящее время жив, здоров и прекрасно себя чувствует в Касабланке, Марокко. Посольство Саудовской Аравии подтвердило, что он учился в летной школе в городе Дейтона Бич, штат Флорида. Он покинул США в сентябре 2000 года и работает в авиакомпании Роял Эйр Марокко. Далее это подтверждает и Associated Press, согласно которой Валид аль-Шехри появился в американском посольстве в Марокко: «ФБР выпустило в свет его фотографию, которая была растиражирована в газетах и теленовостях по всему миру. Этот же самый мистер аль-Шехри показан в Марокко, тем самым доказав, что он не являлся членом команды летчиков-самоубийц». Итого, минус один.

Вэил аль-Шехри (AA11) также жив и здоров. Он работает пилотом, а его отец — дипломатом Саудовской Аравии в Бом-

бее. Газета Los Angeles Times в статье от 21 сентября 2001 года сообщает, что глава информационного центра посольства Саудовской Аравии в США Гаафар Аллагани подтвердил, что он лично разговаривал и с отцом, и с сыном. Итого, минус два.

Абдулазиз аль-Омари (AA11) во время учебы в Денвере потерял свой паспорт, о чём в свое время сообщил в полицию. Сейчас он работает инженером в компании Saudi Telecom. Газета The Telegraph 23 сентября 2001 цитирует его: «Я не мог поверить, когда увидел себя в списках ФБР. Они показали мое имя, мою фотографию и мою дату рождения, но я не террорист-смертник. Я здесь. Я живой. Я не имею понятия, как управлять самолетом. Я не имел никакого отношения ко всему этому». Итого, минус три.

Сайд аль-Гамди (UA93), пилот Саудовских авиалиний, во время событий 11 сентября находился в Тунисе, где с 22 другими пилотами проходил курс обучения управлению самолетом Airbus-320. The Telegraph цитирует его слова: «ФБР не предоставило никаких доказательств моей причастности к атакам. Вы не представляете, каково это, быть названным мертвым террористом, когда я жив и невиновен». Итого, минус четыре.

Ахмед аль-Нами (UA93) работает заведующим деломпроизводством в Саудовских авиалиниях в Эр-Рияде: «Как видите, я жив. Я был шокирован, увидев свое имя в списках террористов. Я никогда не слышал о Пенсильвании, где я, оказывается, угнал самолет». Итого, минус пять.

Салем аль-Хамзи (AA77) работает на химическом заводе в городе Янбу, Саудовская Аравия: «Я никогда не был в США, а в последние два года не выезжал из Саудовской Аравии». Итого, минус шесть.

Халид аль-Мидхар (AA77) — программист в Мекке, Саудовская Аравия: «Мне хочется думать, что это какая-то ошибка». По сообщениям Chicago Tribune, он смотрел телевизор, когда его друзья начали звонить ему и спрашивать, жив ли он. Итого, минус семь.

По сообщениям посольства Саудовской Аравии в США, также живы и здоровы Моханд аль-Шехри (UA175) и Сатам аль-Суками (AA11). Итого, минус девять.

И только 23 сентября 2001 года глава ФБР Роберт Мюллер заявил: «Есть сомнения относительно личностей некоторых угонщиков. Не существует никаких юридических доказательств, подтверждающих личности угонщиков». Но при всей очевидности откровенной фальсификации с именами «террористов», в официальном отчете «комиссии Кина» фигурируют все те же 19 первоначальных имен.

Фальшивый бен Ладен

И поскольку теперь доказательств причастности «угонщиков» к терактам нет никаких, то значит, и Аль-Каида вроде как ни при чем, и бомбить Афганистан как бы не надо.

Но в течение нескольких дней после падения небоскребов в распоряжении США «вдруг» появляется видеозапись признания Усамы бен Ладена от 14 декабря 2001 года. Ее якобы нашли в доме в Джелалабаде. И именно эта запись ложиться в основу итогового вывода официальной комиссии — теракты 9/11 осуществил Усама бен Ладен и, разумеется, «Аль-Каида».

Но сразу обращает на себя внимание то, что эта видеозапись очень низкого качества. А сам человек, который, по заверениям ФБР, и есть бен Ладен, совершенно на него не похож, и это отчетливо видно даже несмотря на плохое качество. Он более плотный, у него другая форма носа, губ, бровей и скул. В досье ФБР сказано, что бен Ладен — левша, а на видео он записывает что-то правой рукой. Кроме того, у него на пальце различимо золотое кольцо, а ислам, как известно, запрещает мужчине носить золотые украшения, да и в досье на бен Ладена об этом нет ни слова. И снова поражает фантастическая самонадеянность американских спецслужб, которые не стали даже заморачиваться такой «мелочью», как использование кого-то, хоть чуть-чуть похожего на настоящего бен Ладена.

В итоге, поняв, что и с бен Ладеном тоже вышел прокол, глава следственного отдела ФБР Рекс Тум признался: «Теракты 11 сентября не значатся в досье Усамы бен Ладена, поскольку не существует никаких доказательств его причастности к событиям 11 сентября».

29 марта 2006 года «раскололся» уже и вице-президент Ричард Чейни: «Мы никогда не утверждали, что Усама бен Ладен каким-то образом имел отношение к событиям 11 сентября. У нас никогда не было убедительных доказательств».

Однако в официальном отчете «Комиссии Кина» главным действующим лицом так и остался Усама бен Ладен, а основным вещественным доказательством является уже опровергнутая видеоподделка.

Как уничтожали улики

Сталь, оставшаяся после разрушения каркасов башен ВТЦ, спешно отправили на переработку, не допустив к ней даже следователей. Более 185 тысяч тонн стали было ликвидировано из «эпицентра». Пожарные доложили Конгрессу США, что порядка 80% (!) стальных обломков были вывезены, а следовате-

ли не могли даже потребовать сохранения ее остатков для анализа. В частности, китайская корпорация Shanghai Baosteel Group приобрела пятьдесят тысяч тонн стали из развалов ВТЦ в виде лома по цене 120 долларов за тонну. Тысячи тонн стали были отправлены на переработку и в Индию.

Подобные действия вызвали волну негодования среди независимых исследователей и семей погибших, однако новоиспеченный мэр Нью-Йорка Майк Блумберг, сменивший на этом посту Рудольфа Джулиани в конце 2001 года, на это ответил, что есть другие способы расследовать трагедию 11 сентября. Он также заметил, что «простой осмотр куска металла ничего вам не расскажет».

Несмотря на протесты всех желающих посмотреть на эти «куски металла», вывоз лома шел полным ходом. Официальная причина такой спешки заключалась в том, что это — «совершенно бесполезный мусор, который только мешает». Видимо, этот «мусор» был настолько «бесполезным», что его вывоз проходил под строжайшим контролем, а грузовики, вывозившие стальные обломки из района «эпицентра», были оснащены дорожными следящими устройствами, чтобы, не дай бог, этот совершенно бесполезный мусор не оказался где-нибудь, кроме плавильных печей. Сталь вывозилась с «места преступления» в таком скоростном режиме, что даже специально созданная правительственная комиссия оценки конструктивных характеристик здания, получив возможность лишь взглянуть на эти остатки металла, не имела права ни изучить их, ни ознакомиться с чертежами зданий. Что, собственно, ставит под вопрос сам смысл создания этой комиссии.

Главный редактор журнала Fire Engineering Magazine Билл Мэннинг от имени пожарных выразил недовольство действиями правительственных организаций по уничтожению улики и полному отстранению независимых исследователей от возможности их изучения: «У нас есть причины полагать, что «официальные расследования»... являются не чем иным, как вопиющим фарсом, навязанным нам политическими силами, основные интересы которых, мягко говоря, очень далеки от раскрытия правды... Уничтожение улики должно прекратиться немедленно».

Мэннинг также подчеркнул, что уничтожение этой стали является незаконным: «Согласно национальному стандарту по расследованию пожаров, все свидетельства при любых пожарах в зданиях высотой более 10 этажей должны быть сохранены, и исключений из этого правила нет».

А 26 сентября 2001 года мэр Рудольф Джулиани запретил всю видео- и фотосъемку в районе «эпицентра». У одного

фотографа, который предпочел не называть своего имени, полицейские стерли сделанные цифровой камерой снимки и пригрозили арестом, если он еще раз там появится. В итоге, всё, что могло пролить свет на «теракт 9/11» было очень быстро уничтожено и ни один эксперт так и не смог ознакомить-ся с «вещественными доказательствами».

Последствия «терактов»

Менее чем через две недели после 11 сентября на утверждение Конгрессу был представлен весьма интересный законодательный (так называемый Патриотический) акт, который всего за месяц превратился в закон. А в начале октября 2001 года началось американское вторжение в Афганистан. Это — беспрецедентные темпы принятия решений, подготовки к их реализации и собственно воплощения. Вот только сущность этих самых мер вызывает большое количество вопросов.

Рассмотрение так называемого антитеррористического законопроекта, названного Патриотическим актом, Конгресс начал 24 сентября 2001 года. Этот законопроект вообще оказался очень примечательным как по содержанию, так и по методам его внедрения.

Во-первых, он попал на рассмотрение в Конгресс, минуя предписанные законом каналы, то есть без предварительного его обсуждения под началом Административного и бюджетного управления.

Во-вторых, тогдашний министр юстиции Джон Эшкрофт потребовал от Конгресса принять его в течение одной недели и без изменений. Несмотря на столь строгие и конкретные указания, противоречивый документ все же вызвал определенные дискуссии — к явному недовольству министра. Поняв, что так просто «протолкнуть» законопроект не получится, Эшкрофт на совместном заседании с главами Сената и Палаты представителей предупредил, что наверняка грядут новые теракты, и Конгресс будет виноват, если закон не принять сейчас же. Это был явный шантаж, и само заявление представлялось абсурдным, но Конгресс не был готов выдержать подобное давление со стороны министра.

На всякий случай, чтобы окончательно продавить принятие этого акта, два особо упрямых конгрессмена — Том Дэшл и Патрик Лехи, активно выступавшие против, получили по почте конвертики со спорами сибирской язвы...

Конгрессмен-республиканец Рон Пол рассказал в интервью газете *Washington Times* о том, что ни одному конгрессмену не позволили даже прочитать этот акт. Тем не менее 12 октября он

был утвержден обеими палатами Конгресса, а 26 октября 2001 года президент Буш поставил на документе свою подпись, тем самым придав Патриотическому акту статус закона.

В чём же заключается смысл Патриотического акта? Во-первых, этот акт дает право федеральным служащим производить обыски жилища, рабочего места, компьютера и частной собственности граждан либо вообще без их уведомления, либо с уведомлением постфактум, когда обыск был уже произведен.

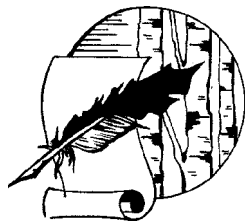
Во-вторых, ЦРУ получило неограниченную возможность без решения суда устанавливать слежку за своими гражданами, если это делается «в разведывательных целях». Сюда включено и прослушивание телефонных разговоров, и отслеживание интернет-активности пользователя. Между прочим, до этого момента назначение ЦРУ заключалось в разведывательной деятельности исключительно в отношении иностранных «элементов».

В-третьих, ФБР и другие силовые ведомства вправе затребовать медицинские, финансовые и академические записи и госархивы на любого человека, лишь предъявив ордер, который суд обязан выдать, если он требуется для расследования с целью защиты от «международного терроризма». При этом достаточного основания для обыска даже не требуется, а организация, которой предъявлен ордер, не имеет права никому сообщать о том, что ФБР эти данные запросило. В том числе и тому, чьи данные были затребованы!

В-четвертых, де-факто ограничена свобода слова, ибо любая неосторожная фраза теперь может быть расценена как террористический заговор. Согласно этому акту внутренний терроризм включает в себя «действия, расценивающиеся как попытки с помощью угроз или насилия повлиять на политический курс государства». Как видите, понятие «внутреннего терроризма» определено настолько расплывчато, что чуть ли не любая политическая или иная активистская группа может подпасть под это определение. Да и любой несогласный с действиями правительства тоже от этого не застрахован. Кроме этих актов, появились еще несколько директив аналогичной направленности.

А 20 марта 2003 года началась бомбардировка Багдада.

P.S. И это лишь малая часть из тех «доказательств», которые обнаружены в «самом достоверном» официальном расследовании трагедии 9/11. Но и этого, по-моему, вполне достаточно, чтобы понять, какими методами США идет к своим целям, уничтожив более трех тысяч американцев.

СТИХИ
ПОЭТОВ КРЫМА

Равиль ВАЛЕЕВ

Член Союза писателей Республики Крым. Председатель Алуштинского литературного объединения им. Ивана Шмелёва. Автор сборника стихов «Мой ангел» (2015).

ПАМЯТИ ПОЭТЕССЫ ИРИНЫ КНОРРИНГ

У меня есть синяя тетрадка
У меня есть белые книги...
И неистовый месяц май.
Ирина Кнорринг

Поэзии извечная загадка:
Поэт подобен сказочному магу —
Серебряные строки на бумагу,
Как воск свечи, на память будут течь.

Домой везёт лохматая лошадка,
Сверкает серебром пушистый ельник.
Волшебный приближается сочельник,
Баюкает теплом голландка-печь.

Войны гражданской ужасает схватка,
Всё дальше бег от красного террора,
И в трюме черноморского линкора
Пришлось себя от Родины отсечь.

Сгорает солнце в небе без остатка,
В песчаной охре белый порт Бизерта.
В Россию не пошлешь родным конверта
И всё трудней хранить родную речь.

В Париже тоже жить совсем не сладко:
Учёба, поиск крова и работы,
А диабет, добавивший заботы,
Повис над жизнью, как дамоклов меч.

Наградой в доме детская кроватка,
Как хорошо быть за спиной мужа.
В Париж вдруг ворвалась фашизма стужа,
И жизнь больной не удалось сберечь.

С отцом в Россию синяя тетрадка
Вернулась, ярко брызнула стихами,
Что звонко закричали петухами —
Как долго ждали строки этих встреч!

* * *

Рукой огрубелой, как панцирь у краба,
(На базе полсуток рабочая смена)
Дочуркино фото погладила баба
И, рухнув в кровать, захрапела мгновенно.
Предвестницей шторма борта лижет пена,
И сейнер подходит в компании чаек.
Плавающий завод, что дрейфует степенно,
Как детскую люльку, привычно качает.

Качели приснились в тени возле граба
И запах в сарае душистого сена,
Как громко весной в бочке квакала жаба,
На печке зимой засыпалось блаженно.
Со львами в огнях цирковая арена
Её, первоклассницу, тушем венчает.
У бабушки тёплое гладит колено,
Покойных родителей потчует чаем.

От тяжелой работы она косолапа,
Бедро украшает раздутая вена.
Дочурка не знает, кто был её папа...
Такая история обыкновенна.
А где-то в огнях беззаботная Вена
Витринами манит к покупкам лентяек.
Я верю, что дочка её непременно
Счастливую жизнь на пути повстречает.

* * *

Как яд, вода колодца прошлого
Струится холодом по венам.
Строка стиха, на боль проросшего,
В мозгу колотится рефреном.
Топлю печаль в бокале пенном,
Хотя люблю, как в детстве, сладости.
Висят регалии по стенам —
У всех людей бывают слабости.

Росточка с детства малорослого,
Не ставший в жизни бизнесменом,
Из пионерии пронёсшего
Презрение к любым изменам,
И мысли доверять катренам,
Поэзию любя до старости,
Я заражён советским геном,
У всех людей бывают слабости.

Автомобиля нет роскошного
И в доме не живу отменном,
Прося простить меня, ничтожного,
К любимым припадал коленям.
Сходя по жизненным ступеням,
Я не старался делать гадости,
Но жалости не знал к гиенам,
У всех людей бывают слабости.

Не жил я в бочке Диогеном —
Не упустил земные радости.
О человеке современном:
«У всех людей бывают слабости!»

* * *

Тускло светит усталое солнышко,
Лес осенний рябит конопушками,
И, наевшись, телята у колышков
На лугу развалились игрушками.

Петухи поутру чистят горлышко,
В огородах копаясь с несушками.
«Не найдётся упавшее зёрнышко», —
Голубихи бормочут старушками.

Опустело на тополе гнёздышко,
Стаи птичьи галдят над опушками.
По реке проплывает судёнышко,
И коляска гремит погремушками.

Отдыхает распаханным полюшко,
Скоро снег понавалит подушками,
И скрипуче льняное полотнушко
Будет топтано утром зверушками.

Лист летит опадающим пёрышком,
Укрывая тропинки, как стружками.
Бликом в глаз вдруг ударило стёклышко,
И так вкусно запахло ватрушками.

пос. Рыбачье

Лариса АФАНАСЬЕВА

Член Союза писателей Республики Крым. Руководитель мастер-класса поэзии семинара молодых литераторов Крыма. Печаталась в журналах, сборниках и альманахах: «Вдохновение», «Сельская новь», «Литературный Крым», «Форум», «Паруса творчества», «Камышовая бухта», «Россыпи» и других. Автор сборников стихов «Написалось, как спелось...» и «Абрикосы под дождём».

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГ

Апрельский снег — какая глупость,
Когда так хочется тепла,
Но хлопья в буйстве неотступном
Зима швыряет нам со зла.

Апрельский снег. Какая дерзость —
На зелень яркую упасть
И так продуманно-небрежно
Соединить печаль и страсть.

Апрельский снег. Какая нежность
За лёгкой колкостью его.
Как слёзы ангелов — о грешных.
Как душ тоскующих родство.

АПРЕЛЬСКИЙ ВАЛЬС

Эта прогулка в сиренево-серых тонах,
Лужицы прошлых дождей на вечернем асфальте...
И примеряет берёзка весеннее платье,
И театральный подъезд в кружевных фонарях.

Скрипки настроил восторженно-юный апрель,
В музыке вечера тают года и пространства.
Вечны фонарики звёзд и луны постоянство,
Вечна весёлой синички весенняя трель.

А под мостами бурливая мчится река,
Вдаль унося огорченья, тревоги, заботы.
Хочется сердцу любви, вдохновенья, полёта
И чтобы нежно к руке прикоснулась рука...

АБРИКОСЫ ПОД ДОЖДЁМ

Абрикосы под дождём —
Как забытые невесты:
И наряды их не к месту,
И плодов не жди потом.

Слёзы катятся ручьём —
Ни надежды, ни просвета...
Не горюйте, скоро лето!
Платья новые сошьём.

* * *

Недолго долгожданное тепло:
Весной пахнёт — и снова снег и слякоть.
Не устают сосульки молча плакать,
Простудой ветра степи замело.

То кашляет надрывно, то хрипит,
То к речке припадёт воды напиться.
И только тонко тенькает синица —
Так на стекле под солнцем лёд трещит.

Привычно шутит утренний туман —
Растит кораллы на озябших ветках,
А хочется скорее в море, в лето,
В полынно-абрикосовый дурман!

ВАСИЛЬКИ

Алеют смело маки в поле,
И, безнадежно глубоки,
В смешном ромашковом раздолье
Мигают небу васильки.

Их каждый венчик, словно омут,
Манит — и глаз не отвести,
И не уйти к цветку другому,
Напившись неба из горсти.

г. Белогорск

Маргарита ШИТОВА

Родилась в 1990 г. Поэтические подборки публиковались в газете «Литературный Крым». Пресс-секретарь Общественной палаты Республики Крым.

* * *

Море вяжет прибором нехитрый узор.
Рёбра волн разбивают железные лодки.
Соткан мир из идей, наполняя простор
Новостями из первой попавшейся сводки.

На востоке горят золотые цветы,
Встрепенулся рассвет: растревожено утро.
Чайки в море ныряют с большой высоты,
Увлекая меня за собою, как будто —

За тугой горизонт, в чёрно-белые сны,
Где так зыбко, так тесно, так страшно и жутко.
Ты запомни меня в отголосках весны
Перламутровым облаком, ласковой шуткой.

Ты запомни меня: от слезы до слезы,
От улыбки — до неба, от вздоха — до лета.
Я приду в ненавязчивом вкусе грозы,
Протанцую на отблесках лунного света.

Каждым вздохом весны прозвучу на полях,
В отраженьи росы — на проснувшихся травах.
В синем дыме небес и речных зеркалах,
В предвесенней капли звенящих октавах.

Ты запомнишь меня? Если хочешь — забудь.
Всё равно я останусь небесным дыханьем.
На ладони Вселенной, окончив свой путь
Неозвученной строчкой — ожившею тайной.

* * *

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Чётками перебираю страны.
Глобус режут вдоль меридианы,
Полюсами замыкая круг.

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Между нами льды и океаны.
Я — ребро — в тебе откликнусь раной,
Ты во мне оставишь сердца стук.

Ты — на север, значит, мне — на юг.
Ветер в голове и по карманам.
Мне всегда казалось очень странным
Быть вдали от самых нужных рук.

Я — на юге, значит, сделал крюк,
Растерзав затянутые шрамы,
Ты вернёшься — гордый и упрямый,
Зная: путь ко мне ведёт на юг.

* * *

Небо пахнет персиком и мятой.
Впереди — осенняя гроза.
Ты укрылся облаком из ваты,
Жмуря, словно в юности, глаза.

Ощетинил ветви бурой шерсти,
Холку поднимая на дыбы.
Весь косматый, на боках — отвесный,
В лес готов сорваться, если бы

Намертво не впился мордой в море:
От грозы не спрячешься никак.
Снова под дождём дрожим с тобою,
Крымский мишка — старый Аю-Даг.

* * *

Солнце пеной разъедает море.
От волны вздымается пожар.
Этот берег, сморщенный до боли,
По земным расчётам слишком стар.

Под руками бьются пульсом камни:
Трепещи обвалами земля!
Солнечный закат смыкает ставни,
Звёзды, словно копии с Кремля:

Алый бисер — вроссыпь. Небу чёрным
Этой ночью точно не бывать.
Опалила, что огнём из горна,
Распуская косы, осень-мать.

То ли страх мешает счастью, то ли
Жизнь в режимах «гонка» и «аврал».
Только берег, сморщенный до боли,
Для мирской шумихи слишком стар.

* * *

На пиках враждебных, нетронутых скал
Кружатся ветра, обещая свободу.
Подъёмы и спуски, привал, перевал,
Свободу ищу, как страдающий — воду.

Впиваются тросы в девичью ладонь,
Угрюмо сугробы скулят под ногами,
Уютный костёр зовет домой.
Свобода, всего пара снов между нами.

Хлопочут холодные крылья ветров,
Вонзается снег под замёрзшую кожу.
А с ним, словно яд, проникает любовь,
Они со свободой как сёстры похожи.

Взрывают эмоции скомканный пульс.
Я воли хочу, что голодные — хлеба.
К вершине карабкаюсь, лезу, тянусь,
И знаю — дорвусь до свободного неба.

г. Симферополь

Наталья СВИТАЙЛО

Член Союза писателей Республики Крым, руководитель ялтинского отделения СПРК. Автор книги стихов «Обратная связь» и составитель многих литературно-художественных сборников.

* * *

Ай-Петри ещё в снегу
А слива вовсю цветёт.
Весна через не могу,
Но всё-таки вброд бредёт
Хоть хлещет холодный дождь
И ночью мороз крепчал
Я видела, как она
Ступила на наш причал
Я видела сон-травы
Тюльпанов и фрезий шлейф
Да ветер, что смело нёс
Мелодию горных флейт.
Сегодня встречаю март,
Хоть нос на ветру замёрз
Здравствуй, мой тёплый!
Жду!

Терпкость твоих мимоз...

ТАРХАНКУТ. АТЛЕШ

Странные дни...
С запахом мёда, бриза,
Лунного молока
Странные дни...
Рисую на мокром песке
Скалы и облака
Странные дни...
Фиалковы ночи, янтарные луны
И море — в окне.
Странные дни...
Заплывы за рифы, потеряны рифмы
Сердце — на дне.
Странные дни...
Сверчки и цикады и тени Гренады
Зелёный миндаль.
Атлеш зарисую немymi словами
Прощаемся... Жаль.

КОКТЕБЕЛЬСКОЕ ЛЕТО

Моё тело вибрирует в такт Коктебельскому лету.
Мне июнь подарил цвета сочной травы сандалеты,
А июль расплескал капли алой зари по щекам,
Август щедро наполнил глаза перламутровым цветом.
Он его у ракушек-жемчужниц на дне отыскал...

Моё тело вибрирует в такт уходящему лету
По расплавленным улицам августа шествует зной
Я сложу свои чувства и мысли в пустые конверты
И отправлю их с ветром, чтобы вернулись весной.

г. Ялта

Виктория АНФИМОВА

Окончила Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского. Член Союза писателей России и Союза писателей Республики Крым. Автор трёх поэтических книг: «Чаша дня» (2007), «Лабиринт» (2009), «Окно на шестом этаже» (2013). Публиковалась во многих журналах и литературных альманахах в России, Украине, Белоруссии, Болгарии, Австрии, США.

В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

Ива разбросала жёлтые монеты
На асфальте мокрым, пахнущем дождём.
Белки пышнохвостые проводили лето,
Падают орехи в тёмный водоём.
Сшиты тонкой ниткой сонные аллеи,
Тополя прикрылись кружевом ветвей.
Тучи дождевые снова осмелели,
Шляпу нахлобучив парку до бровей.

* * *

Август, вечный август, ты прими в объятия,
Поцелуй, как раньше, сонную меня.
Мы меняем книги, обновляем платья,
Но мудрей не станем на закате дня.
Душной летней ночью я смотрю на звёзды,
Тьма крадёт все звуки, чувства и слова.

Нет, мой милый август, поздно, слишком поздно
Нам плести усталых мыслей кружева.
Я всегда любила август, знойный август,
Хоть была с другими, лишь ему верна.
Он диктует строки, в них — добро и радость,
Счастье узнавания и глоток вина.

* * *

Боже, кто там тихонько плачет,
Обнимая худые колени?
Это девочка или мальчик,
Что бледнее вчерашней тени?
Почему так пронзительно больно
Мне становится, если слышу
Как дождя живые ладони
Гладят двор, деревья и крышу?
Где же я растеряла строчки,
Что недавно копила? — Скрыга!
Я поставила лишь многоточие,
Просто верила, что бумага
Будет ждать меня, как и раньше —
Без упреков и тени сомнений...
Кто там плачет? Девочка? Мальчик?
Нет, душа, обнимая колени.

* * *

Снова пахнет настоящим кофе,
Город вымыт мартовским дождём.
Генуэзской башни тонкий профиль
Смотрится в небесный окоём.
Я давно уехала отсюда,
Город детства — мидией на дне
Сердца — там, где верят в чудо
И акаций гроздь по весне.

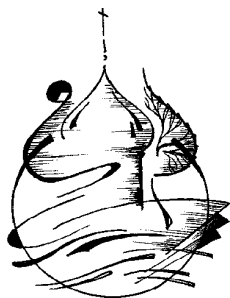
г. Симферополь

ВОКЗАЛ ДЛЯ ДВОИХ

Из сообщений СМИ: 12 февраля 2016 г. в здании международного аэропорта имени Хосе Марти столицы Кубы Гаваны состоялась встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с папой римским Франциском. Ряд экспертов поспешил назвать ее исторической.

Нас пытались убедить: православным нечего опасаться! Но уже по прошествии двух лет после этой встречи окончательно выяснилось, что все, даже самые крайние опасения оправдались. Одна из цитат: «Никогда бывшие ранее Патриархи и подумать не могли о таком беззаконном и дерзком поступке, способном лишь смутить многомиллионную русскую паству». Однако кто-то не только об этом подумал и привел в смущение народ, но и создал реальную подоплеку для церковного раскола (о чём — ниже).

Некоторые неуклюжие попытки объяснений только усиливают смущения. Епископ Тихон (Шевкунов): «Вскоре после окончания XVI века Патриархов на Руси просто не было (именно так! — если верить Интернету), и... после возрожде-

СИМВОЛ ВЕРЫ

ния Патриаршества в 1918 году Патриархи находились в стране, которая называлась Советский Союз и встреча с папой была весьма затруднительной».

При таком уровне познаний (напомним — Патриарх Адриан скончался 15 октября 1700 г., а его Местоблюститель митрополит Рязанский Стефан (Яворский) правил до 1722 г.) просто необходимо привести хотя бы краткую историческую справку.

«Отцы наши не приняли этого»

Проблемы с латинскими и немецкими архиереями, священниками и их учениками возникли у восточных славян еще во времена св. равноапостольных Мефодия и Кирилла, о чем можно прочесть в их житии.

Первые попытки католического проникновения на Русь относятся ко временам св. равноап. княгини Ольги. Миссия епископа Адальберта потерпела полную неудачу, а его возвращение «восвояси» скорее напоминало бегство.

Следующий исторический эпизод — выбор веры из «Повести временных лет». Католики получили от князя Владимира следующий ответ: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

Казалось бы, вопрос был решен и выбор сделан. На деле всё оказалось не так просто. В 1069 г. св. преп. Феодосий, игумен Печерский, вынужден обратиться к киевскому князю Изяславу Ярославичу (известному своими прозападными симпатиями) с увещательным словом. Оно содержит жесткие формулировки (никакой толерантности! Ни следа политкорректности!): «Верой латинской не прельщаться, обычая их не держаться, и причастия их избегать, и нравов их гнушаться...» И далее: «Остерегайся кривоверных и всех их разговоров, чтобы не исполнилась и земля наша злой той веры». Сейчас эти строки не просто актуальны, они насущны подобно хлебу, тем более что иные «великие» господа их, похоже, позабыли.

...Времена монголо-татарского ига. Обескровленная и обессиленная Русь лежит в развалинах. А что же «христианнейший» Запад? Подал ли руку помощи? Напротив, папа Григорий IX своею буллою от 9 декабря 1237 г. возвестил крестовый поход против русских и пообещал всем его участникам прощение грехов, а падшим в бою — вечное блаженство. И понадобился военный гений св. благоверного князя Александра Невского, давшего достойный отпор шведам и тевтонским рыцарям.

Потерпев поражение на поле брани, римо-католики были вынуждены изменить свою политику. В 1248 г. папа Иннокентий IV отправил к Александру посольство во главе с двумя кардиналами-легатами. Их хитросплетенное коварство, обещания королевской короны и военной помощи против татар не сумели обмануть русского князя. Его глубоко знаменательный ответ мы приведем полностью:

«Слышите, посланницы папестии и прелестницы преокажанные! От Адама и до потопа, и от потопа до разделения язык, и от разделения язык до начала Авраамля, и от Авраамля до проития Израилева сквозе Черное море, а от начала царства Соломона до Августа царя, а от начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресения Его, от воскресения Его и на небеса вшествия и до царствия Великого Константина и до Первого Собора и до Седьмого Собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем».

...Зловещая эпоха униатства. Московский митрополит Исидор отправляется в Италию, где подписывает Ферраро-Флорентийскую унию (1439 г.). Его возвращение выглядело триумфальным, проезжая по землям Польши и Литвы, он попеременно служит в католических костелах и православных церквях. Однако в Москве ни великий князь Василий Васильевич, ни духовенство, ни народ не приняли вероотступника, и пришлось ему спешно бежать обратно в Рим «не солоно хлебавши».

Значительно большие и тяжкие последствия имела Брестская уния (1596 г.). Для православного народа Белоруссии и Украины наступила долгая (почти два с половиной века!) пора изнурительной и подчас трагической борьбы за сохранение праотеческой Православной веры. Как пример духовной противоположности — св. София, княгиня Слуцкая и «душехват» Иосафат Кунцевич (канонизированный римо-католиками).

Восстание и войны Богдана Хмельницкого — это также борьба за Православие. Молитвенно воспомянем здесь образ св. преподобномученика Афанасия, игумена Брестского. И в дальнейшем это противоборство никогда не прекращалось, перед нами настоящие его антигерои: Тадеуш Костюшко и Кастусь Калиновский. Определенные силы настойчиво навязывают их белорусам как неких национальных «светочей», но мы прекрасно знаем, что это были откровенные враги Православия.

В этой связи нельзя не упомянуть и нашего гениального земляка — Федора Михайловича Достоевского (известное на Пинщине местечко Достоево — его родовое гнездо). В рома-

не «Братья Карамазовы» он поместил как самостоятельное произведение «Повесть о великом инквизиторе» и, тем самым, показал глубочайшее знание предмета. Современным филокатоликам из ОБЦС настоятельно рекомендуем перечитать!

События минувшего XX века убедительно подтвердили сложившуюся тенденцию и существенно дополнили общую картину духовного противостояния. «Предтечи антихриста» уничтожили православную Россию. Они исказили, одурачили чуждыми сатанинскими идеями народ, насаждая их всеми возможными неправдами, лестью, обманом, кровью, вытравливая правду Божию из сознания народного» (архимандрит Иоанн Крестьянкин). Римо-католики не погнушались вступить в контакт с большевиками с целью заключения конкордата для окатоличивания России взамен разгромленного Православия. Здесь ключевую роль сыграл епископ-иезуит д'Эрбиньи, и не его вина, что эта попытка закончилась неудачей.

Пресловутый железный занавес опустился, наступило время ожесточенного антицерковного террора и безбожных пятiletок.

Паписты, коммунисты и экуменисты

Судя по всему, бывший грузинский семинарист не испытывал по отношению к Ватикану особенного пиетета. «А сколько дывызий у папы Рымскава?» — так была озвучена нескрываемая ирония великого вождя. Это, однако, не помешало ему загнать униатов Западной Украины в глубокое подполье. И всё же своих католических «партнеров» он недооценил.

Ситуация изменилась при наследниках Сталина. В железном занавесе появились первые «прорехи». 25 ноября 1961 г. папа Иоанн XXIII по случаю своего 80-летия получил поздравление от самого Никиты Сергеевича Хрущева. Того самого Хрущева, который обещал показать по телевизору «последнего попа». Того самого Хрущева, в правление которого, многострадальную РПЦ буквально втолкнули в масонский Всемирный Совет Содома и Гоморры. 7 марта 1963 г. папа Иоанн XXIII принял на частной аудиенции дочь Хрущева Раду и ее мужа Алексея Аджубея (главного редактора газеты «Известия»).

В дальнейшем папа и Никита обменялись посланиями. Римский понтифик отметил, что он рад успехам советских космонавтов: «Я часто молюсь о них». Неужели еще в те далекие годы папы мечтали о выходе в открытый космос?

В это же время состоялся и одиозный Второй Ватиканский собор (1962—1965 гг.). По его результатам католичество окон-

чительно утратило всякое право называться христианской конфессией: так на смену латинской ереси пришел синкретический сверхэкуменизм — религия антихриста в чистом виде.

Весьма «плодотворный» период советско-ватиканских отношений пришелся на правление Павла VI. 30 января 1967 г. в Ватикан впервые с официальным визитом прибыл председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный. Долголетний министр иностранных дел СССР Андрей Громыко встречался с папами шесть (!) раз.

В это же самое время на нашем церковном «небосклоне» появился архиерей, дерзнувший нарушить правила Святых Апостолов, Вселенских Соборов и Святых Отцов. Это — митрополит Никодим (Ротов). По его инициативе Священный Синод РПЦ 16 декабря 1969 г. принял постановление о допущении католиков к причастию за православной литургией — там, где нет католических церквей. (Несмотря на резкую реакцию греков и Афона. Эта практика просуществовала до 1986 г., когда была не отменена, но «приостановлена».) Сейчас ни для кого не является секретом, что Никодим был сотрудником КГБ (оперативный псевдоним «Святослав») и одновременно тайным католическим кардиналом (как объявило «Радио Ватикана» после его смерти).

А кончина его была весьма поучительной. 10 августа 1978 г. он отслужил панихиду на гробе папы Павла VI, 12 августа участвовал в его отпевании, а 5 сентября на приеме у папы Иоанна Павла I скоропостижно скончался у его туфли. Спустя несколько лет монахи мужского Свято-Успенского Жировичского монастыря вынесли о нём такое суждение: «Никодим был тайным католиком, но Господь обличил его явно, бросив под ноги папе римскому».

Никодим умер, но семена, им посеянные, принесли обильный экуменический урожай во времена Горбачева. В его правление СССР и Ватикан установили официальные дипломатические отношения, а сам он был дважды принят папой Иоанном Павлом II в 1989 и 1990 гг. Не вдаваясь в излишние частности, выделим факт синхронного совпадения двух событий: развала Советского Союза и небывалого всплеска униатства на Западной Украине. И, как теперь хорошо известно, профессиональные кадры униатского духовенства готовились в наших (!) духовных семинариях.

По свидетельству епископа Константина (Горянова), «подавляющее большинство выпускников Ленинградской Духовной академии и семинарии (и Московской тоже), служивших на Западной Украине, перешли в унию, как только для этого представилась возможность». Студенты из Запад-

ной Украины, «почти не таясь, на службах читали католические молитвенники, на тумбочках держали портреты римского папы».

В 1991 г. наблюдался открытый переход в Украинскую греко-католическую «церковь», когда 3/4 ее клира составили ренегаты из РПЦ. Из них 57—59% — выпускники Ленинградских духовных школ; 26—27% — выпускники Одесской духовной семинарии; 14—18% — выпускники Московских духовных школ. В конечном итоге на Западной Украине были буквально разгромлены три православные епархии.

Все эти вопиющие факты являются прямым следствием предательской политики экуменистов — птенцов гнезда Никодимова и, в свою очередь, делают более понятной современную обстановку на Украине. Но понес ли кто-нибудь какую-либо персональную ответственность за создание и функционирование такой системы духовного образования в РПЦ? Мало того, изменилась ли теперь ситуация в лучшую сторону, или экуменисты правят бал, как и прежде? Увы, скажем прямо: никаких оснований для оптимизма нет.

Продолжим наш исторический экскурс. После распада СССР российский президент Ельцин дважды был принят папой Иоанном Павлом II (в декабре 1991-го и феврале 1998 г. — соответственно в начале своего правления и почти перед самым завершением политической карьеры). Именно на этот исторический промежуток пришлось трагедия братской Сербии.

Отдельного и тщательного рассмотрения заслуживает настоящий геноцид православных сербов, проводимый с благословения Ватикана на территории профашистской Хорватии в годы II Мировой войны. Эта зловещая политика получила свое логическое продолжение после разрушения Югославии в 90-х годах, привела к бомбежкам в 1999 г. и отторжению Косова. Ельцин откровенно «сдал» сербов.

Владимир Путин был дважды принят Иоанном Павлом II. В первый раз он посетил Ватикан в июне 2000 г., когда совершил *первую* после вступления на пост президента европейскую поездку. Второй визит состоялся в ноябре 2003 г. После этой встречи Путин сказал: «Мы должны способствовать *объединению христианского мира*, и нам бы очень хотелось добиться *сближения позиции Русской Православной Церкви и Святого Престола в Риме*».

В дальнейшем Путин и Медведев проводили регулярные встречи с папой Бенедиктом XVI. Воздержимся от комментариев по поводу Бенедикта. Но вот личность последнего папы — Франциска не может не вызывать интереса...

Согласно словарю иностранных слов *иезуит* — это член «общества Иисуса», могущественной католической духовной организации («ордена»), основанной в XVI в. Игнатием Лойолой <...> Для достижения своей цели иезуиты не гнушались обмана, лицемерия, шпионажа, убийств, обращались к инквизиции для расправы с неугодными им лицами; лозунг иезуитов — «цель оправдывает средства».

Орден был основан в Париже в 1534 г. и утвержден буллой папы римского Павла III в 1542 г. Польский автор книги «Папы и папство» Ян Веруш Ковальский назвал его «последним папой-гуманистом». А как же все последующие? — риторически спросим мы.

И означает ли это, что папа Климент XIV, в 1773 г. соответствующей буллой распустивший «Общество Иисуса», гуманистом не был? Однако через год после принятия столь гуманистического решения он умер.

После поражения Наполеона I ситуация вновь изменилась: в 1814 г. папа Пий VII орден восстановил. Ну а нынешний папа Франциск? Он — иезуит, очередной образчик папской непогрешимости.

Наконец, самое пикантное: если некто величает иезуита «возлюбленным братом» — кто же он на самом деле?

Отличительной чертой иезуита является двуличие. И оно в полной мере проявляется у папы Франциска по отношению к так называемому ЛГБТ-сообществу. В августе 2017 г. прозвучала «радужная» новость: папа поздравил гей-пару из Бразилии, крестившую (?) своих (??) детей. Однако позже его представители были вынуждены выпустить официальное заявление, в котором уточнили, что это поздравление было стандартным знаком вежливости (?) и не отражает политических (?) взглядов понтифика. Также отмечается, что папа неоднократно осуждал трансгендеров, однако принимал в Ватикане премьер-министра Люксембурга и *его мужа* (!!!), а также призвал свою «церковь» извиниться за прошлые преследования ЛГБТ.

Но тогда папе надо приносить извинения и за св. апостола Петра, который предостерегал христиан от мужеложества, скотоложества и прочих языческих нечистот (см. 1-е Петр. 4; 3). А заодно и за св. апостола Павла, который в Послании к Римлянам осудил противоестественные и постыдные страсти (см. Рим. 1; 26—27).

Ранее Франциск уже обращался к пресловутому «сообществу» с обещаниями не осуждать «священников» за их не-

традиционную ориентацию: «Кто я такой, чтобы судить?» И добавил, что следует простить «священников-гомосексуалистов», а грехи их отпустить (!). Одновременно было отмечено, что, в отличие от такой «терпимой» позиции, его предшественник Бенедикт XVI издал запрет на принятие духовного сана подобными людьми. При этом пресса (в том числе и итальянская) буквально переполнена всевозможными скандальными подробностями вокруг ситуации с гей-лобби непосредственно в Ватикане.

Для полноты картины рассмотрим еще один вопиющий факт. В своей проповеди 13 апреля 2014 г. на площади Св. Петра папа Франциск заявил присутствующим: «Дорогие братья, я хотел сказать всем вам, что мы не одиноки во Вселенной... В ближайшее время мы узнаем о существовании наших новых братьев и сестер, с которыми мы обменяемся знаками мира». Одним словом, двери Ватикана открыты для всех, в том числе для инопланетян.

Говорится и о том, что римо-католики собираются раскрыть для общественности информацию о пришельцах и НЛО (!). Оказывается, инопланетяне существуют, «они на самом деле спасители человечества» (!), «они собираются крестить нас в свою веру» (!), надо «чтобы мы внесли изменения в наши знания, в наше понимание Евангелия» (!), «возможно все, что мы думаем и знаем о Евангелии, может быть неверным и пересмотрено» (!).

Более глубокую степень духовного повреждения просто трудно себе представить. Об этом в свое время писал святитель Игнатий (Брянчанинов) как о состоянии «ужаснейшей бесовской прелести». Но, может быть, папа — наивный «контактер»? И никогда не читал работу Серафима (Роуза), посвященную проблемам НЛО?

А вдруг он сознательно пошел на службу к «инопланетянам» и является их агентом влияния? Вопросы, вопросы... По словам Франциска, не важно, сколько «щупальцев будет на протянутой руке, он все равно готов ее пожать».

Неужели наши устроители «исторической» встречи тоже нисколько не боятся оказаться в братских объятиях «спасительных» щупальцев?

Вот они — «Близкие контакты третьего рода»...

Во что целились? И куда попали?

Встреча состоялась «спустя всего лишь неделю после официального объявления о ней». О ее подготовке знали 5 человек — так нам было заявлено. А это означает, что не только

сотни епископов, но, возможно, и Синод были поставлены перед свершившимся фактом...

Через год после свидания в Гаване журналист Сергей Чапнин написал буквально следующее: *«Патриарх показал своему епископату, что он готов пренебрегать церковным уставом (в подобных вопросах Патриарх подчиняется Архиерейскому собору), а епископат в ответ промолчал. В частных разговорах звучало и раздражение в адрес Патриарха, и критика, но публично никто высказаться не решился. В результате модель церковного управления в РПЦ стремительно мутирует в сторону архаичной версии папизма. Патриарх единолично принимает ключевые решения, а голос епископата (как Синода, так и Собора) — это всего-навсего декоративное оформление патриаршей воли».*

Может быть, именно такая новая расстановка церковных сил (о какой Соборности тогда идет речь?) и была запланирована изначально? Здесь многие секретные пружины и механизмы от нас до времени скрыты. Однако «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Мк. 4; 22).

Чем всё же объяснить эту конспиративность и спешку строителей? Боязнь негативной реакции «наиболее консервативных кругов» РПЦ, открытых протестных манифестаций, угрозы раскола? Не потому ли и была выбрана для места встречи «нейтральная» Гавана, т.е., в первую очередь, в силу своей географической удаленности?

Протокол встречи носил «исключительно светский характер», отличался поразительным «минимализмом» (приветствия, частная беседа, подписание совместного заявления, о чём ниже) и не предусматривал какого-либо «религиозного действия», никакого богослужения, ни общей молитвы (даже «Отче наш»). Кстати, совсем недавно мир узнал: по мнению папы Франциска, текст этой молитвы подлежит изменению (РИА «Новости», 8.12.2017 г.). Как видно непогрешимость сего человека пределов не имеет...

При таком подходе, когда, любая догматика и все богословские разногласия заранее «вынесены за скобки», само понятие ереси как будто перестает существовать и можно в благожелательной и свободной манере заниматься созданием «благоприятного религиозно-психологического фона для дальнейшего ведения переговоров»... хоть с полинезийскими каннибалами. Но если некто и объявил некий «мораторий» на применение слова «ересь» по отношению к католикам, то он явно погорячился и только проявил этим свою истинную внутреннюю сущность.

Рандеву продлилось более двух часов. При этом были затронуты «ряд важных проблем»: гонения христиан на Ближнем Востоке, военно-политическое противостояние и религиозный раскол на Украине, кризис семьи в современном обществе. Истекшие годы ясно показали, что никаких позитивных результатов по данным вопросам достигнуто не было. Да и могло ли быть иначе? Любое сотрудничество с еретиками равносильно попытке скакать и гарцевать в пристяжку с трупом! И никакое «тесное взаимодействие» с ними просто не должно иметь места.

Итоговый документ (декларация) состоит из 30 пунктов. Общее впечатление: это — дымовая завеса, выпущенная опытными иезуитами, знающими толк в двумыслиях, очистительных оговорках и мысленных изъятиях (об этих уловках хорошо написал Ю. Самарин в книге «Иезуиты и их отношение к России», вот эту работу и стоило бы подарить папе в переводе на испанский язык!).

Слова о братстве и общей радости не способны убаюкать даже самых легковверных, а вот перспективы «общения в Еухаристии» и «полном единстве» с еретиками выглядят поистине ужасающе. Всякие разглагольствования о «различных Церквях» (с большой буквы!), о духе уважения к убеждениям еретиков, об объединении с ними для «совместного свидетельства» — это квинтэссенция экуменизма.

Напомним, что еще в 2009 г. папа Бенедикт XVI по случаю избрания Кирилла на Патриарший престол послал ему вместе с поздравлениями и потир — евхаристическую чашу как «залог желания скорого достижения полного общения» (!). Таким образом, встреча в Гаване открыла «новую страницу в отношениях между двумя Церквями» (!) и, тем самым, знаменует гигантский шаг в апостасийном направлении. Оценивая итоги, римо-католики абсолютно уверены, что для полноценного евхаристического общения с нами никаких препятствий больше нет. Может быть, установление этого факта и является еще одним итогом свидания на Кубе?

В свое время митрополит Илларион (еще не будучи председателем ОВЦС) высказался за «стратегический альянс» с католиками. Тогда это откровение как будто не получило широкой огласки и не помешало ему впоследствии занять столь ответственный пост (или, напротив, помогло?!).

Но неужели мы стали настолько безразличными, что эта идея православно-католического НАТО, достойная самого бредового триллера, нас уже никак и нисколько не пугает?

И когда нам пытаются внушить мысль о необходимости «более тесного взаимодействия между христианскими Церквями (!) перед лицом «терроризма, приписывающего себя к

исламу», важно понять: этот посыл — насквозь ложный. **В мире была, есть и пребудет до конца только одна Церковь (с большой буквы!) и это Церковь — наша Православная.** Одно-временно напомним, что пресловутый мировой терроризм (якобы исламский) является искусственным продуктом и прикладным инструментом так называемой «мировой закулисы».

Если на наших глазах протестантские и реформатские лже-церкви окончательно утратили последние остатки христианской этики и лишились всех нравственных устоев, то означает ли это, что нашим «более надежным партнером» непременно должны быть римо-католики? Здесь неизбежно встает совершенно иной вопрос: чем сегодня объяснить членство РПЦ в так называемом Всемирном Совете Содома и Гоморры?

Только скорый и демонстративный выход из этого «совета нечестивых», показательное расформирование «отдела внешних совокуплений» с передачей некоторых его функций миссионерскому отделу поможет не только сохранить лицо, но и восстановить основательно пошатнувшийся престиж.

Однако последние новости не дают для этого никаких оснований. С 29 ноября по 2 декабря 2017 г. в Москве состоялся Архиерейский Собор РПЦ. Братия Свято-Успенской Почаевской лавры во главе с наместником Владимиром, митрополитом Почаевским и викарием Киевской митрополии, обратилась к священноначалию РПЦ с настоятельной просьбой о выходе нашей Церкви из ВСЦ и о «прекращении всякого участия в экуменическом пагубном движении». Это обращение было только одним из весьма многочисленных, но, возможно, самым авторитетным.

Тем не менее, в итоговых документах Собора по данному поводу не сказано ни слова. Одновременно Собор признал «исторический характер» гаванской встречи. Увы...

Надо ли тогда удивляться, что один маститый православный иерарх доступно разъяснил, почему в наших (белорусских) храмах можно молиться за католиков: «Католики не враги, они такие же христиане», «а, может быть, они завтра будут православными?» По его мнению, здесь необходимо учитывать... географический фактор. «Если бы это было в Вологде или где-то на Дальнем Востоке, тогда — нет! А мы живем в Беларуси, значит — да!» Потрясающая логика!

Что делать? Кто виноват?

Между тем, реакция не заставила себя ждать. Хор дежурных «одобрямсов» не смог заглушить голоса протеста ряда священнослужителей и мирян РПЦ. Если одной из реаль-

ных целей «исторической встречи» (и итоговой декларации) было внесение смуты и раскола в нашу Церковь, то в этом направлении были достигнуты конкретные результаты: возникло и набирает обороты движение «непоминающих» (печальное и весьма болезненное явление).

В сложившейся ситуации следует поступать с максимальной рассудительностью, избегая всяческих крайностей. Избави нас, Боже, от теплохладности и окаменённого нечувствия. Сохрани нас, Господи, от расколов и смут.

Не ушли в свое время из Церкви духоносные отцы Кирилл (Павлов), Савва (Остапенко), Николай (Гурьянов), Иоанн (Крестьянкин), а ведь это был период, когда в церковной ограде явно бесчинствовал махровый экуменист Никодим (Ротов), о чём было сказано выше.

Не оставили старцы Церковь и в ноябре 1991 г., когда нечистая сила затянула Патриарха Алексия II к раввинам в нью-йоркскую синагогу. Нет, они свято хранили Православную веру, церковные каноны и уставы, тем самым подавая пример всем нам.

Не покинем спасительный церковный корабль и мы. Враги не дождутся. Будем молиться. И помянем за богослужением, там, где это необходимо. А если надо, то накормим и напоим. Чтобы собрать побольше горячих углей на великие экуменистические головы (см. Рим. 12; 20).

«Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели, чтобы он соблазнил одного из малых сих» (Лк. 17; 1-2). О подготовке встречи в Гаване, этого «исторического и медийного события тысячелетия», знали, как было сказано, всего пять человек. Следовательно, обеспечение наличия мельничных жерновов в количестве 5 штук не выглядит такой уж невыполнимой задачей...

Будущее неумолимо. «Нужно быть слепым, чтобы не видеть приближение грозных мгновений истории, о которых говорил в своем Откровении апостол и евангелист Иоанн Богослов» — об этом высказывании Патриарха Кирилла сообщило РИА «Новости» (20.11.2017). Да, приближение конца света уже «видно невооруженным взглядом». При этом наши правящие экуменисты самозабвенно продолжают «раскачивать лодку человеческих страстей» и просто не в состоянии остановить «сползание в бездну окончания истории».

P.S. Кризисное положение в церковной среде на Украине после «исторической» встречи патриарха Кирилла с папой

Франциском на наших глазах обострилось до крайности (куда только подевались все достигнутые договоренности?).

Согласно данным департамента по делам религий и национальностей Министерства культуры Украины в стране зарегистрированы десять (10!) православных (?) организаций, в том числе «патриотические» и «обновленные» мини-церкви. Это уже не раскол, а искусственное и поощряемое властями дробление и измельчение. В полном соответствии с древнейшим принципом «Разделяй и властвуй!»

Как отмечает протоиерей Олег Трофимов, сложившаяся ситуация — «это проект Ватикана, созданный им с целью войны, а потом религиозной экспансии и прозелитизма на Руси» («Русский вестник», 2018, №20, с.11). И слава Богу, что мы не католики, и наше начальство непогрешимостью никак не обладает, как бы кому-то ни грезилось.

Для примера одна анкета:

Филарет (Денисенко), митрополит Киевский и Галицкий, патриарший экзарх Украины, постоянный член Священного Синода. Далее: жестокое и высокомерное отношение к подведомственному духовенству диктат и шантаж, внесение своим поведением и личной жизнью соблазна в среду верующих, клятвopеступление, публичная клевета и хула на Архиерейский Собор, совершение священнодействий, включая рукоположения, в состоянии запрещения, учинение раскола в Церкви. И как закономерный итог — анафема.

Вот такой экземпляр претендовал в 1990 г. на Московский Патриарший Престол. Но «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6; 7). И стоит ли так уж удивляться тому, что послушный агент Ватикана Вор-Фоломей Стамбульский взял такого типа под защиту, попытался снять с него анафему и даровал вождельную «авто-фекалию» раскольникам, самозванцам и еретикам?

Неужели иезуитская зараза и папская непогрешимость передаются воздушно-капельным путем? Об этом стоило бы хорошенько задуматься доморощенным экуменистам, в том числе и Великим Господам.

Рискнем высказать предположение. В самом ближайшем будущем станет очевидным: именно папа-иезуит использовал своего стамбульского клеветника и наперсника в роли ледокола для раскола Вселенского Православия.

Наступает момент истины, и разрыв отношений с этим «ледоколом» — не более чем полумера, Насушно необходим более решительный шаг. Подобно финикийскому Карфагену, Всемирный Совет Содома и Гоморры должен быть разрушен!

г. Минск

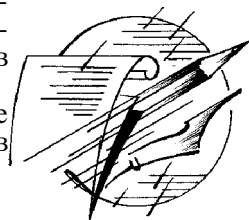
ДЕФЕКТЫ НЕРУССКОГО УМА

В одном из сентябрьских номеров «Московского комсомольца» появилась статья Александра Ципко «Дефекты русского ума: чего опасался академик Павлов». Речь шла о книге великого ученого физиолога Ивана Петровича Павлова (1849—1936) «Об уме вообще, о русском уме в частности». Ципко, как он сам признал, книгу эту не читал, а нахватал из нее цитаты из интернета, да и то лишь те, что подошли для его русофобской статьи, поступив как классический начетчик.

Три лекции академика Павлова

О чём на самом деле говорил 100 лет назад Павлов? В основу его книги легли три лекции, которые он прочел в апреле—мае 1918 г. Они были застенографированы его женой и выправлены самим академиком. Все три лекции с обстоятельным комментарием опубликованы в № 09 «Физиологического журнала им. М.И. Сеченова» за 1999 г., а книга впервые вышла в свет только 7 апреля 2015 года.

Никогда ранее текст этих лекций не публиковался. Возможно, и сам Павлов

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

сомневался в целесообразности такой публикации, весьма критической не столько по отношению к образу мыслей русского народа, сколько к советской власти, хотя такие предложения ему поступали из-за рубежа вместе с обещаниями предоставить ему лучшие лаборатории вместе с политическим убежищем. В России же в те годы это было бы не только невозможно, но и опасно для жизни. Да и после смерти Павлова опубликовать его лекции никто бы не решился уже потому, что он, как и многие видные ученые, писатели и деятели культуры, не принял Октябрьский переворот большевиков, не поддерживал советскую власть и не скрывал этого. Его дважды арестовывала ЧК, но за него заступался нарком просвещения Луначарский. А после того, как навестивший академика в 1920-м Герберт Уэллс рассказал самому Ленину о том, в каких жутких условиях приходится жить и работать Павлову, лауреату Нобелевской премии в области медицины и физиологии за 1905 г., тот распорядился «создать выдающемуся ученому И. Павлову все условия для работы». Условия создали, но Павлов продолжал в публичных лекциях резать правду-матку — обличать большевистский режим, «ведущий страну к одичанию».

В своем письме министру здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому от 10 октября 1934 г. он писал: «К сожалению, я чувствую себя по отношению к Вашей революции почти прямо противоположно Вам. Меня она очень тревожит... Многолетний террор и безудержное своеволие власти превращают нашу азиатскую натуру в позорно рабскую. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды? Да; но не общее истинное человеческое счастье. Прошу меня простить... Написал искренне, что переживаю...»

Конечно, в те годы, в атмосфере террора и подавления всякого инакомыслия Павлов, как и многие в России того времени, усомнился в мудрости русского народа, который поверил обещаниям большевиков передать землю крестьянам, а заводы рабочим, но вместо этого получил новый вариант крепостного права вместе с красным террором. «Академик Павлов, — пишет Ципко, — считал, что мечтательность и леность русского ума, не желающего видеть во всей полноте нашу русскую действительность, позволившего прийти к власти большевикам, могут, в конце концов, погубить Россию, а потому в конце своих лекций призывал соотечественников взять себя в руки и покончить с этими «дефектами русского ума». Павлов действительно это говорил. Но вину за большевистский погром России он возлагал не на простой народ, а прежде всего — на российскую интеллигенцию. Ципко же

не пожелал разобраться в этих тонкостях и всё свалил в одну кучу. А дьявол, как говорится, кроется в деталях.

Три лекции Павлова о русском уме, прозвучавшие под аккомпанемент выстрелов Гражданской войны и красного террора, разделяются на две части. Первая — это характеристика ума вообще и тех критериев, согласно которым в науке определяется истина. Вторая — это описание «русского ума». Здесь Павлов выделяет «научный русский ум, участвующий в разработке русской науки», но, по его мнению, «относительно мало влияет на жизнь и историю». Поэтому Павлов в своем анализе русского ума решил этот ум не учитывать. Его интересует «массовый, общежизненный ум, который определяет судьбу народа». Но этот ум он предпочитает подразделить: «Это будет, во-первых, ум низших масс и затем — ум интеллигентский». Но и здесь, замечает Павлов: «...ум низших масс придется оставить в стороне». Почему?

«Массовый ум» или «ум низших масс», по Павлову, а в современном варианте «массовое сознание», легко поддается манипулированию, чем в свое время умело воспользовались большевики, а в наше время активно пользуются средства массовой информации как в России, так и за рубежом. Механика действия «массового ума» практически одинакова как в России, так и за ее пределами и базируется на стереотипах и ложных представлениях о действительности. Это ум предвзятостей, предрассудков и симулякров.

Павлов приводит такой пример: «Как-то, несколько недель тому назад, в самый разгар большевистской власти, мою прислугу посетил ее брат, матрос, конечно, социалист до мозга костей. Всё зло, как и полагается, он видел в буржуях, причем под буржуями разумелись все, кроме матросов и солдат. Когда ему заметили, что едва ли вы сможете обойтись без буржуев, например, появится холера, что вы станете делать без докторов? — он торжественно ответил, что всё это пустяки. «Ведь это уже давно известно, что холеру напускают сами доктора». Павлов заключает свой рассказ о матросе-большевике следующим вопросом: «Стоит ли говорить о таком уме и можно ли на него возлагать какую-нибудь ответственность?»

Для Ципко ум павловского матроса — это и есть настоящий русский ум со всеми приписываемыми ему «дефектами». Но для Павлова — это ум необразованной массы, вчерашних рабов-крепостных, которыми манипулировала сориентированная на Запад интеллигенция, мечтавшая осуществить в России революцию по французскому образцу.

Павлов дал точный анализ революционной болезни масс российских рабочих и крестьян: «То, что имеет значение, оп-

ределяя суть будущего, — это, конечно, есть ум интеллигентский. Мне кажется, что то, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентского ума, массы же сыграли совершенно пассивную роль, они восприняли то движение, по которому их направляла интеллигенция». А интеллигенция, по его словам, «не столько старалась о просвещении и культивировании народа, сколько о его *революционировании*» (курсив мой. — **В.Б.**).

По прочтении статьи Ципко в «МК» становится ясно, что он и его единомышленники хотели бы сыграть такую же роль в современной России — революционизировать массы, недовольные существующим режимом и царящей в стране коррупцией, чтобы на их энтузиазме вновь прийти к власти. И, если такое, не дай Бог, случится, если собьют нашу страну с того курса на защиту своего суверенитета, на который она, наконец, встала, нет никакого сомнения в том, что эти господа сдадут Россию со всеми ее богатейшими природными и человеческими ресурсами Западу. Ципко этого и не скрывает: «Трудно поверить в будущее страны, у которой не только политики, но и представители исторической науки сошли с ума и считают, что суверенитет бедности, дикости и невежества предпочтительнее благосостояния, прогресса, достигаемого утратой «привилегий» на независимость от *превосходящего нас в культурном и цивилизационном отношении Запада*» (курсив мой. — **В.Б.**). В этом пассаже, заключающем статью Ципко в «МК», явно сказываются те дефекты его нерусского ума, которые характерны для самого Ципко и его единомышленников, сориентированных на Запад. Это их готовность сдать суверенитет России за приобщение к «демократии» и «обществу потребления». В этом суть их «либерального патриотизма» и в этом причина того, почему русский народ предпочел поддержать Путина, особенно активно после воссоединения Крыма с Россией, и осудить «болотную оппозицию». Это — исторический выбор. Великий Иван Ильин говорил: «Мы призваны творить свое и по-своему русское по-русски».

Ненавистники России

Откуда берутся эти современные квислинги, почему у них русофобия стала условным рефлексом на слово «русский», как у собаки Павлова на звонок, — можно проследить по жизненному пути самого Ципко. Это личность одиозная. В советское время карьера его складывалась в рамках полной благонадежности и верности режиму. Отслужив свои три года

в войсках Главного разведуправления Минобороны СССР, он поступил на философский факультет МГУ, который успешно закончил в 1968 году, очевидно, заочно, так как в его трудовой биографии отмечена работа в отделе пропаганды «Комсомольской правды» в 1965—1967 гг., а в 1967—1970 гг. — в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ. Был он тогда типичной «серой мышкой» и, хотя я работал в «Комсомолке» с 1965 по 1970 год, я его не запомнил, так как ни в чём выдающемся он в то время не был замечен. Куда успешнее Ципко выступал в науке. После защиты кандидатской диссертации в 1971 г. он работал в Институте международных экономических и политических исследований РАН (бывший Институт экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР), где и числится в штате до сих пор.

С 1978 по 1980 г. Ципко — доцент Института философии и социологии Польской академии наук. Этот институт был в те годы своего рода интеллектуальным центром польского контрреволюционного подполья, той интеллигенции, которая выступала с социал-демократических и неотроцкистских позиций. С Куронем, Модзелевским, Михником и другими идеологами «Солидарности», с лидерами созданного в 1976-м объединения Комитета общественной самозащиты — Комитета защиты рабочих (КОС—КОР) Ципко был знаком не понаслышке. В Польше в 1980 г. он получил степень полного доктора философии ПНР.

В 1985 г. Ципко защитил докторскую диссертацию уже в Москве по теме «Философские предпосылки становления и развития учения Карла Маркса о первой фазе коммунистической формации». К этому времени подоспела перестройка, и Ципко зачисляют консультантом отдела социалистических стран ЦК КПСС. Расцвет его советской карьеры пришелся на 1988—1990 гг., когда он работал помощником у «архитектора перестройки», секретаря ЦК КПСС, социал-предателя и патентованного русофоба А.Н. Яковлева. При таком шефе бывший марксист Ципко уже мог не скрывать за наукообразными формулировками свой антикоммунизм пополам с русофобией. Статьи Ципко «Истоки сталинизма», опубликованные в 1988 и 1989 годах в журнале «Наука и жизнь», положили начало легальной критике марксизма в СССР. А его книга «Как заблудился призрак» (так была обыграно известная фраза из «Коммунистического манифеста»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»), изданная в Москве в 1990 г., стала своего рода манифестом легального антимарксизма в СССР. Подвиги Ципко на этой ниве антикоммунизма были замечены и оценены теми, кто руко-

водил «пятой колонной» в СССР, что позволило ему процветать и в постсоветской России.

В 1991 г. Ципко ездил в Израиль читать лекции и знакомиться с историей сионизма. Сразу же после развала СССР в январе 1992 г. он принимал участие в создании Фонда Горбачева, был директором научных программ фонда. 1992—1993 гг. Ципко проводит в Японии как приглашенный профессор Университета Хоккайдо. Итогом этой командировки стала его книга «Прощание с коммунизмом» (Токио, 1993, изд. на япон. языке). В 1995—1996 годах он находится в США как приглашенный исследователь Центра Вудро Вильсона.

После этой стажировки он занимает пост директора Центра политологических программ Международного фонда социально-экономических и политологических исследований «Фонда Горбачева», а затем главного научного сотрудника Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН.

Новая власть в России выходцев из гадючьего гнезда А. Н. Яковлева, как и самого Горбачева с его фондом, воспринимала однозначно: их близко не подпускали, но и не преследовали. К ветеранам советского антимарксизма относились так же брезгливо, как и к идеологам КПРФ. Борьба идей уступила место борьбе за власть и деньги. Очевидно, ностальгия по перестроечному времени, когда Ципко был при власти, заставила его попытаться доказать свою нужность новому режиму.

В 1990-х годах он публикует статьи с критикой гайдаровских реформаторов, выдвигает идею «либерального патриотизма» в духе российского либерала Гозмана. В период Второй чеченской войны и Российско-грузинского конфликта 2008 года Ципко публично поддержал действия российского руководства. В 2012—2014 годах он отмежевывался от российской «пятой колонны», осудил марши «болотной оппозиции» и даже сравнил Навального с Лениным, ввергшим Россию в хаос революции и Гражданской войны.

Это было поистине Смутное время. После попыток вернуть Россию в ряды вассалов Вашингтона с помощью «перезагрузки» за океаном попытались разыграть карту «Горбачев-2» и протолкнуть Дмитрия Медведева на второй президентский срок. Не получилось. После мюнхенской речи Путина, когда стало ясно, что Россия уходит из-под диктата США и намерена идти самостоятельным путем, в ход был пущен сценарий «цветной революции». В 2012 году «болотная оппозиция» была отобилизована на штурм Кремля и срыв инаугурации Путина. Когда и это не работало, банде-

ровская агентура, давно прикормленная ЦРУ, вышла на майдан в Киеве. Результат известен: законно избранный президент Янукович вынужден был спасаться бегством. Вслед за этим новая проамериканская власть взяла курс на интеграцию в НАТО, и первым ее взносом в этот альянс должен был стать Севастополь, где база Черноморского флота России должна была, по сценарию ЦРУ, перейти к 6-му флоту США.

Но гладко было на бумаге. Крымчане на референдуме 2014 г. проголосовали за воссоединение с Россией. Тем же путем мог пойти и Донбасс. Затем Харьков и Одесса. Вот это и стало той точкой невозврата, за которой остались все иллюзии о превращении России в покорного вассала Вашингтона и мечты либералов-западников о ее «переходе в западную цивилизацию».

Ципко быстро сориентировался или его сориентировали, не берусь судить. Известно только, что после захвата власти бандровцами на Украине, присоединения Крыма к России и провозглашения ДНР и ЛНР Ципко как переменили. Он принял обвинять российские власти в реставрации «неосталинизма» и «неосоветизма»; заявил, что «безбашенные патриоты-антизападники» опаснее «безбашенных либералов-разрушителей», так как первые отстаивают идею «тотальной конфронтации России со всем цивилизованным миром».

29 октября 2016 г. Ципко публикует в «Независимой газете» статью «Посткрымская Россия больна душой». Это своего рода вопль отчаяния всех тех «западников», от перестройщиков до болотных штурмовиков, которые впервые после развала СССР встретились с таким подъемом русского патриотизма и с единодушным осуждением угодничества рослибералов заокеанским претендентам на мировое господство. Ципко бесхитростно предлагает услуги таких, как он, «либерал-патриотов» российской власти: «Эти люди, кого в последнее время часто называли «предателями», сохранили шансы для развития России. И власть, на мой взгляд, во имя будущего страны должна повернуться к ним лицом и не связываться в дальнейшем с «мечтателями» из Изборского клуба. Тем более что после присоединения Крыма к России и рождения антирусской Украины, никакого русского мира уже не существует».

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Устами философа Ципко звучит знакомое по Второй мировой войне: «Рус, здавай!» А русские не сдавались, бились до последнего за свое право быть русскими и жить в своей России и только потому разгромили фашистские орды, собранные Гитлером со всего «цивилизованного Запада». Что же помогало им вы-

стоять и победить? Именно вера в Россию, в ее историческую миссию. Не было б этой веры, не было бы и России. Верно говорил наш великий реформатор П.А. Столыпин: «Народ, не имеющий национального самосознания, — есть народ, на котором произрастают другие народы». Квислинги от идеологии, подобные Ципко, прекрасно это понимают и потому не устают бить в одну и ту же точку, пытаясь дискредитировать русское национальное самосознание и подменить его западной торгашеской идеологией.

Кто ставит крест на русском народе

Как у всех русофобов, отсутствие желания русского народа воспользоваться их услугами, а тем более взять их в духовные лидеры вызывает у Ципко этакие конвульсии ненависти ко всему русскому. После очередного такого его припадка на страницах «Независимой газеты» не выдержал даже обычно толерантный Виталий Третьяков: «Александр Сергеевич поставил-таки в этой статье крест на русском народе. Окончательно. Фактически. Железно». Цитирую из финального абзаца статьи Ципко: «Оздоровление нынешних русских мозгов и нынешней русской души — дело не одного поколения <...> Никто в Европе не находится в таком разладе со здоровым смыслом, как мы, россияне... <...> Лично для меня и уже, к счастью, для многих тошно вечно жить во лжи очередных русских мифов».

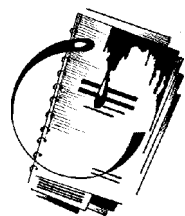
В истории России немало было западников, от Чаадаева и Герцена до Чернышевского и Салтыкова-Щедрина, искренне веривших в то, что России следует идти по пути Запада, хотя, в отличие от Ципко, остававшихся настоящими патриотами России. Сегодня новые квислинги от идеологии витийствуют, понося русский народ, не сознавая, что обречены на презрение и забвение. «Мы русские и потому победим», — говорил наш великий полководец Александр Суворов.

В ЧЁРНО-БЕЛОМ ОБРАМЛЕНИИ

65 лет назад, 7 сентября 1953 года, на пленуме ЦК КПСС Первым секретарём ЦК был избран Никита Сергеевич Хрущёв (1894—1971), который находился на этом посту до октября 1964 г., одновременно с 1958 г. занимая пост председателя Совета Министров СССР.

На его могиле стоит памятник работы известного скульптора Э.Неизвестного — скульптурная голова (в первоначальном варианте позолоченная, потом позолоту убрали) в обрамлении из белого и чёрного полированного камня. Памятник — откровенный символ: умная (золотая) голова, совершившая как хорошие, так и плохие дела.

Можно с большой уверенностью предположить, что в глазах скульптора-диссидента, который безуспешно рвался из СССР на историческую родину, а потом всё-таки уехал в США, хорошие дела — это «разоблачение» Сталина, реабилитация жертв репрессий и смягчение цензуры («оттепель»), а плохие дела — погром выставки авангардистов в московском Манеже, нападки на поэтов Вознесенского, Евтушенко и (попавшего «под раздачу») Рож-

ДОСЬЕ "МГ"

дественского и повторное, хотя и не столь сильное, завинчивание цензурных гаек.

Возможно, Э.Неизвестный по-своему прав. Нам же лучше оценивать дела Хрущёва с позиции людей, у которых историческая роля — Россия.

Время правления Хрущёва пришлось на старшие школьные и студенческие годы автора настоящих заметок — юный возраст, когда воспринимается больше позитивного, чем негативного, и на жизнь люди смотрят романтическими глазами. Поэтому личные впечатления того времени оставили много хорошего.

Прежде всего, привлекала манера Хрущёва говорить простым «народным» языком, ездить по стране, встречаться с простыми тружениками.

Далее. При нём была сокращена рабочая неделя с 48 до 46 часов (в предвыходной и предпраздничный день стали работать 6 часов), затем перешли и на 42-часовую неделю.

При нём стали выплачивать достойные пенсии.

При нём появилась массовая пассажирская авиация (лайнеры Ту-104 и Ил-18).

При нём развернулась реконструкция железных дорог, и поездка из Новосибирска в Москву стала занимать не 5, а 4, затем и 3 суток.

При нём несколько улучшилось снабжение городов первоочередными продуктами питания (крупами, сахаром, мукой, рыбой).

При нём развернулось жилищное строительство, началось переселение людей из подвалов и коммуналок в отдельные квартиры (хотя необузданная типизация строительства имела ряд очень серьёзных негативных последствий).

При нём началась романтика «комсомольских ударных строек» (тогда родились и первые романтико-патриотические песни гениальной А.Пахмутовой).

Наконец, при нём ракетой сбили американца Пауэрса, а через год, 12 апреля 1961 г., ракетой запустили в космос Юрия Гагарина. Это был действительно день всенародного ликования, и это, пожалуй, был пик авторитета (рейтинга, по-современному) Хрущёва.

Даже «разоблачение» Сталина и замораживание на 20 лет выплат по облигациям не сильно поколебали его авторитет. В отношении Сталина люди ужаснулись, но поверили, как верили всему, что говорила высшая власть. А с облигациями и того проще. Раньше на них «добровольно» подписывались (на сумму до 5—7% месячной зарплаты), но погашения бывали редки, теперь же Хрущёв облигации вообще отменил.

Дальше его авторитет в глазах общества пошёл под уклон, и вместо насмешливо-добродушных анекдотов пошли злые, особенно после XXII съезда партии (октябрь 1961-го), торжественно провозгласившего, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Что такое коммунизм (кроме лукавого тезиса «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»), никто, даже профессиональные пропагандисты, сказать не мог, зато все видели, что заметных улучшений нет. Авантюрный 7-летний план, принятый на XXI съезде (февраль 1959), — к 1965 году «догнать и перегнать» США по объёму производства и выйти на первое место в мире — после повышения цен на мясомолочные продукты в мае 1962 г. уже никто добрым словом не поминал. Раздражало и стремление борца с культом личности установить культ своей личности. Все газетные репортажи о его поездках в колхозы и на заводы, о встречах с учёными и писателями заканчивались рефреном: «Никита Сергеевич дал ряд ценных советов и указаний». Однако «уклон» самого Хрущёва, не всеми замеченный, начался с самого начала его «тронной» деятельности.

19 февраля 1954 г., т.е. через пять месяцев после избрания, Постановлением Президиума Верховного Совета СССР по просьбе Президиума ВС РСФСР Крым был передан из состава РСФСР в состав УССР под предлогом «общности экономики, территориальной близости и тесных хозяйственных и культурных связей между Крымской областью и Украинской ССР». «Дельце» было обтяпано «по-домашнему», с нарушением Конституции СССР, ибо территориальные вопросы не могли решаться без согласия Верховного Совета РСФСР. Единственного открытого противника этой акции — первого секретаря Крымского обкома П. Титова убрали. Это был поистине царский подарок «родной» Украине по случаю 300-летия её воссоединения с Россией. Вернуть Крым законному владельцу удалось только через 60 лет, удалось с большими международными неприятностями.

18 июля 1955 г. в Женеве состоялись переговоры лидеров СССР (Н.С. Хрущёв и тогдашний Председатель СМ СССР Н.А. Булганин) с лидерами США, Англии и Франции с целью смягчения международной обстановки. Западные страны уклонились от обсуждения советских предложений, выдвинув при этом устами президента США Д. Эйзенхауэра три условия, необходимые для улучшения отношений: сокращение вооружённых сил СССР, осуждение деятельности Сталина и... отмена запрета на аборт, существовавшего у нас с 1937 г. Эти условия Хрущёв усердно начал выполнять.

До конца 1955 г. было сокращено 640 тыс. военнослужа-

ших, в 1956-м — 1 млн. 200 тыс., в 1957-м — ещё 300 тыс., итого — 2 млн. 140 тыс. Было расформировано 63 дивизии, много военных училищ. Новейшие корабли резали на металлолом, новейшие самолёты прямо на аэродромах давили бульдозерами. Офицеры, знавшие только военное дело, а большинство — не имевшие выслуги лет (т.е. права на пенсию), были выброшены на улицу, по существу, без средств к существованию. (У 18-летнего автора, работавшего в 1959 г. на стройке в простенькой должности стропальщика, напарником был уволенный из армии 35-летний капитан, который ни достойной мирной профессии, ни жилья не имел, и с женой и маленькой дочкой ютился на птичьих правах в крохотной сторожке при стройке.)

Реформа армии, в том числе и её сокращение (в 1953 г. в ней насчитывалось 5 млн. 400 тыс. человек), была необходима. Нужно было отказываться от производства устаревшей техники (например, от строительства дорогостоящих и, как показала война, малоэффективных линкоров, на чём, вопреки мнению адмирала Кузнецова, настаивал Сталин). Нужно было оснащать армию более совершенным и сложным оружием. Но хрущёвскую реформу иначе как варварской, бесчеловечной назвать нельзя (выражал ли протест против такой реформы маршал Жуков, бывший министром обороны в 1955—57 гг., не известно).

В 1960 г. (при послушном министре обороны маршале Малиновском) было ещё одно сокращение — 1 млн. 300 тыс. И, хотя оно было вызвано не требованиями США, а нашими успехами в ракетной области, — проводилось столь же варварскими методами. Ракетные успехи настолько вскружили голову лидеру государства, что он (не без нащёптывания ракетчиков, в первую очередь, Челомея) похерил и ствольную артиллерию, и стратегическую авиацию, и крупное надводное кораблестроение. Потом наше отставание в этих областях пришлось преодолевать с непомерно большими затратами.

Была ещё одна негативная сторона «реформы»: в народе упал авторитет армии — Армии-победительницы, благоговение перед ней. «Косить» от призыва становилось делом массовым, на поступавших в военные училища стали смотреть как на неудачников в жизни, а потом пошли и анекдоты про «тупых» старшин и полковников.

В феврале 1956 г. Хрущёв выполнил второе условие Эйзенхауэра — на XX съезде КПСС выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях». Об этом «закрытом» докладе, вскоре ставшем известным всей стране, написано и сказано много. Написано и о том, что Хрущёв был одним из са-

мых рьяных активистов репрессий 1937—1938 гг. (на его записке об увеличении «квоты» расстрельных дел Сталин даже написал: «Уймись, дурак!»). Повторяться не будем. Отметим лишь, что в политических репрессиях пострадало множество невинных людей, и реабилитация их была необходима. Однако сделать это можно было, не трогая памяти вождя. Хрущёв же очернением Сталина, да ещё насквозь лживым, нанёс такой удар по авторитету высшей государственной власти и социалистического строя, какой не смогли бы нанести десятилетия непрерывного вещания «Свободы», «Немецкой волны», «Голоса Америки» и прочих подрывных зарубежных радиоголосов. Не менее сокрушительный удар он нанёс и по международному авторитету СССР, по влиятельным международным левым силам, симпатизировавшим Советскому Союзу, всегда поддерживавшим его и оказывавшим влияние на правительства стран Запада. Он оттолкнул от СССР и многие страны Востока (в первую очередь, Китай).

Ещё раньше, в 1955 г., Хрущёв выполнил и третье условие США, Англии и Франции. В стране были разрешены аборт, и с 1956 года начался взрывной рост их числа: в 1964 г. в РСФСР по их числу был поставлен 5-миллионный рекорд. Суммарное число абортов в Российской Федерации с 1960 по 2008 год составило 185 миллионов, что почти в семь раз больше общих демографических потерь СССР в Великой Отечественной войне и в 1,3 раза превосходит современную численность населения России. Любопытно, что сами западные страны в данном вопросе не спешили. В Англии аборты были разрешены в 1967 г, в США — в 1973-м, а во Франции — и вовсе в 1979-м.

Нынешние члены КПРФ и сочувствующие им обыватели нередко утверждают, что «Моральный кодекс строителя коммунизма», принятый на XXII съезде, был, по сути, повторением заповедей Христа (кроме самой первой). О нелепости этого утверждения говорит тот факт, что сам Никита Сергеевич был лютым атеистом и в 1959 г. пообещал через 7 лет показать по телевизору «последнего попа». И эти слова не расходились с делами. Хрущёвская «семилетка» (1959—1964) отличилась очередным, третьим по счёту, церковным погромом. Было закрыто много действующих церквей, а счёт уничтоженным храмам, даже давно закрытым (в числе которых были и памятники архитектуры), шёл на сотни. К счастью, на сей раз православного духовенства тюремный каток почти не коснулся.

Особое внимание неутомимый реформатор уделил сельскому хозяйству. Его деятельность в этой области достойна отдельной книги, поэтому ограничимся лишь некоторыми мо-

ментами. Вначале он ликвидировал государственные МТС (машинно-тракторные станции, которые обслуживали колхозы транспортом, посевной и уборочной техникой) и передал технику колхозам, у которых ни средств для её выкупа, ни своих мастерских, ни своих механизаторов не было. Вслед за этим он развернул кампанию по укрупнению колхозов и совхозов (их число было сокращено вдвое), в результате чего большинство хозяйств, разбросанных по разным деревням, стало неуправляемым. Он же начал и курс на ликвидацию «бесперспективных деревень», который проводился с большевистской решительностью и который писатель В.И. Белов назвал «преступлением перед русским крестьянином». Сюда можно добавить, что из всех советских республик минимальные закупочные цены на сельхозпродукцию были установлены для РСФСР, а в РСФСР самые минимальные — для Нечерноземной зоны, которая больше всего нуждалась в государственной поддержке. Сюда можно также добавить и повсеместное насаждение (в прямом и переносном смысле) «царицы полей» — кукурузы. Методы были, как обычно, революционными. Сажали её даже там, где она в принципе расти не могла — в Архангельской области и в Восточной Сибири, занимая под неё пашни, уготованные пшенице и ржи. Чтобы к 1965 году «догнать и перегнать Америку по производству мяса, масла и молока на душу населения», реформатор велел лишить крестьян покосов и передать свой личный скот на молочные фермы. Все эти меры к другим союзным республикам и к автономиям внутри РСФСР не относились.

Да, реформы в сельском хозяйстве были необходимы (средняя урожайность зерна в стране в 1950 г. составляла всего 7,2 ц/га — ниже, чем в 1913-м), но хрущёвские реформы привели к тому, что СССР с 1963 года, впервые (в том числе и за всю историю России) стал закупать хлеб за границей.

Были ещё и административно-управленческие реформы, направленные на децентрализацию управления экономикой, на приближение управленцев к местам производства: например, такие, как создание вместо отраслевых министерств территориальных совнархозов. Реформы, повторяю, были нужны, ибо жёсткая централизация, необходимая в военные и первые послевоенные годы, блокировала хозяйственную инициативу руководителей предприятий. Но и эти реформы не дали ничего, кроме временного паралича управления и раздувания чиновничьего аппарата — министерские чиновники из Москвы никуда не уехали, зато на местах чиновничье сословие выросло, как на дрожжах.

В 1964 году на праздновании 90-летия Черчилля в парла-

менте Великобритании был произнесён тост в его честь как ярого борца с Советским Союзом, на что юбиляр ответил: «Сейчас имеется человек, который нанес урон Стране Советов в тысячу раз больше, чем я. Это Никита Хрущёв. Так похлопаем ему!» И в этих словах — не слишком большое преувеличение.

Действительно, Н.С. Хрущёв сделал немало плохого для нашей страны, но он искренне хотел делать только хорошее. Получилось же так потому, что он был в плену, по крайней мере, трёх иллюзий. Во-первых, был убеждён, что раз социалистический строй самый лучший, то он автоматически обеспечивает высший уровень благосостояния народа, надо только постараться. Здесь сказалась его элементарная необразованность, незнание того, что благосостояние прежде всего зависит от геополитических, био- и геоклиматических условий, а не от общественного строя. Во-вторых, он был твёрдо уверен, что авторитет партии (который он сам же уронил докладом о Сталине) столь высок, что стоит только партии сказать: «Надо!», как народ, не раздумывая, ответит «Есть!». Народ оказался несколько иным. В третьих, он наивно полагал, что с Западом можно по-хорошему обо всём договориться. Это тоже результат его необразованности, незнания истории и реальной политики. На эти иллюзии наложился и его импульсивно-холерический характер. Люди такого склада зачастую сначала делают, а потом думают.

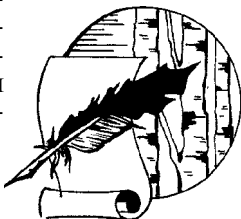
В 1992 году пришли новые реформаторы, которые тоже хотели сделать хорошее, но — только для себя. Но их реформы продолжаются...

г. Новосибирск

ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Известно, что Цветаева не любила слова «поэтесса», предпочитая называть себя поэтом. Однако сейчас речь пойдет о такой странице ее биографии, где особенно отчетливо проявилась не только ее поэтическая сущность, но и женское, материнское начало: чтобы спасти дочек, она рискует жизнью, жертвует творчеством, подавляет свои человеческие страхи и фобии — и отправляется в неведомую и опасную по тем временам Усмань, где она «чуть голову не оставила», чтобы привезти оттуда, если удастся, хоть сколько-нибудь еды для тающих от голода малышей...

В начале сентября 1918 года Марина Цветаева получает пропуск в Тамбовскую губернию «для изучения кустарных вышивок». Видимо, такая командировка была нужна для оформления разрешения на «вольный проезд (провоз) в 1 и 1/2 пуда» продуктов из российской глубинки, ибо железные дороги тогда закрыли для свободного проезда, тем более — провоза чего бы то ни было, чтобы поставить заслон «мешочникам» и спекулянтам, которые хорошо наживались тогда на голоде горожан.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Вернулась в Москву Марина в конце сентября — с небольшим запасом съестного и массой впечатлений, которых хватило потом на долгие годы творческого вдохновения. Самое значительное и сразу по следам поездки написанное произведение — очерк «Вольный проезд», который иногда называют эссе или даже маленькой повестью. А еще сразу же по возвращении и вплоть до конца жизни будет писать она стихи, навеянные тем поворотным в ее судьбе и творчестве путешествием по крестьянской России, с которой она, по сути, впервые встретилась так близко, так зримо, а главное, услышала ее голос, ее говор, ее дыхание и боль...

Почему выбор Цветаевой пал на Усмань? Вряд ли она выбирала. Первые записи, с которых потом начнется «Вольный проезд», она делает еще в Москве:

«Пречистенка, Институт Кавалерственной Дамы Чертовой, ныне Отдел Изобразительных Искусств. Клянусь Богом, что живи я полтора года лет назад, я непременно была бы Кавалерственной дамой! (Нахожусь здесь за пропуском в Тамбовскую губ<ернию>... — за пшеном.)

Да, будь она кавалерственной дамой — не пришлось бы ей так бедовать и страдать.

Из записной книжки Цветаевой в конце августа 1918 года, практически накануне поездки в Усмань:

«Анна Ахматова! Вы когда-нибудь вонзались, как ястреб, в грязную юбку какой-нибудь бабы (летучие вокзальные молочные хвосты) — в 6 ч. утра — на Богом забытом вокзале, чтобы добыть Вашему сыну молоко?!»

Вот как описывает она себя в то время:

«Зеленое, в три пелерины пальто, стянутое широченным нелакированным ремнем (городских училищ). Темно-зеленая, самодельная, вроде клобука, шапочка, короткие волосы. Из-под плаща — ноги в серых безобразных рыночных чулках и грубых, часто нечищенных (не успела!) — башмаках. На лице — веселье...»

И еще: *«Что меня заставляет так мучиться с этими очередями, кооперативами, Смоленскими, вокзалами? — Д<олжно> б<ыть>, всё-таки — чувство долга, но так как я от природы чувствую отвращение к долгу, я бессознательно (из самообороны!) превращаю всё это в приключение».*

Вот такое приключение — от отчаяния и безысходности — привело ее и в Усмань. Станция назначения объясняется просто: туда пригласил Цветаеву ее знакомый, выведенный в очерке под буквой «N», а в записных книжках упомянутый ею как некто Малиновский.

Сам он ехал туда с другом и его тещей, сын которой служил красноармейцем в усманском реквизиционном продо-

вольственным отряде. Герои так и остаются безымянными — друг, теща, сын, впоследствии мелькнувший как Колька. И вообще в очерке практически нет имен, названий, адресов или даже конкретных примет тех мест, где останавливались Цветаева и ее спутники. Для нее всегда важнее лица, речи, чувства, отношения, голоса, важна жизнь, время. И в бушующей России, вздыбленной войнами и революцией, Усмань вряд ли выделялась чем-то особенным.

В ней так же, как и везде, одни грабили и убивали, прикрываясь именем революции и интересами пролетариата, другие дрались за свое добро и семьи, прятали зерно и скот от реквизиций, третьи, пользуясь моментом и властью, жировали на бедах и распрях народных, четвертые просто выжили как могли. И вся эта неведомая ей доселе жизнь обрушилась на Цветаеву, абсолютно не приспособленную к элементарному быту, с такой яростью и силой, каких она всё-таки не знала, даже «весело» мотаясь по очередям по голодающей Москве, где она была, тем не менее, дома...

Контраст тем разительнее, что весь сумасшедший «проект» рискованного приключения начинался во... дворце Долгоруковых на Пречистенке. Цветаева называет его институтом кавалерственной дамы Чертовой, на самом деле этот роскошный особняк строился в 1788 году для генерал-аншефа и сенатора Михаила Кречетникова. В 1795 году особняк приобрели князья Долгоруковы, которые владели им более полувека. В 1863 году особняк арендует Александро-Мариинское училище для девочек, основанное на средства жены генерала П.А. Чертова, коменданта Парижа 1814 года, кавалерственной дамы В.Е. Чертовой, позднее преобразованное в Александро-Мариинский институт благородных девиц. В 1868 году усадьба была выкуплена В.Е. Чертовой и перешла в полную собственность института.

После ее смерти частное училище преобразовали в казенный институт, где учились дочери бедных офицеров. Попечительницей института являлась перед революцией Елизавета Федоровна, вдова убитого великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы, ныне причисленная Русской Православной Церковью к лику святых мучеников: была сброшена живой в уральскую шахту во время расправы большевиков над Романовыми в 1918 году.

После революции здания усадьбы занимали многочисленные учреждения. Здесь-то и получала Цветаева спасительное — потому что в дороге оно не раз выручало всю компанию «путешественников» — удостоверение на вольный проезд.

Интересна дальнейшая судьба особняка: обветшавший дворец был отреставрирован, и в 2001 году в нем открыт Выставочный комплекс Галереи искусств Зураба Церетели, который впоследствии создал памятник Цветаевой, установленный во Франции. Кстати, Цветаева очень не любила «пластические» искусства...

«Посадка в Москве. В последнюю минуту — точно ад разверзся: лязг, визг. Я: «Что это?» Мужик, грубо: «Молчите! Молчите! Видно, еще не ездили!» Баба: «Помилуй нас Господи!» Страх, как перед oprичниками, весь вагон — как гроб. И, действительно, минуту спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам».

Это в начале «Вольного проезда». Подобная запись в дневнике Цветаевой датирована 3—4 сентября 1918 года. Хотя ранее в интернете «гуляли» разные другие даты, в том числе 6 сентября. Судя по всему, 6-го числа они уже добрались до Усмани. Так что сто лет назад нога Марины Цветаевой ступила на усманскую землю.

При всём ужасе, который Марине пришлось пережить уже на московском вокзале (в дневнике она так и пишет: *«Не забыть посадку в Москве...»*), в самом начале этого «веселого приключения», когда их в конце концов сажают в поезд на основании того самого удостоверения на «провоз», по-настоящему весь трагизм своего положения Цветаева осознала только уже в пути.

Надо было действительно быть поэтом, человеком не от мира сего, чтобы согласиться на подобную поездку «за пшеном», полагаясь лишь на какие-то неопределенные обещания знакомых добыть в деревне пшена, муки и даже сала (!) в обмен на городское «добро». Которого у Цветаевой, как человека совершенно непрактичного и небогатого, всего-то ничего — *«три куска мыла, пачка спичек, десять аршин сатину»*.

Вряд ли она представляла себе реальные детали этого обмена. Но в поезде ее быстро просветили, и она «трагически» начинает уяснять, что едут они *«на реквизиционный пункт и... почти что в роли реквизирующихся. Утещи сын-красноармеец в реквизиционном отряде. Сулят всякие блага (до свиного сала включительно). Грозят всякими бедами (до смертоубийства включительно). Мужики озлоблены, бывает, что поджигают вагоны. Теща утешает: «Уж три раза ездила — Бог миловал... А что мужики злятся — понятное дело... Кто же своему добру враг? Ведь грабят, грабят вчистую! Я и то уж своему Кольке говорю: «Да побойся ты Бога!.. Ну, захватил такую великую власть, ничего не говорю — пользуйся, владей на здоро-*

вье! Такая уж твоя звезда счастливая... Бери за полцены, чтоб и тебе не досадно, и ему не обидно. А то что ж это, вроде разбоя на большой дороге... Не возьмет он этого в толк, что в лоск обирать — себя разорять! И корову доить — разум надо. Жми да не выжимай... А уж почет-то мне там у него на пункте — ей-Богу, что вдовствующей Императрице какой! Один того несет, другой того гребет. Колька-то мой с начальником отряда хорош, одноклассники, оба из реалки из четвертого класса вышли: Колька — в контору, а тот просто загулял. Товарищи, значит. А вот перемена-то эта сделалась, со дна всплыл, пузырек вверх пошел. И Кольку моего к себе вытребовал. Сахару-то! Сала-то! Яиц! В молоке — только что не купаются! Четвертый раз езжу»...

В Усманском уезде, по разным данным, по селам и деревням свирепствовали в то время от четырех до восьми, а может, и больше реквизиционных продовольственных отрядов. Понятно, что крестьянам центрального Черноземья пришлось ту же всех, ибо хлеб у них был, и выгребали его из мужицких «хоронушек» вчистую. Мало того, выгребали вообще всё, что хорошо или плохо лежало. Видимо, попав в продовольственный отряд, человек переставал быть человеком, становился частью этой реквизиционной «машины», функцией, за неисполнение которой грозило уничтожение: «или с нами, или против нас».

По выражению Ленина, это был «крестовый поход» за хлебом, в котором главенствующую роль играли продовольственные отряды, собирающие у крестьян «излишки» — вплоть до реквизиции имущества, жилья и даже смертоубийства не желающих «сдавать» свое добро людей, а также заградительные отряды, призванные «не пущать» добытые самостою продукты в город, «перекачивая» их — и это в лучшем случае — в государственный загром.

И самых больших успехов в экспроприации хлеба у кулаков и всероссийской славы добился именно усманский отряд, руководил которым некто Яков Лутков. 21 июня 1918 года его отметил сам Владимир Ильич, выступая на митинге в Сокольничьем клубе: *«Когда я читаю сообщение, что в Усманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я всё-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!»*

Аргумент, конечно, сомнительный, особенно учитывая, что речь шла не о голодающих горожанах, а о крестьянах, даже и

«беднейших», которые сами в принципе жили на земле и кой-что из продуктов вполне могли вырастить. Говорю это как человек, начинавший свою жизнь в России с клочка огорода, где неумело и на авось в первый же год мы вырастили самое главное — картошку. Для зерна, конечно, нужны большие площади, но тоже вполне реальное дело.

Однако факт остается фактом: в 18-м году люди голодали, и чтобы их накормить, решено было «отнять» (у тех, кто всё-таки вцепился в землю и трудился на ней, не желая за бесценок по «твердым» государственным ценам продавать хлеб государству) и «поделить».

Возглавив такой отряд, Яков Лутков, в частности, прошел своего рода «революционное» чистилище, наверняка оправдывая свою деятельность благородными целями. Как царевичи похвалялись своим «подвигом», так и продотрядовцы гордились впоследствии крестовым походом супротив «кулаков», попутно обирая всех почем зря. Дошло до того, что сразу несколько человек заявляли потом, что это они командовали усманским продотрядом, который отметил Ленин.

Однако в усманском музее именно Яков Лутков представлен как герой гражданской войны, красный командир, руководитель этого легендарного усманского продотряда. Позднее появилась картина «Усманский продотряд» в селе Куликово. Там, кстати, установлен — наверное, единственный в России — памятник продовольственным отрядам времен Гражданской войны, ибо в Куликове Усманского уезда Лутков со своей «командой» действовал особенно активно и «бесстрашно». Его именем названы улицы в селе и в райцентре.

И кому же, как не ему, можно было доверить потом самые ответственные партийные посты и поручения! В частности, есть достоверные сведения, что, служа в ОГПУ, Лутков участвовал в подавлении коршевского (в Воронежской области) восстания в 1930 году и лично расстреливал крестьян, которые не хотели идти в колхозы. Следующая веха карьеры Луткова — должность коменданта НКВД Воронежского управления: он приводил в исполнение высшую меру наказания.

Анатолий Жигулин в послесловии к своей повести «Черные камни» писал о своем знакомстве с сыном Луткова, который рассказывал Жигулину о «трудной, нервной работе своего отца» так: *«Ты думаешь, это легкая служба? О нет! Даже врага — власовца или полицая — вовсе не так-то легко расстрелять. Или, скажем, врагов народа в тридцать седьмом. Ведь приходилось порой... стрелять в затылок из нагана не только взрослым, но и почти детям!»*

476 смертных приговоров, по словам его сына, лично привел в исполнение Яков Лутков. И это не художественная проза Жигулина, но документальные свидетельства...

Но по меткому высказыванию Гумилева, «всё для поэта благо и благодать». А этого «блага» у Цветаевой становилось всё больше и больше, едва успевала записывать. Подробно и в то же время резко, емко, в своей манере, рисует Марина картину прибытия в уездный город:

«Станция Усмань. 12-й час ночи.

Приезд. Чайная. Ломящиеся столы. Наганы, пулеметные ленты, сплошная кожаная упряжь. Веселы, угощают. Мы, чувствуемые, все без сапог — идя со станции чуть не потонули...

Хозяйки: две ехидных перепуганных старухи. Раболенство и ненависть... Сын: чичиковское лицо, васильковые свиные прорези глаз. Кожу под волосами чувствуешь ярко-розовой. Смесь голландского сыра и ветчины. С матерью нагло-церемонен: «Мамаша»... «Вы» — и: «Ну вас совсем — ко всем!»...

Я, слава Богу, незаметна. Теща, представляя, смутно оговорила: «С их родными еще в прежние времена знакомство водила»... (Оказывается, она лет пятнадцать назад шла на жену моего дяди. «Собственная мастерская была...»). Словом, меня нет — я: при...

Напившись-наевшись, наши два спутника, вместе с другими, уходят спать в вагон. Мы с тещей... укладываемся на полу: она на хозяйкиных подушках и перинах, я просто.

Просыпаюсь от сильного удара... Вскакиваю. Полная тьма. Всё усиливающийся топот ног, хохот, ругань. Звонкий голос из темноты: «Не беспокойтесь, мамаша, это реквизиционный отряд с обыском пришел!»

Чирканье спички.

Крики, плач, звон золота, простоволосые старухи, вспоротые перины, штыки... Рыщут всюду.

— Да за иконами-то хорошенько! За святыми-то! Боги золото тоже любят-то!

— Да мы... Да нешто у нас... Сынок! Отец! Отцом будь!

— Молчать, старая стерва!

Пляшет огарок. Огромные — на стене — тени красноармейцев.

(Оказывается, хозяйки чайной давно были на примете. Сын только ждал приезда матери: нечто вроде маневров флота или парада войск в честь Вдовствующей Императрицы.)

Обыск длится до свету: который раз ни просыпаюсь — всё то же. Утром, садясь за чай, трезвая мысль: «А могут отравить. Очень просто. Подсыплют чего-нибудь в чай, и дело с концом. Что им терять? И, окончательно убедившись, пью.

В то же утро съезжаем. Мысль эта пришла не мне одной. Опричники: еврей со слитком золота на шее, еврей-семьянин («если есть Бог, он мне не мешает, если нет — тоже не мешает»), «грузин» с Триумфальной площади, в красной черкеске, за гривенник зарежет мать».

И далее она уже обреченно-восторженно отдается «року событий», со всей своей безоглядностью и решимостью принимает «раскрепощенные духи стихий» (Волошин), фиксируя на бумаге всё, на что отзывается ее чуткая и горячая душа: *«Пишу при луне (черная тень от карандаша и руки). Вокруг луны огромный круг. Пыхтит паровоз. Ветлы. Ветер...»*

Сегодня Усмань — спокойный, светлый город, ни следа от тех событий и зданий, где столет назад бушевали черные страсти. Давно уже не отыскать и места, где стояла чайная, в которой — на полу, «просто» — провела первую ночь в Усмани Марина Цветаева. Но была эта чайная где-то неподалеку, раз спутники ушли спать в вагон.

Затем ее послали в доме супругов Каплан, где и столовались члены реквизиционного продовольственного отряда, в котором муж хозяйки «Иося» занимает не последнюю должность. На неделю с лишним поэтесса, отрабатывая свой «пансион», становится бесплатной служанкой в этом разбойничьем гнезде, которое тоже было где-то рядом с вокзалом, ибо Цветаева ходила *«с чайником за кипятком на станцию»*. Вот ее свидетельства:

«Мытье пола ухамки.

— Еще лужу подотрите! Повесьте шляпку! Да вы не так! По половицам надо! Разве в Москве у вас другая манера? А я, знаете, совсем не могу мыть пола — знаете: поясница болит! Вы, наверное, с детства привыкли?»

Молча глотаю слезы».

«Сколько перемытой посуды и уже дважды вымытый пол! Чувство, что я определенно обращена в рабство. Негодная теща, в тон хозяйке, третирует»...

«С утра на разбой... Часа в четыре сходятся... («Продукты» — вольные, обеды — платные...) Вина что-то незаметно. Сало, золото, сукно, сукно, сало, золото. Приходят усталые: красные, бледные, потные, злые. Мы с хозяйкой мигом бросаемся накрывать. Суп с петухом, каша, блины, яичница. Едят сначала молча. Под лаской сала и масла лбы разглаживаются, глаза увлажняются. После грабежа — делёж: впечатлениями. (Вещественный дележ производится на месте.) Купцы, попы, деревенские кулаки... У того столько-то холста... У того кадушка топленого... У того царскими тысячу... А иной раз — просто петуха...»

«Вечером из-под меня выдергивают стул, ем свои два яйца без хлеба...»

«Зовут на реквизицию. (Так герцоги, в былые времена, приглашали на охоту!)»

— Бросьте вы свои спички!.. (Сколько у вас осталось коробочек? Как — целых три даром отдали? Ах, ах, ах, какая непрактичная!) Едьте с нами, без спичек целый вагон муки привезете. Вам своими руками ничего делать не придется — даю вам честное слово коммуниста: даже самым маленьким пальчиком не пошевелинете!

И хозяйка, ревниво (не ко мне, конечно, а к мыслимым «продуктам»):

— Ах, Иося, разве это возможно! Кто же мне завтра посуду будет мыть, когда я на базар пойду за дрожжами! (единственный в этой семье покупной «продукт»).

Но Цветаева готова пройти «тридцать верст пешком по стриженому полю, чтобы выменять ситец (розовый) на крупу» у русского крестьянок, не жели быть втянутой в сомнительное предприятие. И лишь для памяти записывает: «Мои два спутника уехали в бывшее имение кн. Вяземского: пруды, сады... (знаменитая, по зверскости, расправа)... Остаюсь одна с тещей и с собственной душой. Не помогут ни та, ни другая. Первая уже остывает ко мне, вторая (во мне) уже закипает». Потому что «меняла» она никакая, и всё чаще вместо еды приносит совершенно бесполезные, по тем временам, вещи.

«Знаменитая по зверскости расправа» — еще одно нелитературное отступление в этом рассказе о вольном проезде Цветаевой. Имеется в виду судьба князя Бориса Вяземского, старинный род которого проживал в Липецком крае с начала девятнадцатого столетия. Первым из рода Вяземских «породнился» с усманцами Егор Александрович, женившись на дочери усманского помещика Павла Лотарева Прасковье.

В семье их сына Дмитрия и дочери местного помещика Николая Вельяминова Анны было двое детей — Леонид и Лидия. Именно при Леониде Дмитриевиче стала создаваться княжеская усадьба Лотарево — на правом берегу реки Байгоры в окрестностях села Коробовка нынешнего Грязинского района, а тогда Усманского уезда. Начиная Леонид Вяземский в 1873 году с молодого сада и участка пашни. И постепенно превратил Лотарево в показательное — во всероссийском масштабе — имение.

Организовав лесопитомник, Леонид Дмитриевич засадил все границы полей в имении лесополосами. Полезащитное лесоразведение — это его ума и рук дело, получившее затем распространение по стране. А еще он основал в Лотарево один

из самых знаменитых в России конных заводов по разведению орловских рысаков. Разводил также крупный рогатый скот, йоркширских свиней, породистых овец и кур. В коровниках и стойлах была такая чистота, что деревянные полы казались белыми, помещения для скота освещались электричеством!

Появился и обширный парк с аллеями, фонтанами и декоративными растениями. С малых лет все четверо детей Леонида Вяземского отвечали за какую-нибудь отрасль хозяйства — конный завод, коровье стадо, полеводство. И знали все, что относится к той сфере, которой они занимаются. Кроме того, они отвечали за бедных детей, приезжавших в Коробовку на отдых в летние каникулы.

В селе Леонид Вяземский в 1872—1881 гг. построил большую больницу для местных жителей — с высокими потолками, широкими коридорами, просторными палатами, большими светлыми окнами, паркетом и зеркалами. В 1917 году ее пытались разрушить, но местный доктор, рискуя собой, остановил разрушителей. И больница существует по сей день! Построил князь школу и церковь, организовал хор из крестьян, открыл пансионат для бедных детей.

Отцовские начинания продолжил его сын Борис Вяземский. А еще он собрал уникальную коллекцию книг по ботанике, орнитологии, организовал зверинец, где содержались олени, фазаны и другие животные и птицы «дикой» природы, был инициатором создания в Тамбове губернского естественно-исторического музея и государственного — на базе Лотаревской степи, где выпасались орловские рысаки — заповедника или заказника, что уже обсуждалось в правительственных инстанциях.

Много делая для уезда на посту уездного предводителя дворянства, с началом Первой мировой войны Борис Вяземский стал председателем уездной мобилизационной комиссии. И в свои 33 года обладал, казалось бы, нерушимым авторитетом. А потом революционный поток вторгся в чистые родники народной жизни — и всё смешалось в России. Люди, еще вчера качавшие на руках своего «барина», который не чурался никакой крестьянской работы и жил практически безвыездно в Лотарево со своей молодой женой Елизаветой Дмитриевной, урожденной графиней Шереметевой, вдруг начинают совершать потравы в полях, губить скот, а 23 августа 1917 года толпой «арестовывают» супругов и запирают их в одном из классов построенной князем школы.

Все это позднее было записано в так называемой «Книге судеб», родившейся из обычной хозяйственной книги, превратившейся в дневник, который вел сначала сам князь, а потом его

жена. Что чувствовали они, сидя взаперти, глядя на «бесчисленные лица баб и детей», прильнувшие к окнам? Чего ждали от разгромивших княжеские погребя и перепившихся в ту ночь режисеров, которые в угаре решили устроить Бориса Дмитриевичу «допрос»? Надо отдать должное — хоть и пьяные, и заведенные, и с вилами в руках, убить князя они не решились.

Назавтра Бориса Вяземского в сопровождении некоего прапорщика Петрова, трех солдат и трех мужиков повезли в Грязи, где сдали начальнику охраны станции. Предполагалось, что князя отправят на фронт. Но теперь уже другая толпа, чужих озверевших людей, зверски убила Бориса Вяземского...

Из «Тамбовского земельного вестника», пятница, 25 августа 1917 года: «...богатейшее, одно из культурнейших имений в России — Лотаревское имение кн. Вяземского разгромлено совершенно. Стража, по распоряжению правительства охранявшая имение... толпой избита и разогнана...» Мужики разделили скот, птицу, разгромили конный завод. Что было невозможно унести с собой, разбилось, раздиралось, сжигалось.

Интересно, что же реквизировали в сентябре 18-го бойцы реквизиционного отряда? Разбой — это, наверное, явление заразное. И видимо, было чем еще поживиться «красному отряду» у местных мужиков, особенно коробовских, разграбивших имения по всей округе...

Но возвращаюсь к Марине, которая, не поехав в место «зверской расправы», ходит по деревням, по избам. И записывает:

«Крестьяне. Шестьдесят изб — одна порубка: «Нет, нет, ничего нету, и продавать — не продаем и менять — не меняем. Что было — то товарищи отобрали. Дай Бог самим живу остаться...»

Ситец! Магическое слово! Первая (после змея!) страсть праматери Евы! Загорание глаз, прояснение лбов, тяготение рук. Даже прабабки не отстают, брызги беззубых уст: «ситчику бы! на саван!»

И вот я, в душающем кольце: бабок, прабабок, девок, молодок, подружек, внушек, на коленях перед корзинкой — роюсь. Корзинка крохотная — я вся налицо... Шупанье, нюханье, дерганье, глаженье, того и гляди — на зуб возьмут. И вдруг... Отлив. Шепота...

Разглядываю избу: всё коричневое, точно бронзовое: потолки, полы, лавки, котлы, столы. Ничего лишнего, всё вечное. Скамьи точно в стену вросли, вернее — точно из них выросли. А ведь и лица в лад: коричневые! И янтарь нашейный! И сами шеи!..

Шепота затягиваются, терпение натягивается — и лопаются. Встаю — и сухо:

— Что ж, берете или не берете?

— Вот, коли деньгами бы — тогда б еще можно. А то сама посуди, какой наш достаток?..

Бывает и по-другому: сговорились, отсыпано, выложено и — в последнюю секунду: «А Бог тебя знает, откуда ты. Еще беды с тобой наживешь! И волоса стриженные... Иди себе по добру да поздорову... И ситца твоего не нужно...»

А бывает и так еще:

— Ты, вишь, московка, невнятная тебе наша жизнь. Думаешь, нам всё даром дается? Да вот это-то пшано, что оно на нас — дождем с неба падает? Поживи в деревне, поработай нашу работу, тогда узнаешь...

Базар. Юбки — поросята — тыквы — петухи. Примиряющая и очаровывающая красота женских лиц. Все черноглазы и все в ожерельях.

Покупаю три деревянных игрушечных бабы, вцепляюсь в какую-то живую бабу, торгую у нее нашейный темный, колеса-ми, янтарь, и ухожу с базару — ни с чем...

Дома. Возмущение хозяйки янтарем. Мое одиночество. На станцию за кипятком, девки: «Барышня янтарь надела! Страм-то! Страм!»

Уже вторую неделю жила она у Усмани, а спутники, уехавшие в имение князя Вяземского всё не возвращались. Цветаева подсчитывает: «У меня пока: 18 ф<унтов> пшена, 10 ф<унтов> муки, 3 ф<унта> свиного сала, янтарь и три куклы для Али. Грозят заградительными отрядами».

Подводит она и итог своим взаимоотношениям со всеми «действующими лицами» в этой разбойничьей сказке: «Всячески пария: для хамки — «бедная» (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама — «буржуйка», для тещи — «бывшие люди», для красноармейцев — гордая стриженная барышня. Роднее всех (на 1000 верст отдаления!) бабы, с которыми у меня одинаковое пристрастие к янтарию и пестрым юбкам — и одинаковая доброта: как колыбельная песня...»

Пока Цветаева, отчаявшись добыть еще что-нибудь из съестного, ждет отъезда, она умудряется вести смелые и даже опасные споры с «опричниками» о Боге и революции, о Советской власти и новых порядках, чем буквально доводит до бешенства некоторых членов продотряда, особенно когда масла в огонь подливает и теща: «Надоела мне ваша новая жизнь! Был Николаша — были у нас хлеб да каша («Пришли большевики — не стало ни хлеба, ни муки», — московская поговорка 18 г. (прим. М. Цветаевой), а теперь за кашей за этой — прости Господи! — как пес язык высуня 30 верст по грязи отмахиваем...

Кто-то из солдат: — Николаша да каша? Эх вы, мамаша!..»

Скандал разгорался нешуточный, Цветаеву обвиняли в «раскачивании» Советской власти, подстрекательстве погромов, в контрреволюции и юдофобстве, но на счастье вернулись сын тещи и его друг, привезли и на долю Марины полпуда муки. «Сматываться» пришлось срочно. Приятель Цветаевой торопил:

«Ну и гнездо, Марина Ивановна! Да ведь это ж — Хитровка! Я волосы на себе рву, что вас здесь с ними одну оставил! Вы же ничего не понимаете: они все будут расстреляны!»

Я: — Повешены. У меня даже в книжке записано.

Он: — И не повешены, а расстреляны. Советскими же. Тут ревизии ждут. Левит на Каплана донес, а на Левита — Каплан донес. И вот, кто кого. Такая пойдет разборка! Ведь здесь главный сыпной пункт — понимаете?»

— Ни звука. Но ехать, определенно, надо. А тещин сын?

— С нами едет — мать будто проводит. Не вернется. Ну, М<арина> И<вановна>, за дело: вещи складывать!

...И, ради Бога, ни одного слова лишнего! Мы уж с Колькой тещу за сумасшедшую выдали. Задаром пропадем!»

Ну а вечер был посвящен разговорам со «Стенькой Разиным» — так Цветаева назвала одного из продотрядовцев, белокурого молодца, имя которому само сердце Цветаевой «вызвонило» (ох, уж это ее страстное горячее сердце!). Там были и стихи, и сказы, и родственное общение, и горечь, и жалость: Стенька с одинаковым восторгом рассказывал ей об отце — околоточном надзирателе и «великом церковнике», который пишет книгу «Слезы России» (!), и о Наследнике, в чьем полку златовласый Стенька совсем недавно служил, и о том, как он грабил банк в Одессе.

Цветаева подарила ему на прощанье серебряный перстень (двуглавый орел, вздыбивший крылья) и читала-читала ему стихи: *«После тещ, свах, пишен, помойных ведер, наганов, Марксов — этот луч (голос), ударяющий в эту синь (глаза!). Ибо читаю ему прямо в глаза: как смотрят! В васильковую синь: сгинь..»*

А потом она написала стихотворение:

*Царь и Бог! Простите малым
Слабым — глупым — грешным — шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, —
Царь и Бог! Жестокую казнию
Не казните Сашеньку Разина!
Царь! Господь тебе оплатит!*

*С нас сиротских воплей — хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, — прости Разбойнику!
В отчий дом — дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!
Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,
Да за удаль несуразную —
Развяжите Стеньку Разина!
Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!
Царь и Бог! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина!*

До вокзала три версты: Цветаева не отметила, откуда они добирались к поезду. Потому что с чайником за кипятком на станцию за три версты она ходить не могла. Возможно, к концу пребывания в Усмани их с тещей для безопасности куда-то переселили.

Хотя с хозяйкой, которой она прислуживала и которая носит за пазухой стопку золота (когда та наклоняется, «золотые со звоном раскатываются по комнате»), всё-таки попрощалась. А когда та стала напрашиваться в гости, Марина назвала ей адрес: «Лобное место, Брутова улица, переулок Троцкого... Только дом не очень хорош: № 13, и квартира — представьте — тоже 13! Некоторые даже опасаются...»

Посмеявшись с тещей, стали «смаывать».

«Две корзинки: одна кроткая, круглая, другая квадратная, злостная, с железными углами и железкой сверху. В первую — сало, пшено, кукол (янтарь, как надела, так не сняла), в квадратную — полпуда N и свои 10 ф<унтов>. В общем, около 2 п<удов>. Беру на вес — вытяну!»

Но одно дело — поднять, а другое — тащить это всё добро, не чая дойти.

«О, идиотизм, — пишет Цветаева, — за мукой — с корзинами! Мука, которая рифмуется только с одним: мешок! В этих корзинках — вся русская интеллигенция!»

Руки до колен, железные корзины бьют по ногам, пот льется...

«Не утираю: рука, железка корзины, повторный удар по ноге — одно. Расплетется — конец. Когда больно — нельзя заново».

Чтобы как-то отвлечься, она пытается внушить себе, что всё, с ней происходящее, — это страшный сон, который закончится, когда она «благополучно растряся» свои запасы «по 80-ти заградительным отрядам», весело ворвется в свою борисоглебскую кухню и тут же — «без отдыши» — выдышится стихом!

Несмотря на заградительные отряды и строгости с «вольным проездом», народу, да еще и с мешками, перемещалось столько, что сесть в поезд было сродни самоубийству.

«*Быт революции*, — пишет Марина, — *как всякий, ложится на женщину: тогда — снопами, сейчас мешками (Быт, это мешок: дырявый. И все равно несеешь)*».

— Господа! — слышит она из толпы. — Москву объели, деревню объедать пришли! Ишь, натаскали добра крестьянского!

И холодеет от сознания «*правоты — их и неправоты — своей*».

Сели в поезд они с помощью «опричников» — в последнюю секунду перед посадкой они пришли-таки проводить гостей. В их числе и «Стенька Разин». Крики, выстрелы в воздух, визг, такое впечатление, что Марина на какое-то время потеряла сознание, отключилась. Очнулась в поезде: «*...стою, одна нога есть. А другая, «очевидно», тоже есть, но где — не знаю. Потом найду...*»

На все угрозы выбросить их из вагона она молча утешает себя тем, что «*извлечь человека из этой гущи то же самое, что пробку из штофа без штопора: немыслимо. Мне быть выброшенной — другим раздаться. А раздаться — разлететься вагону. Точное ощущение предела вместимости: дальше — некуда, и больше нельзя...*»

«С<танция> Усмань Тамбовской губ<ернии>, где я никогда не была и не буду», — запишет она в начале путешествия. «*И — внезапный всплеск в памяти: что-то темное ввысь! горит! Ах, рука на прощание, с моим перстнем! Станции Усмань Тамбовской губ<ернии> — последний привет! Москва, сентябрь, 1918*», — с каким-то даже сожалением завершит она очерк, написав его, конечно, по свежим следам.

«*Опять Москва, конец сентября 1918 г.*» — отметит она в дневнике по возвращении домой. Сентярем 18-го датирует и очерк. По понятным причинам он не мог быть опубликован тогда в России, и впервые увидел свет только в 1924 году в 21-м номере парижского журнала «Современные записки», когда она жила уже за границей, воссоединившись с мужем после шести лет разлуки и неизвестности.

Но уже были написаны стихи, в которых отражены события, мысли и чувства, навеянные путешествием. Более того, стихотворение «Глаза» было даже датировано 9 сентября 1918 года: в этот день она уже наверняка была «разбойничьей

служанкой» в продотрядовском окружении. Но грозное дыхание того времени хранят и стихи «Под рокот гражданских бурь...», «Колыбель, овеянная красным...», цикл стихов о Стеньке Разине, «Офицер гуляет с саблей...», «Ты дал нам мужества...», «Барабанщик», «Ветер, ветер выметающий...» и другие.

Впечатления от поездки были настолько сильны, что уже в 1938 году на последнем листе «Вольного проезда» в журнале своим убористым почерком написала пророческие слова:

«Перечитывала и правила двадцать лет спустя, накануне другого вольного проезда». Подпись и: *«Ванвер, 14 мая 1938 года».*

Через некоторое время она вернулась в Россию. Она всё знала «отродясь» — даже то, что голову-то она в этом «вольном проезде» оставит наверняка. Слава Богу, не Усмань — страшная по тем временам и благословенная, ибо, несмотря ни на что, спасала и вдохновляла — убила Марину: Елабуга несет этот тяжкий крест.

А Усмань помнит ее живую, веселую и даже чуть-чуть влюбленную, как и подобает поэту. Молодость и характер брали свое, сломить Марину было непросто. Убить ее можно было только нелюбовью, равнодушием и невозможностью писать: всё это случилось позже...

Зато сегодня у Цветаевой много поклонников и друзей, настоящих и верных, о которых она когда-то неистово, до боли мечтала. И как точно предвидела, что это будет «столетие спустя, как отдышу...» Благодарная Усмань, на которую Марина в те черные дни не затаила зла, но которую сумела принять как судьбу и даже полюбить, вслушаться в ее боль, язык, историю, народ и увековечить все это в стихах и прозе, чтит ее, как и вся Россия, несколько запоздавшая с признаниями в любви великому русскому поэту Марине Цветаевой.

Когда в 2002 году в Усмани на здании железнодорожного вокзала была открыта памятная доска в ее честь, это был всего лишь двадцатый, включая и зарубежье, памятный знак, посвященный Марине. Памятников же в прямом смысле слова тогда не было вовсе!

И только в 2006 году, по сути, первый памятник Марине Цветаевой был открыт в Тарусе, в 2007-м — в Москве в Борисоглебском переулке, напротив их первого да и единственного семейного — с Сергеем Эфроном — дома. Есть еще памятник Марине работы Зураба Церетели, установленный в курортном городке Круа-де-Ви (он же Сен-Жиль-сюр-Ви) на берегу Атлантического океана, где Цветаева отдыхала в 1926 году и откуда писала свои письма Рильке и Борису Пастернаку.

Все эти памятники признаны не слишком удачными. Наша же памятная доска гораздо ценнее в этом смысле. Жаль, что

мечта о памятнике Цветаевой, одно время витавшая в Усмани (скульптор Валентин Челядин, создавший памятную доску, тоже тогда загорелся идеей настоящего памятника, который планировали установить во вновь посаженной специально для этой цели рябиновой роще близ вокзала), так и осталась мечтой.

К сожалению, привезенных для детей продуктов не хватило надолго. Сама Цветаева была выносливой и бесстрашной, наверняка отдавала детям всё. Но потом отдавать стало нечего. Удавалось добыть только гнилой картошки. От голода и холода (на дрова были разобраны даже двери и лестница в квартире) спасения не было. Добрые люди посоветовали Марине отдать девочек в образцовый детский приют в Кунцево, где кормят американскими продуктами, присылаемыми в Россию в качестве гуманитарной помощи. Цветаева согласилась.

Позже сёстры мужа будут упрекать ее, что она не отдала им младшую, Ирину, о чём они ее просили. И по сию пору досужие люди обвиняют Марину в том, что она была плохая мать, не любила своих детей. Это обрыдлая ложь. Она билась как могла. И когда, приехав навестить дочерей, увидела, что старшая, Ариадна — в семье ее называли Алей, мечется в тифозном жару, схватила дочь и увезла ее домой. А маленькая Ира тихо угахла от голода: оказалось, в приюте детей не кормили — там на них наживались...

Невозможно читать без слёз такие Маринины строки:

*Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были — по одной на каждую —
Две головки мне дарованы.
Но обеими — зажатými —
Яростными — как могла! —
Старшую у тьмы выхватывая —
Младшей не уберегла.
Две руки — ласкать — разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки — и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.
Светлая — на шейке тоненькой —
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем непонято,
Что дитя мое в земле.*

Равно как и дневниковую запись, сделанную чуть раньше, когда малышка была еще жива: «...в мракобесной, туск-

лой, кишащей кастрюлями и тряпками столовой, на полу, в тигровой шубе, осыпая слезами соболей воротник — прощаюсь с Ириной. Ирина, удивленно любуясь на слезы, играет завитком моих волос. Аля рядом, как статуя восторженного горя. Потом — поездка на санках. Я запряжена, Аля толкает сзади — темно — бубенцы звенят...»

Троим детям дала жизнь Марина Цветаева: в эмиграции у нее родился сын Георгий. И ради их благополучия она глохла и слепла, чтобы не внимать своей Музе. И та покинула ее навсегда. Это был тот предел, за которым не стало самой Марины. Зато она никогда не узнала, что мужа расстреляли, дочь почти 20 лет провела в лагерях, а сын погиб на фронте. Все исчезли. Остались только стихи. И памятная доска в Усмани, с которой Марина глядит ничего не видящими от слез глазами...

Марина ЦВЕТАЕВА

Стихи 1918 года, написанные перед поездкой, в пути и во время пребывания в Усмани, а также по следам этого «путешествия».

* * *

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,
В иголку продаваю — луч,
Грабителю вручаю — ключ,
Белилами румяню бледность.
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,
Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

27 июля 1918

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

5 августа 1918

* * *

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие?
Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

* * *

Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых —
Ты — в самых ребрах мне засевший стих!

16 августа 1918

* * *

Проще и проще
Пишется, дышится.
Зорче и зорче
Видится, слышится.
Меньше и меньше
Помнится, любится —
Значит, уж скоро
Посох и рубище.

26 августа 1918

* * *

Что другим не нужно — несите мне:
Всё должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.
Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост — венки — слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю дотла,
И да будет вам ночь светла.
Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан —
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

* * *

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя — мир,
В наследье — лазурь.
Отыйди, отыйди. Враг!
Храни, Троединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

8 сентября 1918

* * *

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!
Была бы бабою простой,
Всегда б платили за постой
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.
Была бы бабою простой,
От солнца б застилась рукой,
Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.
Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.
Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Что? видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

* * *

Два цветка ко мне на грудь
Положите мне для воздуха.
Пусть нарядной тронусь в путь,
Заработала я отдых свой.
В год.....
Было у меня две дочери —
Так что мучилась с мукой
И за всем вставала в очередь.
Подойдет и поглядит
Смерть — усердная садовница.
Скажет — «Бог вознаградит —
Не бесплодная смоковница!»

30 сентября 1918

* * *

Ты дал нам мужества —
На сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.
И ребра — стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить — Царство!
Свое подобье
Ты в небо поднял —
Великой верой
В свое подобье.
Так дай нам вздоху
И дай нам поту —
Дабы снести нам
Твои щедроты!

30 сентября 1918

* * *

Над черною пучиной водною —
Последний звон.
Лавиною простонародною
Низринут трон.
Волочится кровавым волоком
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!

Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!
Цари земные низвергаются.
— Царствия — Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

9 октября 1918

* * *

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне — белы — лебеди!
Знамя, шитое крестами, в саван выцвело,
А и будет ваша память — белы — рыцари.
И никто из вас, сынки! — не воротится.
А ведет ваши полки — Богородица!

25 октября 1918

* * *

Кружка, хлеба краюшка
Да малинка в лукошке,
Эх, — да месяц в окошке,
Вот и вся нам пирушка!
А мальчишку — погреться —
Подарите в придачу —
Я тогда и без хлеба
Никогда не заплачу!

2 ноября 1918

АЛЕ

Есть у тебя еще отец и мать,
А всё же ты — Христова сирота.
Ты родилась в водовороте войн, —
А всё же ты поедешь на Иордань.
Без ключика Христовой сироте
Откроются Христовы ворота.

5 ноября 1918

Духовное здоровье народа во многом определяет его отношение к чтению, отечественной и мировой классике. Старшее поколение помнит зимние ночные дежурства возле магазинов подписных изданий: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Булгаков... В Арктике, на острове Вайгач, в поселковой библиотеке рядом с «Серебряным копытцем» Бажова стояли томики Лескова, Чехова, Куприна. В клубе чукотского посёлка Усть-Белая стеллажи пополнялись изданиями Шолохова, Пришвина, Горького, Леонова...

Закрывая учебник истории, школьники, студенты со временем многое забывают. Дубровский, Печорин, Тарас Бульба, Раскольников, Андрей Болконский, Григорий Мелехов — история в образах по закону кровного родства живёт в нас и передаётся потомкам.

В «новой России» вал развлекательного чтива целенаправленно оттесняет молодое поколение от национального достояния — великой русской литературы, русского богатства. (В дореволюционные годы выходил литературный журнал с таким названием — «Ларец».)

В этом разделе мы будем публиковать не только шедевры русской классики, но и лучшие произведения писателей XXI века.

Публикуя рассказ И.С. Тургенева «Бурмистр» (200-летие писателя было негромко отмечено в 2018 году), должны заметить, как многое из сказанного в нём повторяется в современной жизни.

И.С. ТУРГЕНЕВ

БУРМИСТР

РАССКАЗ

Верстах в пятнадцати от моего имения живет один мне знакомый человек, молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлыч Пеночкин. Дичи у него в поместье водится много, дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски, обеды задает он отличные, принимает гостей ласково, а все-таки неохотно к нему едешь.

ЛАРЕЦ

Он человек рассудительный и положительный, воспитанье получил, как водится, отличное, служил, в высшем обществе потерялся, а теперь хозяйством занимается с большим успехом. Аркадий Павлыч, говоря собственными его словами, строг, но справедлив, о благе подданных своих печется и называет их — для их же блага. «С ними надобно обращаться, как с детьми, — говорит он в таком случае, — невежество, *mon cher; il faut prendre cela en consideration* (дорогой мой; надо принять это во внимание (франц.))». Сам же, в случае так называемой печальной необходимости, резких и порывистых движений избегает и голоса возвышать не любит, но более тычет рукою прямо, спокойно приговаривая: «Ведь я тебя просил, любезный мой», или: «Что с тобою, друг мой, опомнись», — причем только слегка стискивает зубы и кривит рот. Роста он небольшого, сложен шеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой опрятности содержит; с его румяных губ и щек так и пышет здоровьем. Смеется он звучно и беззаботно, приветливо шурит светлые, карие глаза. Одевается он отлично и со вкусом; выписывает французские книги, рисунки и газеты, но до чтения небольшой охотник: «Вечного жида» едва осилил. В карты играет мастерски. Вообще Аркадий Павлыч считается одним из образованнейших дворян и завиднейших женихов нашей губернии; дамы от него без ума и в особенности хвалят его манеры. Он удивительно хорошо себя держит, осторожен, как кошка, и ни в какую историю замешан отроду не бывал, хотя при случае дать себя знать и робкого человека озадачить и срезать любит. Дурным обществом решительно брезгает — скомпрометироваться боится; зато в веселый час объявляет себя поклонником Эпикура, хотя вообще о философии отзывается дурно, называя ее туманной пищей германских умов, а иногда и просто чепухой. Музыка он тоже любит; за картами поет сквозь зубы, но с чувством; из Лючии и Сомнамбулы тоже иное помнит, но что-то всё высоко забирает. По зимам он ездит в Петербург. Дом у него в порядке необыкновенном; даже кучера подчинились его влиянию и каждый день не только вытирают хомуты и армяки чистят, но и самим себе лицо моют. Дворовые люди Аркадия Павлыча посматривают, правда, что-то исподлобья, — но у нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь. Аркадий Павлыч говорит голосом мягким и приятным, с расстановкой и как бы с удовольствием пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные усы; также употребляет много французских выражений, как-то: «*Mais c'est impayable!*» («Забавно!» (франц.), «*Mais comment donc!*» («Как же!» (франц.) и пр. Со всем тем

я, по крайней мере, не слишком охотно его посещаю и, если бы не тетерева и не куропатки, вероятно, совершенно бы с ним раззнакомился. Странное какое-то беспокойство овладевает вами в его доме; даже комфорт вас не радует, и всякий раз, вечером, когда появится перед вами завитый камердинер в голубой ливрее с гербовыми пуговицами и начнет подобострастно стягивать с вас сапоги, вы чувствуете, что если бы вместо его бледной и сухопарой фигуры внезапно предстали перед вами изумительно широкие скулы и невероятно тупой нос молодого дюжего парня, только что взятого барином от сохи, но уже успевшего в десяти местах распороть по швам недавно пожалованный нанковый кафтан, — вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вместе с сапогом и собственной вашей ноги вплоть до самого вертлюга...

Несмотря на мое нерасположение к Аркадию Павлычу, пришлось мне однажды провести у него ночь. На другой день я рано поутру велел заложить свою коляску, но он не хотел меня отпустить без завтрака на английский манер и повел к себе в кабинет. Вместе с чаем подали нам котлеты, яйца всмятку, масло, мед, сыр и пр. Два камердинера, в чистых белых перчатках, быстро и молча предупреждали наши малейшие желания. Мы сидели на персидском диване. На Аркадии Павлыче были широкие шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фес с синей кистью и китайские желтые туфли без задков. Он пил чай, смеялся, рассматривал свои ногти, курил, подкладывал себе подушки под бок и вообще чувствовал себя в отличном расположении духа. Позавтракавши плотно и с видимым удовольствием, Аркадий Павлыч налил себе рюмку красного вина, поднес ее к губам и вдруг нахмурился.

— Отчего вино не нагрето? — спросил он довольно резким голосом одного из камердинеров.

Камердинер смешался, остановился, как вкопанный, и побледнел.

— Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него глаз.

Несчастный камердинер помялся на месте, покрутил салфеткой и не сказал ни слова. Аркадий Павлыч потупил голову и задумчиво посмотрел на него исподлобья.

— *Pardon, mon cher*, — промолвил он с приятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колена, и снова устоял на камердинера. — Ну, ступай, — прибавил он после небольшого молчания, поднял брови и позвонил.

Вошел человек, толстый, смуглый, черноволосый, с низким лбом и совершенно заплывшими глазами.

— Насчет Федора... распорядиться, — проговорил Аркадий Павлыч вполголоса и с совершенным самообладанием.

— Слушаю-с, — отвечал толстый и вышел.

— *Voilà, mon cher, les desagremens de la campagne* (Вот, дорогой мой, неприятности деревенской жизни (франц.)), — весело заметил Аркадий Павлыч. — Да куда же вы? Оставайтесь, посидите еще немного.

— Нет, — отвечал я, — мне пора.

— Всё на охоту! Ох, уж эти мне охотники! Да вы куда теперь едете?

— За сорок верст отсюда, в Рябово.

— В Рябово? Ах, боже мой, да в таком случае я с вами поеду. Рябово всего в пяти верстах от моей Шипиловки, а я таки давно в Шипиловке не бывал: всё времени улучшить не мог. Вот как кстати пришлось: вы сегодня в Рябово поохотитесь, а вечером ко мне. *Se sera charmant* (Это будет прелестно (франц.)). Мы вместе поужинаем, — мы возьмем с собою повара, — вы у меня переночуете. Прекрасно! прекрасно! — прибавил он, не дождавшись моего ответа.

— *C'est arrange...* (Всё устроено... (франц.)). Эй, кто там? Коляску нам велите заложить, да поскорей. Вы в Шипиловке не бывали? Я бы посовестился предложить вам провести ночь в избе моего бурмистра, да вы, я знаю, неприхотливы и в Рябово в сенном бы сарае ночевали... Едем, едем!

И Аркадий Павлыч запел какой-то французский романс.

— Ведь вы, может быть, не знаете, — продолжал он, покачиваясь на обеих ногах, — у меня там мужики на оброке. Конституция — что будешь делать? Однако оброк мне платят исправно. Я бы их, признаться, давно на барщину ссадил, да земли мало! Я и так удивляюсь, как они концы с концами сводят. Впрочем, *c'est leur affaire* (это их дело (франц.)). Бурмистру у меня там молодец, *une forte tete* (умная голова (франц.)), государственный человек! Вы увидите... Как, право, это хорошо пришлось!

Делать было нечего. Вместо девяти часов утра мы выехали в два. Охотники поймут мое нетерпенье. Аркадий Павлыч любил, как он выражался, при случае побаловать себя и забрал с собою такую бездну белья, припасов, платья, духов, подушек и разных несессеров, что иному бережливому и владеющему собою немцу хватило бы всей этой благодати на год. При каждом спуске с горы Аркадий Павлыч держал краткую, но сильную речь кучеру, из чего я мог заключить, что мой знакомец порядочный трус. Впрочем, путешествие совершилось весьма благополучно; только на одном недавно починенном мостике телега с поваром завалилась, и задним колесом ему придавило желудок.

Аркадий Павлыч, при виде падения замороженного Карема, испугался не на шутку и тотчас велел спросить: целы ли у него руки? Получив же ответ утвердительный, немедленно успокоился. Со всем тем, ехали мы довольно долго; я сидел в одной коляске с Аркадием Павлычем и под конец путешествия почувствовал тоску смертельную, тем более что в течение нескольких часов мой знакомец совершенно выдохся и начинал уже либеральничать. Наконец мы приехали, только не в Рябово, а прямо в Шипиловку; как-то оно так вышло. В тот день я и без того уже поохотиться не мог и потому скрепя сердце покорился своей участи.

Повар приехал несколькими минутами ранее нас и, по-видимому, уже успел распорядиться и предупредить, кого следовало, потому что при самом въезде в околицу встретил нас староста (сын бурмистра), дюжий и рыжий мужик в косяку сажень ростом, верхом и без шапки, в новом армяке нараспашку. «А где же Софрон?» — спросил его Аркадий Павлыч. Староста сперва проворно соскочил с лошади, поклонился барину в пояс, промолвил: «Здравствуйте, батюшка Аркадий Павлыч», — потом приподнял голову, встряхнулся и доложил, что Софрон отправился в Перов, но что за ним уже послали. «Ну, ступай за нами», — сказал Аркадий Павлыч. Староста отвел из приличия лошадь в сторону, взвалился на нее и пустился рысцой за коляской, держа шапку в руке. Мы поехали по деревне. Несколько мужиков в пустых телегах попались нам навстречу; они ехали с гумна и пели песни, подпрыгивая всем телом и болтая ногами на воздухе; но при виде нашей коляски и старосты внезапно умолкли, сняли свои зимние шапки (дело было летом) и приподнялись, как бы ожидая приказаний. Аркадий Павлыч милостиво им поклонился. Тревожное волнение видимо распространилось по селу. Бабы в клетчатых паневах швыряли щепками в недогадливых или слишком усердных собак; хромым старик с бородой, начинавшей под самыми глазами, оторвал недопоенную лошадь от колодезя, ударил ее неизвестно за что по боку, а там уже поклонился. Мальчишки в длинных рубашонках с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали головы, закидывали ноги кверху и таким образом весьма проворно перекатывались за дверь, в темные сени, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренной рысью в подворотню; один бойкий петух с черной грудью, похожей на атласный жилет, и красным хвостом, закрученным на самый гребень, остался было на дороге и уже совсем собрался кричать, да вдруг сконфузился

и тоже побежал. Изба бурмистра стояла в стороне от других, посреди густого зеленого конопляника. Мы остановились перед воротами. Г-н Пеночкин встал, живописно сбросил с себя плащ и вышел из коляски, приветливо озираясь кругом. Бурмистрова жена встретила нас с низкими поклонами и подошла к барской ручке. Аркадий Павлыч дал ей нацеловаться вволю и взошел на крыльцо. В сенях, в темном углу, стояла старостиха и тоже поклонилась, но к руке подойти не дерзнула. В так называемой холодной избе — из сеней направо — уже возились две другие бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые тулупы, масляные горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком, подметали банными вениками сор. Аркадий Павлыч выслал их вон и поместился на лавке под образами. Кучера начали вносить сундуки, ларцы и прочие удобства, всячески стараясь умерить стук своих тяжелых сапогов.

Между тем Аркадий Павлыч расспрашивал старосту об урожае, посеве и других хозяйственных предметах. Староста отвечал удовлетворительно, но как-то вяло и неловко, словно замороженными пальцами кафтан застегивал. Он стоял у дверей и то и дело сторонился и оглядывался, давая дорогу проворному камердинеру. Из-за его могущественных плеч удалось мне увидеть, как бурмистрова жена в сенях втихомолку колотила какую-то другую бабу. Вдруг застучала телега и остановилась перед крыльцом: вошел бурмистр.

Этот, по словам Аркадия Павлыча, государственный человек был роста небольшого, плечист, сед и плотен, с красным носом, маленькими голубыми глазами и бородой в виде веера. Заметим кстати, что с тех пор, как Русь стоит, не бывало еще на ней примера раздобревшего и разбогатевшего человека без окладистой бороды; иной весь свой век носил бородку жидкую, клином, — вдруг, смотришь, обложился кругом словно сияньем, — откуда волос берется! Бурмистр, должно быть, в Перове подгулял: и лицо-то у него отекло порядком, да и вином от него попахивало.

— Ах вы, отцы наши, милостивцы вы наши, — заговорил он нараспев и с таким умилением на лице, что вот-вот, казалось, слезы брызнут, — насилу-то изволили пожаловать!.. Ручку, батюшка, ручку, — прибавил он, уже загодя протягивая губы.

Аркадий Павлыч удовлетворил его желание.

— Ну, что, брат Софрон, каково у тебя дела идут? — спросил он ласковым голосом.

— Ах вы, отцы наши, — воскликнул Софрон, — да как же им худо идти, делам-то! Да ведь вы, наши отцы, вы, милостивцы, деревеньку нашу просветить изволили приездом-то

своим, ошастливили по гроб дней. Слава тебе, господи, Аркадий Павлыч, слава тебе, господи! Благополучно обстоит всё милостью вашей.

Тут Софрон помолчал, поглядел на барина и, как бы снова увлеченный порывом чувства (притом же и хмель брал свое), в другой раз попросил руки и запел пуше прежнего:

— Ах вы, отцы наши, милостивцы... и... уж что! Ей-богу, совсем дураком от радости стал... Ей-богу, смотрю да не верю... Ах вы, отцы наши!..

Аркадий Павлыч глянул на меня, усмехнулся и спросил: «N'est-ce pas que c'est touchant?» («Не правда ли, это трогательно?» (франц.).

— Да, батюшка, Аркадий Павлыч, — продолжал неугомонный бурмистр, — как же вы это? Сокрушаете вы меня совсем, батюшка; известить меня не изволили о вашем приезде-то. Где же вы ночку-то проведете? Ведь тут нечистота, сор...

— Ничего, Софрон, ничего, — с улыбкой отвечал Аркадий Павлыч, — здесь хорошо.

— Да ведь, отцы вы наши, — для кого хорошо? Для нашего брата, мужика, хорошо; а ведь вы... ах вы, отцы мои, милостивцы, ах вы, отцы мои!.. Простите меня, дурака, с ума спятил, ей-богу одурел вовсе.

Между тем подали ужин; Аркадий Павлыч начал кушать. Сына своего старик прогнал — дескать, духоты напускаешь.

— Ну, что, размежевался, старина? — спросил г-н Пеночкин, который явно желал подделаться под мужицкую речь и мне подмигивал.

— Размежевались, батюшка, всё твоею милостью. Третьего дня сказку подписали. Хлыновские-то сначала поломались... поломались, отец, точно. Требовали... требовали... и бог знает, чего требовали; да ведь дурачье, батюшка, народ глупый. А мы, батюшка, милостью твоею благодарность за явили и Миколая Миколаича посредственника удовлетворили; всё по твоему приказу действовали, батюшка; как ты изволил приказать, так мы и действовали, и с ведома Егора Дмитрича всё действовали.

— Егор мне докладывал, — важно заметил Аркадий Павлыч.

— Как же, батюшка, Егор Дмитрич, как же.

— Ну и, стало быть, вы теперь довольны?

Софрон только того и ждал.

— Ах вы, отцы наши, милостивцы наши! — запел он опять... — Да помилуйте вы меня... да ведь мы за вас, отцы наши, денно и ночью господу богу молимся... Земли, конечно, маловато...

Пеночкин перебил его:

— Ну, хорошо, хорошо, Софрон, знаю, ты мне усердный слуга... А что, как умолот?

Софрон вздохнул.

— Ну, отцы вы наши, умолот-то не больно хорош. Да что, батюшка Аркадий Павлыч, позвольте вам доложить, дельцо какое вышло. (Тут он приблизился, разводя руками, к господину Пеночкину, нагнулся и прищурил один глаз.) Мертвое тело на нашей земле оказалось.

— Как так?

— И сам ума не приложу, батюшка, отцы вы наши: видно, враг попутал. Да, благо, подле чужой межи оказалось; а только, что греха таить, на нашей земле. Я его тотчас на чужой-то клин и приказал стащить, пока можно было, да караул приставил и своим заказал: молчать! — говорю. А становому на всякой случай объяснил: вот какие порядки, говорю; да чайком его, да благодарность... Ведь что, батюшка, думаете? Ведь осталось у чужаков на шее; а ведь мертвое тело, что двести рублѐв — как калач.

Г-н Пеночкин много смеялся уловке своего бурмистра и несколько раз сказал мне, указывая на него головой: «*Quel gaillard, а?*» («Каков молодец, а?») (франц.).

Между тем на дворе совсем стемнело; Аркадий Павлыч велел со стола прибирать и сена принести. Камердинер постлал нам простыни, разложил подушки; мы легли. Софрон ушел к себе, получив приказание на следующий день. Аркадий Павлыч, засыпая, еще потолковал немного об отличных качествах русского мужика и тут же заметил мне, что со времени управления Софрона за Шипиловскими крестьянами не водится ни гроша недоимки... Сторож заколотил в доску; ребенок, видно, еще не успевший проникнуться чувством должного самоотверженья, запищал где-то в избе... Мы заснули.

На другой день утром мы встали довольно рано. Я было собрался ехать в Рябово, но Аркадий Павлыч желал показать мне свое именье и упросил меня остаться. Я и сам был не прочь убедиться на деле в отличных качествах государственного человека — Софрона. Явился бурмистр. На нем был синий армяк, подпоясанный красным кушаком. Говорил он гораздо меньше вчерашнего, глядел зорко и пристально в глаза барину, отвечал складно и дельно. Мы вместе с ним отправились на гумно. Софронов сын, трехаршинный староста, по всем признакам человек весьма глупый, также пошел за нами, да еще присоединился к нам земский Федосеич, отставной солдат с огромными усами и престранным выражением лица: точно он весьма давно тому назад чему-то необыкновенно удивился да с тех пор уж и не пришел в себя. Мы

осмотрели гумно, ригу, овины, саран, ветряную мельницу, скотный двор, зеленыя, конопляники; всё было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение. Кроме полезного, Софрон заботился еще о приятном: все канавы обсадил ракитником, между скирдами на гумне дорожки провел и песочком посыпал, на ветряной мельнице устроил флюгер в виде медведя с разинутой пастью и красным языком, к кирпичному скотному двору прилепил нечто вроде греческого фронтона и под фронтоном белилами надписал: «Пастроен вселе Шипилофке втысеча восем Сод саракавом году. Сей скотный дфор».

Аркадий Павлыч разнежился совершенно, пустился излагать мне на французском языке выгоды оброчного состояния, причем, однако, заметил, что барщина для помещиков выгоднее, — да мало ли чего нет!.. Начал давать бурмистру советы, как сажать картофель, как для скотины корм заготовлять и пр. Софрон выслушивал барскую речь со вниманием, иногда возражал, но уже не величал Аркадия Павлыча ни отцом, ни милостивцем и всё напирал на то, что земли-де у них маловато, прикупить бы не мешало. «Что ж, купите, — говорил Аркадий Павлыч, — на мое имя, я не прочь». На эти слова Софрон не отвечал ничего, только бороду поглаживал «Однако теперь бы не мешало съездить в лес», — заметил г-н Пеночкин. Тотчас привели нам верховых лошадей; мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ». В этом «заказе» нашли мы глушь и дичь страшную, за что Аркадий Павлыч похвалил Софрона и потрепал его по плечу. Г-н Пеночкин придерживался насчет лесоводства русских понятий и тут же рассказал мне презабавный, по его словам, случай, как один шутник-помещик вразумил своего лесника, выдрав у него около половины бороды, в доказательство того, что от подрубки лес гуще не вырастает... Впрочем, в других отношениях и Софрон и Аркадий Павлыч — оба не чуждались нововведений. По возвращении в деревню бурмистр повел нас посмотреть веялку, недавно выписанную им из Москвы. Веялка, точно, действовала хорошо, но если бы Софрон знал, какая неприятность ожидала и его и барина на этой последней прогулке, он, вероятно, остался бы с нами дома.

Вот что случилось. Выходя из сарая, увидели мы следующее зрелище. В нескольких шагах от двери, подле грязной лужи, в которой беззаботно плескались три утки, стояло на коленках два мужика: один — старик лет шестидесяти, другой — малый лет двадцати, оба в замашных заплатанных рубахах, на босу ногу и подпоясанные веревками. Земский

Федосеич усердно хлопотал около них и, вероятно, успел бы уговорить их удалиться, если б мы замешкались в сарае, но, увидев нас, он вытянулся в струнку и замер на месте. Тут же стоял староста с разинутым ртом и недоумевающими кулаками. Аркадий Павлыч нахмурился, закусил губу и подошел к просителям. Оба молча поклонились ему в ноги.

— Что вам надобно? о чем вы просите? — спросил он строгим голосом и несколько в нос. (Мужики взглянули друг на друга и словечка не промолвили, только прищурились, словно от солнца, да поскорей дышать стали.)

— Ну, что же? — продолжал Аркадий Павлыч и тотчас же обратился к Софрону. — Из какой семьи?

— Из Тоболеевой семьи, — медленно отвечал бурмистр.

— Ну, что же вы? — заговорил опять г. Пеночкин, — языков у вас нет, что ли? Сказывай ты, чего тебе надобно? — прибавил он, качнув головой на старика. — Да не бойся, дурак.

Старик вытянул свою темно-бурую, сморщенную шею, криво разинул посиневшие губы, сильным голосом произнёс: «Заступись, государь!» — и снова стукнул лбом в землю. Молодой мужик тоже поклонился. Аркадий Павлыч с достоинством посмотрел на их затылки, закинул голову и поставил немного ноги.

— Что такое? На кого ты жалуешься?

— Помилуй, государь! Дай вздохнуть... Замучены совсем. (Старик говорил с трудом.)

— Кто тебя замучил?

— Да Софрон Яковлич, батюшка.

Аркадий Павлыч помолчал.

— Как тебя зовут?

— Антипом, батюшка.

— А это кто?

— А сынок мой, батюшка.

Аркадий Павлыч помолчал опять и усами повел.

— Ну, так чем же он тебя замучил? — заговорил он, глядя на старика сквозь усы.

— Батюшка, разорил вконец. Двух сыновей, батюшка, без очереди в некруты отдал, а теперя и третьего отнимает. Вчера, батюшка, последнюю коровушку со двора свел и хозяйку мою избил — вон его милость. (Он указал на старосту.)

— Гм! — произнес Аркадий Павлыч.

— Не дай вконец разориться, кормилец.

Г-н Пеночкин нахмурился.

— Что же это, однако, значит? — спросил он бурмиистра вполголоса и с недовольным видом.

Пьяный человек-с, — отвечал бурмистр, в первый раз употребляя «слово-ер», — неработающий. Из недоимки не выходит вот уж пятый год-с.

— Софрон Яковлич за меня недоимку взнес, батюшка, — продолжал старик, — вот пятый годочек пошел, как взнес, а как взнес — в кабалу меня и забрал, батюшка, да вот и...

— А отчего недоимка за тобой завелась? — грозно спросил г. Пеночкин, (Старик понурил голову.) — Чай, пьянствовать любишь, по кабакам шататься? (Старик разинул было рот.) Знаю я вас, — с запальчивостью продолжал Аркадий Павлыч, — ваше дело пить да на печи лежать, а хороший мужик за вас отвечай.

— И грубиян тоже, — ввернул бурмистр в господскую речь.

— Ну, уж это само собою разумеется. Это всегда так бывает; это уж я не раз заметил. Целый год распутствует, грубит, а теперь в ногах валяется.

— Батюшка, Аркадий Павлыч, — с отчаяньем заговорил старик, — помилуй, заступись, — какой я грубиян? Как перед господом богом говорю, неволю приходится. Невзлюбил меня Софрон Яковлич, за что невзлюбил — господь ему судья! Разоряет вконец, батюшка... Последнего вот сыночка... и того... (На желтых и сморщенных глазах старика сверкнула слезинка.) Помилуй, государь, заступись...

— Да и не нас одних, — начал было молодой мужик...

Аркадий Павлыч вдруг вспыхнул:

— А тебя кто спрашивает, а? Тебя не спрашивают, так ты молчи... Это что такое? Молчать, говорят тебе! молчать!.. Ах, боже мой! да это просто бунт. Нет, брат, у меня бунтовать не советую... у меня... (Аркадий Павлыч шагнул вперед, да, вероятно, вспомнил о моем присутствии, отвернулся и положил руки в карманы.) *Je vous demande bien pardon, mon cher* (Прошу извинить меня, дорогой мой (франц.), — сказал он с принужденной улыбкой, значительно понизив голос. — *C'est le mauvais cfti de la medaille...* (Прошу извинить меня, дорогой мой (франц.). Ну, хорошо, хорошо, — продолжал он, не глядя на мужиков, — я прикажу... хорошо, ступайте. (Мужики не поднимались.) Ну, да ведь я сказал вам... хорошо. Ступайте же, я прикажу, говорят вам.

Аркадий Павлыч обернулся к ним спиной. «Вечно неудовольствия», — проговорил он сквозь зубы и пошел большими шагами домой. Софрон отправился вслед за ним. Земский выпучил глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался. Староста выпугнул уток из лужи. Просители стояли еще немного на месте, посмотрели друг на друга и поплелись, не оглядываясь, восворяси.

Часа два спустя я уже был в Рябове и вместе с Анпадистом, знакомым мне мужиком, собирался на охоту. До самого моего отъезда Пеночкин дулся на Софрона. Заговорил я с Анпадистом о шипиловских крестьянах, о г. Пеночкине, спросил его, не знает ли он тамошнего бурмистра.

— Софрона-то Яковлича?.. вона!

— А что он за человек?

— Собака, а не человек: такой собаки до самого Курска не найдешь.

— А что?

— Да ведь Шипиловка только что числится за тем, как бишь его, за Пенкиным-то; ведь не он ей владеет: Софрон владеет.

— Неужто?

— Как своим добром владеет. Крестьяне ему кругом должны; работают на него словно батраки: кого с обозом посылают, кого куды... затормошил совсем.

— Земли у них, кажется, немного?

— Немного? Он у одних хлыновских восемьдесят десятин нанимает да у наших сто двадцать; вот те и целых полтора десятин. Да он не одной землей промышляет: и лошадьми промышляет, и скотом, и дегтем, и маслом, и пенькой, и чем-чем... Умен, больно умен, и богат же, bestия! Да вот чем плох — дерется. Зверь — не человек; сказано: собака, пёс, как есть пёс.

— Да что ж они на него не жалуются?

— Эхста! Барину-то что за нужда! Недоимок не бывает, так ему что? Да, поди ты, — прибавил он после небольшого молчания, — пожалуйся. Нет, он тебя... да, поди-ка... Нет уж, он тебя вот как, того...

Я вспомнил про Антипа и рассказал ему, что видел.

— Ну, — промолвил Анпадист, — заест он его теперь; заест человека совсем. Староста теперь его забудет. Экой бесталаный, подумаешь, бедняга! И за что терпит... На сходке с ним повздорил, с бурмистром-то, невтерпеж, знать, пришлось... Велико дело! Вот он его, Антипа-то, клевать и начал. Теперь доедет. Ведь он такой пес, собака, прости, господи, мое прегрешенье, знает, на кого налечь. Стариков-то, что побогаче да посемейнее, не трогает, лысый чёрт, а тут вот и расходился! Ведь он Антиповых-то сыновей без очереди в некруты отдал, мошенник беспардонный, пёс, прости, господи, мое прегрешенье!

Мы отправились на охоту.

Зальцбрунн, в Силезии,
июль, 1847 г.

ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ

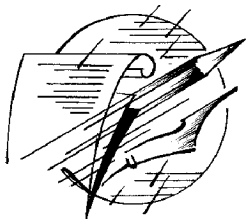
(М.Ю. ЛЕРМОНТОВ)

ХІХ

Имение Юрия Петровича всё еще не было разделено наследниками. Бабушка давно говорила, что надо бы Мише заняться этим, но к Столыпину он относился настороженно: в них, несмотря на отвагу и ум, гнезилось одно общее качество — они были очень прижимисты. Знал, что по смерти мужа бабушка всё до копейки получила с господ Арсеньевых, и не хотел, чтобы раздел отцовского имения происходил «по закону», настаивал «на любовном» разделе.

Пока что имением управляли тетки. Половину доходов, после обязательной уплаты процентов по закладной, они высылали Михаилу. Доход был мизерный. Арсеньева жаловалась Крюковой: «Мишенька из Кропотова получает в год только 300 рублей».

Она часто сетовала на денежные затруднения, хоть имела немалые средства, умалчивая о них. Потому, очевидно, умалчивала, что цену деньгам Миша не знал. «Я редко встречал человека беспечнее его относительно материальной жизни. Кассиром был его Андрей Соколов, действовавший совершенно

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

бесконтрольно. Когда впоследствии он стал печатать свои сочинения, то я часто говорил ему: «Зачем не берешь ты ничего за свои стихи. Пушкин был не беднее тебя, однако платили же ему книгопродавцы по золотому за каждый стих», но он, смеясь, отвечал мне словами Гете: «Песня, которая родилась у тебя, уже есть щедрое вознаграждение» (Аким Шан-Гирей).

Елизавета Алексеевна собиралась в Тарханы «отыскивать средства». Предварительно условилась с братом усопшего мужа, что он не откажет заняться делами по Кропотову. Сдала квартиру у Синего моста, и Лермонтов перебрался в Царское Село. Отъезд бабушки сильно его расстроил: «Перспектива остаться первый раз в жизни совершенно одному — меня пугает. Во всем большом городе не останется ни единого существа, которое действительно мне сочувствует».

Из Петербурга Арсеньева выехала в распутицу, заболела, и, кое-как добравшись до Москвы, слегла. До конца июня она пробыла у Мещериновых, и лишь потом смогла выехать в Тарханы.

В своем имении она обратила внимание на молодых вдов и девушек, уведомляя внука: «Девки, молодые вдовы, замуж не шли и беспутничали, я кого уговорила, кого на работу посылала и от шестнадцати больших девок четыре остались и вдова. Все вышли замуж. Иную подкупила, и всё пришло в прежний порядок».

Кроме того, Елизавета Алексеевна выгодно продала дворового Лукьяна с малолетним сыном, а также крестьянина Колосова с четырьмя сыновьями от шести до шестнадцати лет.

В это время внук нес армейскую службу. Дежурства в Царском Селе и Главном штабе в Петербурге, полковые смотры, выезды на учения. «Каждый день ученье, иногда два». За смотры, парады, маневры в высочайшем присутствии Лермонтов вместе с другими офицерами был удостоен «благоволения». Дружеские пирушки, которым в воспоминаниях о нём отводится так много места, были не часты, но Лермонтов вносил в них что-нибудь оригинальное, и это запоминалось. Свободное время он отдавал творчеству, не допуская к нему никого, кроме самых близких друзей. Заканчивал драму «Маскарад». То, с чем сталкивался в жизни, выливалось на ее страницы. «Справедливо ли описано у меня общество? — не знаю. По крайней мере, оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня».

Михаил Юрьевич мечтал видеть «Маскарад» на сцене, но цензура не пропустила, потребовав убрать «лишнее» и дора-

ботать драму. Отчасти это пошло на пользу: Лермонтов пересмотрел и улучшил несколько сцен, добавил четвертый акт, но критическую направленность, т.е. «лишнее», не убрал. Дrame не суждено было увидеть свет при жизни Михаила Юрьевича, она будет поставлена в Александринском театре через 13 лет после его гибели.

Исследователи творчества Лермонтова считают, что «Маскарад» основан на реальных событиях. Так или иначе, фактом остается то, что «Маскарад» — социальная трагедия: Арбенин, отъявленный эгоист, поддается на клевету и, раздираемый ревностью, убивает любимую жену.

«Немногие поэты сумели, подобно Лермонтову, остаться во всех обстоятельствах жизни верными искусству и самим себе. Выросший среди общества, где лицемерие и ложь считаются признаками хорошего тона, Лермонтов до последнего вздоха остался чужд всякой лжи и притворства» (Фридрих Боденштедт).

Некоторые гусары были против занятий Лермонтова поэзией, находя это несовместимым с достоинством гвардейского офицера.

— Брось ты свои стихи, — говорил Лермонтову любивший его полковник Ломоносов, — государь узнает, и наживешь беды!

— Что я пишу стихи, государю было известно еще когда я был в юнкерской школе, через великого князя Михаила Павловича, и вот, как видите, до сих пор никаких бед я себе не нажил.

— Ну, смотри, смотри, не зарвься, куда не следует.

— Не беспокойтесь, господин полковник, — отшучивался Михаил Юрьевич, делая серьезную мину.

Однако были офицеры, и среди них командир лейб-гвардии Гусарского полка Михаил Григорьевич Хомутов, которые чтили в Лермонтове поэта, гордились им.

В этот период Лермонтов тесно сблизился со Святославом Раевским — крестником бабушки. Святослав Афанасьевич переехал из Пензы в Москву, окончил университет, работал в одном из московских департаментов, затем перебрался в Петербург и устроился в министерство юстиции. Он горячо поддерживал Лермонтова-поэта, видя в нем огромное дарование и ценя это превыше всего. В квартире Раевского Лермонтов мог заниматься творчеством в самой спокойной обстановке.

Раевский был знаком с петербургскими литераторами, и от него Лермонтов узнал, как травят Пушкина в высшем свете. Измученный Пушкин просил государя разрешить ему жить в Михайловском, царь заявил, что в таком разе запрещает ему пользоваться Государственным архивом. Александр Сергеевич работал над историей Петра I, и лишиться архива значило для него задохнуться.

Елизавета Алексеевна с нетерпением ждала внука в отпуск.

«Милый любезный друг Мишенька. Конечно, мне грустно, что долго тебя не увижу, но, видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к Богу. Меня беспокоит, что ты без денег, я с десятого сентября всякой час тебя ждала. Посылаю теперь тебе, мой милый друг, тысячу четыреста рублей ассигнациями да писала к брату Афанасию, чтоб он тебе послал две тысячи рублей. Надеюсь на милость Божию, что нынешний год порядочный доход получим, но теперь еще никаких цен нет на хлеб, а задаром жалко продать хлеб. Невестка Марья Александровна была у меня и сама предложила написать к Афанасию, и ты, верно, через неделю получишь от него две тысячи... Я к тебе буду посылать всякие три месяца по две тысячи пятьсот рублей.

Я долго к тебе не писала, мой друг, но не беспокойся обо мне, я здорова; береги свое здоровье, мой милой, ты здоров, весел, хорошо себя ведешь, и я счастлива и истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю Бога, что он на старости послал в тебе мне утешения. Лошадей тройку тебе купила, и, говорят, как птицы летят, они одной породы с буланой и цвет одинакой, только черный ремень на спине и черные гривы, забыла, как их называют. Домашних лошадей шесть, выбирай любых, пара темно-гнедых, пара светло-гнедых и пара серых, но здесь никто не умеет выезжать лошадей, у Матюшки силы нет. Никанорка объезжает купленных лошадей, но я боюсь, что нехорошо их приедит, лучше думаю тебе и Митьку кучера взять. Можно до Москвы его отправить дни за четыре до твоего отъезда.

Стихи твои, мой друг, я читала, бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет нынешней модной неистойвой любви, и невестка сказывала, что Афанасию очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия или трагедия? Все, что до тебя касается, я равнодушна, уведошь, а коли можно, то и пришли через почту. Стихи твои я больше десяти раз читала.

Скажи Андрею, что он так давно к жене не писал, она с ума сходит, всё плачет, думает, что он болен. В своем письме его письмо положи, да пусть купит подарок для Дарьи, она служит мне с большой привязанностью. Получил ли ты мех черный под сюртук? Прощай, мой друг, Христос с тобою, будь над тобою милость Божия. Не забудь, мой друг, купить мне металлических перьев, здесь никто не умеет очинить пера. Всё мне кажется, мой друг, мало тебе денег; нашла еще сто рублей, посылаю тебе тысячу пятьсот рублей».

В ноябре за безупречную службу Лермонтов получил поощрение от великого князя Михаила Павловича, а 20 декабря смог выехать в Москву, имея на руках отпускное свидетельство сроком на шесть недель.

В Москве остановился у Екатерины Аркадьевны Столыпинной, где его ожидала коляска с периной и собачьим одеялом, — бабушкина забота. Побывал у Верещагиных, Лопухиных, у Пожогойной-Отрашкевич, смеялся, шутил, рассказывал анекдоты, сидел за рояль, играл и пел. Успел на рождественский бал в Благородном собрании, и 31 декабря прибыл в Тарханы.

Бабушка чуть не лишилась ума, увидев своего Мишу: «Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать, и легче стало».

Приехали из Апалихи Шан-Гирей, несколько знакомых из Чембар. Новый год встретили все вместе.

Немного успокоившись, Елизавета Алексеевна рассказала внуку, что хлеб продала довольно выгодно, а еще выгодней продала гречу. Сказала, что страшно скучала, боялась, не болен ли Миша? Снова зашел разговор о разделе наследства. Лермонтов выехал в Кропотово.

Отчий дом поразил его переменами: без мужского догляда всё обветшало. Как горько было увидеть почти неприкрытую бедность после роскошных домов и квартир петербургской родни! Но тетки были спокойны, племянник от них не услышал ни жалоб, ни вздохов. Лермонтов съездил в Шипово на могилу отца, где стоял уже памятник из серого гранита, увенчанный крестом; поклонился родному праху... Как не хватало ему отца! Сколько могли бы сказать друг другу сейчас, выпить в его кабинете, заставленном книгами, и еще больше сродниться душой — оба военные.

Елена Петровна призналась ему, что собирается замуж за небогатого помещика Петра Васильевича Виолева, и если Миша не против, они с мужем выкупят его долю наследства с рассрочкой в пять лет. Он согласился. Он бы совсем отказался от своей доли, если б не бабушка. Акварельными красками Михаил Юрьевич скопировал портрет отца. Возвращаясь в Тарханы, заехал в Чембар, оформил доверенность на Григория Васильевича Арсеньева, жившего в тридцати верстах от Кропотова.

В январе Елизавета Алексеевна писала Крюковой: «План жизни моей, мой друг, переменился: Мишенька упросил меня ехать в Петербург с ним жить, и так убедительно просил, что не могла ему отказать и так решила ехать в мае. Его отпустили ненадолго, вакансии не было, и в первых числах февраля должен ехать.

Какова у вас зима? А у нас морозы доходят до 30 градусов, но чаще всего почти всякой день метель, снегу такое множество, что везде бугры, дожидаюсь февраля, авось либо потеплее будет, ветра ужасные, очень давно такой жестокой зимы не было».

Дороги перемело, соседи не навещали, никто не отвлекал Михаила Юрьевича от работы, и он был рад. В уютном своем кабинете, под буйство метели за окном, писал драму «Два брата», непосредственно связанную с его приездом в Москву. «Пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве. О, Москва, Москва... Надо тебе объяснить сначала, что я влюблен», — поделился со Святославом Раевским.

Да, он виделся с Варенькой! На балу в Благородном собрании. Не подошел, но издали наблюдал за ней, и лишь когда сели за стол, он постарался сесть рядом с ней и Бахметевым. О том, что произошло, Лермонтов смог признаться только спустя несколько месяцев — в романе «Княгиня Лиговская»:

«За десертом, когда подали шампанское, Печорин, подняв бокал, оборотился к княгине: — Так как я не имел счастья быть на вашей свадьбе, то позвольте поздравить вас теперь. — Она посмотрела на него с удивлением и ничего не отвечала. Тайное страдание изображалось на ее лице, столь изменчивом, рука ее, державшая стакан с водою, дрожала... Печорин все это видел, и нечто похожее на раскаяние закралось в грудь его: за что он ее мучил? с какою целью? Какую пользу могло ему принести это мелочное мщение?.. он себе в этом не мог дать подробного отчета».

Лермонтов вновь любил ее, любил еще больше, чем прежде. Да, он считал ее замужество коварством, но убедился, что это не так.

В драме «Два брата» Юрий, признается: «Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение; но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них — ни одна меня не привязала». Мотив измены возлюбленной, соблазненной богатством и положением в обществе (бывшие подозрения Лермонтова относительно Вареньки), приобрел социальный характер: «...миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени — господин миллион — тут всё».

Взяв в бывшей классной комнате краски и кисти, Михаил Юрьевич написал портрет Вареньки: гордая посадка головы и слегка вопросительный взгляд. Но одежда не бальная, он покрыл ее плечи скромным хитоном.

После «Двух братьев», занялся поэмой «Боярин Орша», которую начал еще в Петербурге. (Поэма увидит свет лишь в 1842 году. Белинский, читавший ее в рукописи, писал Баку-

нину: «Читали ли вы «Боярина Оршу» Лермонтова? Какое страшно могучее произведение! Привезу его к Вам вполне, без цензурных выпусков»).

Была задумана «Песня о купце Калашникове». Народные речевые обороты, которые Лермонтов собирался ввести в нее, он слышал от тарханских крестьян и дворовых. По замыслу, в поэме должен происходить кулачный бой, и как только метель утихла и распогодилось, Михаил Юрьевич упросил тарханских мужиков выйти стенка на стенку. Выставил бочонок водки, место боя оцепили веревками, мужики разделились на две половины — и началось! Лермонтов сам сгорал от желания драться, но этого делать было нельзя: он хозяин, ему уступят. «Много нашло народу; а супротивник сына моего прямо по груди-то и треснул, так, значит, кровь пошла. Мой-то осерчал, да и его как хватит — с ног сшиб. Михаил Юрьевич кричит: «Будет! Будет, еще убьет!» (А.П. Ускокова, крестьянка села Тарханы).

На этом бой кончился.

В январе по манифесту Николая I солдаты, отбывшие двадцатилетний срок службы, были отпущены по домам; в Тарханы их возвратилось шесть человек. Лермонтов распорядился для каждого дать по полдесятины пахотной земли и необходимое количество строевого леса на постройку изб. Елизавета Алексеевна была недовольна, но распоряжения внука не отменила.

По установившейся погоде Андрей Соколов и кучер Митька погнали в Петербург тройку башкирок и еще двух лошадей. Сам Лермонтов прибыл в столицу в середине февраля.

Бабушка оказалась права: тройка летела как птица. Внук радостно сообщал ей: «Лошади мои, башкирки, вышли так сносны, что чудо: до Петербурга скачу — а приеду, они и не вспотели; а большими парой, особенно одной, все любуются — они так выправились, что ожидать нельзя было». И в следующем письме: «Я на днях купил лошадь у генерала и прошу вас, если есть деньги, прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше, а цена эта не велика». Елизавета Алексеевна не замедлила выслать нужную сумму.

В конце апреля сама приехала. Михаил Юрьевич к тому времени подыскал ей квартиру в доме Шаховской на Садовой улице и купил карету. Квартира понравилась бабушке.

В мае, по ее просьбе, Григорий Васильевич Арсеньев побывал в Кропотове, проведя полный учет крестьян, дворовых людей, хозяйства господского и крестьянского со всеми постройками, скотом и инвентарем, пахотных и лесных угодий. Дом Юрий Петрович Лермонтов завещал сестрам, всё остальное было оценено в 60 тысяч рублей и разделено на две

части. По закладной в опекунский совет оставалось долгу 25 тысяч рублей, на долю Михаила Юрьевича приходилось 12 тысяч. Всего же ему полагалось после продажи наследственной доли 25 тысяч рублей.

Григорий Васильевич передоверил продажу Арсеньевой, и в конце марта следующего года муж Елены Петровны, Виолев, выкупил долю племянника, взяв на себя выплату по закладной. Арсеньева очень была недовольна, хоть и писала Крюковой: «...Я рада, что продала Мишину часть Виолеву, ежели бы постороннему продала, хотя бы наверное тысяч десять получила лишнего, но стали бы жаловаться, что я их разорила и что Миша не хотел меня упросить и на него бы начали лгать, рада, что с ними развязалась...»

Несправедлива она была к Лермонтовым. Они не умели лгать, и никогда не жаловались. В сердцах она обвинила и Григория Васильевича: зачем оценил имение дешево, зачем не всё, что полагалось Мише, взял с его теток? Обидела честного человека, и арсеньевский род прекратил отношения с ней.

В Царском Селе служили теперь вместе с Лермонтовым Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго), и штаб-ротмистр Алексей Григорьевич Столыпин. Втроем они сняли квартиру, хозяйство вели совместно.

Монго стал красавцем! Все дамы высшего света, обитавшие в Царском Селе, были в него влюблены. «Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать «Монго-Столыпина» значило для нас, людей того времени, то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом. Вымолвить о нем худое слово не могло бы никому прийти в голову, и принято было бы за нечто чудовищное. Отменная храбрость этого человека была вне всякого подозрения. И так было велико уважение к этой храбрости и безукоризненному благородству, что, когда он однажды отказался от дуэли, на которую был вызван, никто в офицерском кругу не посмел сказать укорительного слова, и этот отказ, без всяких пояснительных замечаний, был принят и уважен», — писал А.П. Извольский.

Алексей Столыпин прославился даже своей собакой, которой четыре года назад дал кличку Монго, начитавшись приключений Монго Парка, — она разыскивала его повсюду, прибегала на смотры и, к досаде командира полка Хомутова, облаивала его лошадь.

Погода стояла холодная, мокрая, гусары уставали, и если случалась возможность, то развлекали себя, кто чем. Алек-

сей Григорьевич, как старший, несколько сдерживал молодежь, и все-таки Лермонтов и Монго исхитрились прославиться похождениями.

Как только закончились учения и офицеры опять получили свободу, Лермонтов перебрался к бабушке, где все располагало к трудам, чтению и пересмотру заброшенных было тетрадок. Аким Шан-Гирей жил у Арсеньевой и был посвящен во все творческие замыслы поэта. Лермонтов творил с невероятной быстротой; закончив произведение, редко к нему возвращался, не исправлял, а если был недоволен, брался за новое, переносил в него главные моменты из того, которое забраковал. Аким сохранял забракованные рукописи, справедливо полагая, что Михаил Юрьевич когда-нибудь к ним вернется.

Когда приходила нужда быть в Царском, Лермонтов возвращался в свою квартиру. В полку у него появился еще один друг — Семен Абамялик. Он в декабре минувшего года окончил юнкерскую школу и был произведен в корнеты. Крохотного роста, за что прозвали «Мальчик с пальчик», Семен до самозабвения любил живопись. Оборудовав удобную мастерскую в доме своего зятя, полковника Ираклия Баратынского, он вместе с Михаилом Юрьевичем проводил там свободное время. Абамялик писал картины на религиозные темы, Лермонтов — кавказские виды, помня их с детства.

Абамялик нравился Лермонтову: отлично образованный, без фатовства, всегда приветливый и без малейшего налета солдафонства. Через Абамялика он сошелся с полковником Баратынским и его супругой.

К Лермонтову, по свидетельству Лонгинова, «начальство не благоволило, считало его дурным фронтовым офицером. Он частенько сиживал в Царском Селе на гауптвахте, где я его иногда навещал. Между прочим, помню, как однажды он жестоко приставал к арестованному вместе с ним лейб-гусару Владимиру Дмитриевичу Бакаеву».

Странно такое читать: «дурной офицер» получал поощрения и «благоволения» от великого князя Михаила Павловича. Владимир Дмитриевич Бакаев — гусар, не мог дать отпор, дождался, когда ему посочувствуют. Лермонтов почему-то к прислуге относился по-человечески, и повар использовал это: напиться и не приготовит обед. Когда Михаил Юрьевич вышел из себя, тот с пьяных глаз кинулся драться. Лермонтов это оставил без наказания, но дошло до Арсеньевой: повар мгновенно был выслан в Тарханы, а управляющему было наказано высечь его и отправить в деревню Михайловку пасти скот.

В августе снова были учения в Красном Селе. Когда уже всё надоело, Лермонтов и Монго сорвались к балерине Пимено-

вой, жившей у Красного кабачка на даче любовника. Отыскали калитку, открыть не смогли, перелезли через забор, и когда балерина увидела их, то «чуть не брякнулась со стула».

В доме красавец Монго применил все свои чары, и дама сдалась. Маёшка сидел в ожидании конца любовных утех, как вдруг со двора послышался грохот! Глянул в окно — девятиместный экипаж с пятнадцатью седоками! Пришлось удирать! На Петергофской дороге чуть не столкнулись с коляской великого князя! Повернули на Петербург. В полк возвратились уже на рассвете.

Михаил Павлович их не узнал, он только заметил двух ускакавших гусар. Утром спросил командира полка: «Все офицеры об месте?» «Все», — ответил Хомутов.

Об этом приключении Лермонтов написал поэму «Монго», которая всем понравилась, даже великому князю. О встрече с ним автор, естественно, умолчал. Наверно, не раз Михаил Юрьевич думал о том, что стало бы с ним, свяжись он с чиновной средой? Изобретательный, страстный и непоседливый, он бы зачах в канцелярии.

С наступлением осени началось затишье в полку: офицеры перебрались в Петербург, приезжая в Царское Село только на дежурства. Святослав Афанасьевич Раевский познакомил Лермонтова со своим однокурсником по Московскому университету — Андреем Александровичем Краевским, который сейчас помогал Пушкину в издании журнала «Современник».

Несмотря на то, что Андрей Александрович был близок с Пушкиным, напроситься у него на знакомство с поэтом Лермонтов даже подумать не мог!

В ту осень Михаил Юрьевич работал над романом «Княгиня Лиговская», построенном на конфликте богатого аристократа с бедным чиновником. Святослав Афанасьевич помогал ему в написании глав, связанных с чиновной деятельностью. Раевский давно переехал к Арсеньевой и был теперь главным помощником Михаила Юрьевича. В создании седьмой главы, где описывалась убогая квартира Красовского, участвовал Аким Шан-Гирей.

24 декабря, как значилось в месячных отчетах лейб-гвардии Гусарского полка, Лермонтов простудился и «по болезни отпущен домой». Болезнь была выдумкой: Михаил Юрьевич хотел закончить роман, не дергаясь в Царское Село. На такие «болезни» командование смотрело сквозь пальцы.

XXI

В январе Петербург поразило известие о дуэли Пушкина с приемным сыном голландского посланника Геккерна. Трав-

лю Александра Сергеевича Геккерн организовал в конце ноября: городская почта доставила Пушкину и нескольким его друзьям пародийную грамоту, в которой поэту присваивался «патент на звание рогносца». Разобравшись, кто автор, Пушкин послал его сыну Дантесу вызов на дуэль. Дантес уклонился, а ровно через неделю сделал предложение Екатерине Гончаровой, родной сестре Натальи Николаевны Пушкиной.

Екатерина жила в доме Пушкина, где Дантес бывал постоянно, но не интересовался ею, хотя эта дама двадцати восьми лет была влюблена в него по уши. Теперь он воспытал к ней сильнейшей страстью, так что уже 10 января сыграли свадьбу. Хохотал весь Петербург, даже те, кто ненавидел Пушкина.

Пытаясь обелить сына, Геккерн принялся за анонимные письма к поэту, которые рассылала графиня Нессельроде; в каждом письме содержался намек на «рога». Дантес на балах, бросив жену, демонстративно вертелся возле Натальи Николаевны, и великосветское общество было захвачено предстоящим спектаклем.

Александр Сергеевич готов был к дуэли. Договорился с лицейским товарищем Константином Данзасом, что тот не откажется быть секундантом. (После дуэли, спасая Данзаса, Пушкин уверял государя, что встретился с ним случайно). Написал Геккерну письмо, сравнимое с пощечиной, и тот, от имени своего приемного сына вызвал Пушкина на дуэль.

27 января под Петербургом в перелеске близ Комендантской дачи Дантес и Пушкин стрелялись с десяти шагов; Дантес стрелял первым, Пушкин упал; но приподнялся и с локтя сделал свой выстрел: пуля попала в правую руку Дантеса повыше кисти.

Известие о дуэли подняло на ноги весь Петербург, у дома поэта собралась толпа. 28 января старший врач полиции сообщил главе Медицинского департамента: «Полицию узнано, что вчера в пятом часу пополудни, за чертою города позади Комендантской дачи, происходила дуэль между камер-юнкером Александром Пушкиным и поручиком Кавалергардского ее величества полка Геккерном, первый из них ранен пулею в нижнюю часть брюха, а последний в правую руку навывлет и получил контузию в брюхо. Господин Пушкин при всех пособиях, оказываемых ему его превосходительством господином лейб-медиком Арендтом, находится в опасности жизни. О чем вашему превосходительству имею честь донести».

День был холодный, ветреный, но люди стояли у дома на Мойке, прислушиваясь к каждому слову Жуковского, который время от времени выходил на крыльцо и сообщал о состо-

янии здоровья Александра Сергеевича. По словам современников, перебивало в те дни около пятидесяти тысяч человек.

Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным, но мог и умел ценить его. Под свежим еще влиянием истинного горя и негодования, возбужденного в нем этим святотатственным убийством, он в один присест написал стихотворение «Смерть поэта», разнесшееся в два дня по всему городу. Негодование Лермонтова было чем-то совершенно новым, неслыханным! В этом негодовании русский человек впервые призывал осознать свое национальное достоинство!

Общество разделилось на отдельные лагеря. В одном выступали против иноземных подлецов, пригретых российской властью, в другом жалели красавца француза и говорили, что больше всего виновата Наталья Пушкина. (О том, что Наталья Николаевна была сильно увлечена Дантесом, Пушкин даже не думал скрывать: великой и возвышенной страстью назвал он любовь, не смея ее осуждать.)

Лермонтов обо всем этом знал. Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, стал приход Николая Столыпина — брата Монго. Николай служил под начальством Несельероде, славного тем, что упек Грибоедова в Персию, где его зверски убили. Столыпин поговорил с Арсеньевой о каких-то делах, похвалил стихи Мишеля «Смерть поэта» и с усмешкой сказал, что Наталья Пушкина во вдовах не засидится, ей это не к лицу. Пройдя в кабинет Лермонтова, где был и Николай Юрьев, попенял поэту: «Напрасно ты нападаешь на Дантеса: Дантес, как всякий благородный человек, не мог не стреляться — честь обязывает!»

«Лермонтов сказал на это, что русский человек, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снес бы ее и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки. Столыпин засмеялся и нашел, что у Мишеля раздражение нервов. Он перешел к другим предметам светской жизни, к новостям дня, но Майошка наш его не слушал и, схватив лист бумаги, что-то быстро по нём чертил карандашом, ломая один за другим и переломав так с полдюжины. Столыпин сказал, улыбаясь и полупшепотом: «Поэзия разрешается от бремени». Потом, поболтав еще немного и обращаясь уже только ко мне, собрался уходить и сказал Лермонтову: «Adieu, Michel!», но наш Мишель закусил уже поводья, и гнев его не знал пределов. Он сердито взглянул на Столыпина и бросил ему: «Вы, сударь, антипод Пушкина, и я ни за что не отвечаю, ежели вы сию секунду не выйдете отсюда!» — Столыпин не заставил себя приглашать к выходу дважды и вышел быстро, сказав только: «Но ведь

он просто бешеный». Четверть часа спустя Лермонтов прочитал мне те стихи, которые начинаются словами: «А вы, надменные потомки!» и в которых так много силы» (Николай Юрьев).

XXII

После ухода Столыпина Раевский, Юрьев и Шан-Гирей изготовили 6 копий прибавления к стихотворению «Смерть поэта», и, поехав к друзьям, раздали. Стихи пошли по рукам, переписывались и распространялись. Вскоре их уже знал шеф жандармов Бенкендорф. Дело не стал раздувать, решив, что как-нибудь обойдется; ему без того с трудом удалось предотвратить взрыв народного гнева в связи с убийством Пушкина. Но тут вмешалась старуха Хитрова. На вечере у австрийского посланника она с гневным лицом приблизилась к шефу жандармов:

— Слышали вы, Александр Христофорович, что написал *про нас* Лермонтов?

После чего Бенкендорфу пришлось обо всем доложить государю. Тот уже знал о стихах — получил их по городской почте с припиской анонима: «Воззвание к революции». Бенкендорфу оставалось лишь сообщить, что стихотворение Лермонтова послано генералу Веймарну, «дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-либо извне, и о взятии всех его бумаг, как здесь, так и на квартире его в Царском Селе». Но император уже отправил Веймарна с тем же заданием; кроме того велел старшему медику гвардейского корпуса «посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Начальник Гвардейского штаба Веймарн ничего не нашел в квартирах поэта. Лермонтов был отправлен в Главный штаб и помещен в одну из комнат верхнего этажа. «Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес (стихотворений. — Н.Б.), а именно: «Когда волнуется желтеющая нива»; «Я, мать Божия, ныне с молитвою»; «Кто б ни был ты, печальный мой сосед», и переделал старую пьесу «Отворите мне темницу», прибавив к ней последнюю строфу «но окно тюрьмы высоко» (Аким Шан-Гирей).

Михаил Юрьевич не знал, что с ним будет: отдадут ли в солдаты, посадят ли в крепость? Стихотворение «Я, мать Божия» стало просьбой о Вареньке:

*Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.*

В квартире поэта снова произвели обыск, была составлена «Опись письмам и бумагам лейб-гвардии Гусарского полка корнета Лермонтова», а также «Опись перенумерованным бумагам чиновника 12-го класса Раевского». На семнадцатилетнего Акима Шан-Гирея не обратили внимания.

Святослав Раевский был посажен на гауптвахту у Сенной площади, неподалеку от дома, где жила Арсеньева. Сумел написать записку Андрею Соколову, попросив часового отдать ему со всей осторожностью:

«Андрей Иванович! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку Министру. Надобно, чтобы он (Лермонтов. — Н.Б.) отвечал согласно с нею, и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже».

К записке Раевский приложил черновик своих показаний. Все это было перехвачено и оказалось в руках Бенкендорфа. Начались допросы. Вину Раевского усугубляло то, что он пытался передать записку и черновик, а к тому же при обыске петербургской квартиры среди бумаг Святослава Афанасьевича была обнаружена записка Андрея Краевского: «Скажи мне, что случилось с Лермонтовым? Неужели еще жертва в память усопшему? Господи, когда всё это кончится!..»

Лермонтову объявили, что будет отдан в солдаты, если не назовет соучастников, и он, безмерно жалея бабушку, поскольку в солдатах служили по двадцать лет, назвал Святослава Афанасьевича. Других соучастников отрицал. Впоследствии Раевский говорил, что показания Лермонтова не могли отозваться резко на его служебных делах, «но, к несчастью моему и Мишеля, я был тогда в странных отношениях к одному из служащих лиц».

Этим лицом был Клейнмихель — начальник штаба военных поселений, имевший репутацию исключительного казнокрада и льстеца. «Когда Лермонтов произнес перед судом мое имя, — пишет Раевский, — служаки этим воспользовались, аттестовали меня *непокорным* и ходатайствовали об отдале меня под военный суд».

Лермонтов страшно переживал, что по его вине Святослав Афанасьевич понес наказание. Писал ему после своего освобождения из-под ареста: «Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что я виной твоего несчастья, что

ты, желая мне же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельт говорит, что Клейнмихель тоже виноват... Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали *от государя*: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрюсь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать — но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойным своей дружбы... Кто б мог ожидать!.. Я к тебе заеду непременно. Сожги эту записку».

За Лермонтова вступились друзья Пушкина, прежде всего Жуковский, близкий к императорской семье. Он сообщил государю, что дополнительные 16 строк к стихотворению «Смерть поэта» вынудил Лермонтова написать Николай Столыпин, заступавшийся за Дантеса и чернивший вдову Пушкина; что не только Лермонтов был взбешен дуэлью, некоторые вельможи получили анонимки, в которых было заявлено, что выстрел Дантеса — преднамеренное и обдуманное убийство!

Николай I отлично знал, кто такие «известной подлостью прославленные отцы» — это убийцы его деда Петра III, убийцы его отца Павла I. Те же Столыпины из захудалых муромских помещиков несметно разбогатели на винных поставках для армии Петра I. Понял, что в опасном народном волнении, связанном со смертью Пушкина, виновен был высший свет, где от скуки раздуют любую интригу и сплетню. А сам он? Он тоже виновен...

Бабушка подключила все свои связи, чтобы смягчить участь внука: «Мишенька по *молодости и ветрености* написал неприлично насчет придворных...» 25 февраля по высочайшей государевой резолюции Михаил Юрьевич был переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, с сохранением офицерского звания. Дантесу, чтобы его не убил какой-нибудь защитник Пушкина, император велел покинуть Россию.

Александр Тургенев писал Булгакову: «Бабушка Арсеньева в отчаянье, а всему главная виновница тетушка-публика, которая..., но бог с ней: иного и обидеть можно, а боже упаси того».

О том, что едет на Кавказ, Лермонтов не только не горевал, но был счастлив, хотя, как военный человек, знал, что там уже не отдельные стычки, а настоящая война. Но что Петербург? Лорд Байрон недаром уехал из скучного Лондона в Грецию, где мог в любую минуту попасть под турецкую пулю. А Пушкин? Без дозволения императора рванул на Кавказ, и чуть не погиб, поскакав вперед всех на чеченский отряд... А Монго? Недавно добровольцем отправился в те же края.

Как только его отпустили, к Арсеньевой пришел Краевский. Лермонтов через него передал записку Святославу Афанасьевичу: «Я видел нынче Краевского; он был у меня и расказывал мне, что знает про твое дело. Будь уверен, что всё, что бабушка может, она сделает... Я теперь почти здоров — нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будет с твоей хандрой? Если б я мог с тобой видеться! Как только позволят мне выезжать, то вторично приступлю к коменданту. Авось, позволит проститься».

Бабушка заказала художнику Заболотскому, у которого Лермонтов брал в Петербурге уроки живописи, портрет внука, и Петр Ефимович выполнил портрет масляными красками на картоне. Лермонтов — в гусарском ментике. (С этим портретом Арсеньева никогда не расставалась).

Офицеры полка настроились дать Лермонтову прощальный обед, но Хомутов отсоветовал, — обед может быть истолкован превратно, усугубит положение Михаила Юрьевича и положение полка. 19 марта Лермонтов, простившись с бабушкой и всячески ее успокаивая, выехал в Москву.

Спустя несколько дней был освобожден из-под ареста Святослав Раевский. Повидаться с Лермонтовым ему так и не разрешили. 5 апреля Святослав Афанасьевич расписался в получении подорожной, прогонных на трех лошадей, и в тот же день выехал в Олонецкую губернию «для употребления на службу по усмотрению гражданского губернатора». Переправляясь через Неву, он едва не утонул возле Шлиссельбурга.

XXIII

В Москве жили самые дорогие Лермонтову люди: Мария Александровна Лопухина, Екатерина Аркадьевна Столыпина, Анна Петровна Пожогина-Отрашкевич, Алексей Лопухин и милая Варенька. Он побывал у всех, кроме Вареньки. У Анны Петровны взял льняное полотенце с вышитым фамильным гербом.

С ее сыном Мишей — своим двоюродным братом, Лермонтов никогда не терял связи. Миша служил в Петербурге, был пожалован в прапорщики, но в 1835 году его перевели в Минский пехотный полк.

Марии Александровне и ее сестре Елизавете, собиравшимся в Европу, Лермонтов пообещал выслать с Кавказа черкесские тувельки. Страстно хотел вписать в альбом Вари стихотворение «Я, мать Божия, ныне с молитвою», но посетить Бахметевых не посмел.

Случайно встретил Мартынова, который тоже ехал на Кавказ — для укрепления крепостей Михайловской и Новотроицкой. Он ехал «охотником», т.е. по собственной охоте. Мартынов служил в Кавалергардском полку вместе с Дантесом, и всё, что случилось в последние месяцы, было ему известно. «Мое семейство жило в Москве постоянно, но в этот год и оно поднималось на Кавказ... В эту самую эпоху проезжал через Москву Лермонтов. Он был переведен из гвардии в Нижегородский драгунский полк тем же чином за стихи, написанные им на смерть Пушкина. Мы встречались с ним почти каждый день, часто завтракали вместе у Яра; но в свет он мало показывался».

Мартынов тоже писал стихи. По отзывам современников, они нашли бы место среди массы посредственных стихов, печатавшихся в то время.

Мартынов находил, что Лермонтов человек от природы добрый, но свет испортил его, «все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушать и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки. Он считал постыдным признаться, что любил какую-нибудь женщину, что приносил какие-нибудь жертвы для этой любви, что сохранил уважение к любимой женщине: в его глазах всё это было романтизм, напускная экзальтация, которая не выдерживает ни малейшего анализа».

Если бы Мартынов мог знать, как разрывалось теперь сердце Лермонтова! Он так и не встретился с Варенькой, у которой уже была годовалая дочь. Мечтал хоть случайно увидеть ее, — не пришлось.

В доме Мартыновых Лермонтов познакомился с юным Александром Мещерским, оставившим свои воспоминания:

«В семействе Мартыновых были три незамужние дочери, из которых одна, по-видимому, занимала собою нашего поэта... Мартынов в то время перешел из гвардии в Нижегородский драгунский полк (на Кавказ), как кажется, потому, что мундир этого полка славился тогда, совершенно справедливо, как один из самых красивых в нашей кавалерии. Я видел Мартынова в этой форме; она шла ему превосходно. Он очень был занят своей красотой... Лермонтов был приятный собеседник и неподражаемо рассказывал анекдоты».

В начале апреля Михаил Юрьевич выехал в Ставрополь; путь лежал через Тулу, и он завернул в Кропотово проститься с тетками. Снова отчий дом, портреты отца и матери... С ними он тоже простился.

Что с ним случилось в дороге: может быть, искупался в холодной реке, но в Ставрополь прибыл больным и был гос-

питализирован. Ревматизм был сильнейший, не шевелил ни ногой, ни рукой. Лечил его Николай Васильевич Майер, находившийся при штабе Вельяминова: умный, начитанный человек, выпускник Петербургской medico-хирургической академии — личность, далеко выступавшая из толпы. В своем романе «Герой нашего времени» Лермонтов вывел Майера доктором Вернером.

После госпиталя Михаил Юрьевич был направлен на воды в Пятигорск, куда уже прибыло семейство Мартыновых. Сопровождал его Майер: Лермонтов был настолько слаб, что из повозки его вынесли на руках. Понадобилось еще три недели, чтобы он смог прийти в себя. 31-го мая Лермонтов отправил письмо Марии Александровне:

«В точности держу слово и посылаю вам, милый и добрый друг, а также сестре вашей туфельки черкесские, которые обещал вам; их шесть пар, так что поделить их вы легко можете без ссоры; купил их, как только удалось отыскать; я теперь на водах, пью и принимаю ванны, словом, веду жизнь настоящей утки. Ежедневно брожу по горам, и одно это укрепило мне ноги; поэтому я только и делаю, что хожу: ни жара, ни дождь меня не останавливают... Вот примерно мой образ жизни, милый друг; не так уж это хорошо, но... как только я выздоровлю, то отправлюсь в осеннюю экспедицию против черкесов, когда государь будет здесь».

Шесть пар черкесских туфелек, купленных Лермонтовым, были не только для Марии Александровны и ее сестры Елизаветы, но и для Вареньки. Лермонтов знал, что ей будет приятно.

В Пятигорске, у одного из друзей, он увидел Виссариона Григорьевича Белинского, уже известного к тому времени литературного критика. В своих статьях Белинский утверждал, что России «нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище... страны, где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Лермонтов не читал критических статей Белинского, и потому их встреча у Сатина оказалась натянутой. Поначалу, вроде бы, разговорились, так как Белинский был из Чембар, но затем Виссарион Григорьевич перешел на французских энциклопедистов, особенно горячо высказываясь о Вольтере.

«Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он отвечал разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души.

— Да я вот что скажу вам об вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в губернёры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд смотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты. Лермонтов разразился хохотом. Тщетно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Белинский с своей стороны иначе не называл Лермонтова как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова на смерть Пушкина, он отвечал: «Вот важность — написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком». На впечатлительную натуру Белинского встреча с Лермонтовым произвела такое сильное влияние, что в первом же письме из Москвы он писал ко мне: «Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов».

Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеиваясь над своими любвями и волокитствами. По вечерам собиралось у нас по несколько человек, большею частью из офицеров Генерального штаба» (Н.М. Сатин).

В Пятигорский госпиталь прибыло несколько офицеров, служивших вместе с Монго, и они сказали Лермонтову, что у них был тяжелый и очень опасный переход через горы к Черному морю. Лермонтову было приятно услышать, что в этом походе Монго отлично себя показал.

Отряд под командованием генерал-лейтенанта Вельяминова, где находились теперь Монго и Столыпин, укреплял в северо-восточной части Черноморского побережья крепости Новотроицкую и Михайловскую, чтобы пресечь провокационные действия турок и англичан. С той же целью русское правительство учредило регулярное крейсерство кораблей

Черноморского флота. Англичане рвались овладеть Кавказом! «В различных частях гор мы находили свинцовую и серебряную руду. В горах есть золотые рудокопии. Черкесы полагают, что вдоль берега существует каменный уголь, а близ Анапы должны находиться нефтяные ключи».

Турция и Англия разжигали в народах Кавказа религиозный фанатизм, натравливали на русских, снабжали оружием, боеприпасами и военным снаряжением. Только в 1830 году к берегам Кавказа прибыло из Турции до двухсот английских и турецких судов. Обратным рейсом контрабандисты везли русских пленных. В случае преследования, привязывали балластные камни на шею пленных и бросали в море.

Михаилу Юрьевичу привезли распоряжение барона Розена: быть в Анапе. Почта туда не доставлялась, и он написал бабушке, чтобы выслала денег. Погода стояла отвратительная, лили дожди, Михаил Юрьевич перестал ходить на ванны; впрочем, он чувствовал себя уже хорошо.

Узнав о скором его отъезде, Мартыновы передали ему пакет с письмами и деньгами для Николая. В конце августа Лермонтов выехал в полк. В Екатеринодаре ему сообщили, что возле Геленджика Вильяминов готовится встречать царя Николая I, а поспеть к сроку можно только морским путем — через Тамань. Добирался он тяжело, было несколько перестрелок, ночевать приходилось под открытым небом.

В Тамань прибыл ночью. «Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем — занята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!» — закричал я. «Есть еще одна фатера, — отвечал десятник, почесывая затылок, — только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате на самом берегу моря».

В этой хате жила старуха Царициха, дочь которой была связана с контрабандистами. Несмотря на русские форты и крепости, на регулярное крейсерство, контрабандисты ночами на мелких судах пробирались к кавказскому берегу, доставляя оружие и боеприпасы.

«При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати. «Где хозяин?» — «Нема». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Побигла в слободку». — «Кто же мне отопрет дверь?» — сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы», — напишет Лермонтов в главе «Тамань» романа «Герой нашего времени».

Этой ночью Михаил Юрьевич так и не смог заснуть. Приходила женщина, шепталась со слепым, и Лермонтов расслышал: ждут лодку. Вышел на берег, действительно вскоре подплыла лодка. Три человека стали перетаскивать с нее большие узлы на берег. Утром Михаил Юрьевич поинтересовался у коменданта, что бы это значило? Тот не смог ответить. В двух верстах от Тамани находилась крепость Фанагория, откуда шли пароходы на Геленджик. Комендант объявил Лермонтову, что ждать парохода придется долго.

Пребывание в Тамани кончилось для Лермонтова тем, что контрабандисты чуть не утопили его, приняв за соглядатая, а слепой украл его вещи. «Моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля — все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал».

В узле, который тащил на себе мальчик, были не только кинжал, шкатулка и шашка, но и офицерский мундир Лермонтова.

Добравшись наконец, в Новороссийск, Михаил Юрьевич из своих денег отдал Николаю Мартынову 300 рублей, объяснив, что шкатулку с пакетом, в котором лежали деньги и письма, украли. Об этом Мартынов написал домой при первой же оказии: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собою разумеется, отдал мне свои. Если вы помните содержание вашего письма, то сделайте одолжение — повторите; также и сестер попросите от меня...»

В этот год на Кавказе было затишье, больших военных действий не предпринималось, поэтому Михаил Юрьевич мог посвятить свое время изучению жизни казаков и горцев.

В полку встречался с декабристами, присланными с сибирской каторги. Командующий войсками Кавказской линии и Черноморья Алексей Александрович Вельяминов не делал различия между ними и офицерами. «Благодарнейший человек!» — отзывался о нем начальник отрядной артиллерии полковник Бриммер.

Офицеров, приезжавших из России, поражали в кавказской армии самостоятельность ротных и батальонных командиров, разумная сметливость и незадерганность солдат. Лермонтову, который ненавидел мелочные стеснения, нравился такой порядок. 22 сентября со свитой на двух проходах прибыл в Геленджик Николай I, но Лермонтов не присутствовал на встрече, он был направлен в Ставрополь.

Несмотря на штормовую погоду и беспорядок в лагере, император остался доволен войсками. Через неделю отдельные части войск были распущены на зимние квартиры, осенняя экспедиция была отменена.

Мартынов выехал в Екатеринодар, где его ожидало письмо от матери: «Как мы все огорчены, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе бы пришлось читать много: твои сестры целый день писали их... После этого случая даю зарок не писать никогда иначе, как по городской почте; по крайней мере, остается уверенность, что тебя не прочтут». Матушка разясняла сыну, что пакет, переданный Лермонтову, был запечатан, письма он прочитал от скуки, потом их выкинул, а деньги в карман положил. Иначе откуда бы знал, что в пакет было вложено 300 рублей? Ей, очевидно, в голову не пришло, что папаша Мартынов мог сообщить о содержимом пакета весьма прозаическим образом: «Мишель, вы едете в полк, не возьметесь ли передать от нас Николаю несколько писем и триста рублей?» Но у людей, склонных к мнительности, глаза велики.

Лермонтов в Ставрополе остановился в гостинице и сразу заказал себе офицерский мундир, украденный в Тамани. Из-за этой задержки, в штаб явился не сразу и получил нагоняй, правда, не строгий, так как начальником штаба был его родственник Павел Иванович Петров.

10 октября на Дидубийском поле под Тифлисом Николай I произвел смотр войсковым частям Кавказского корпуса, среди которых были четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, найденные царем в отличном состоянии. В хорошем расположении духа он проявил многие милости, в том числе и к опальному поэту. Михаил Юрьевич написал Раевскому: «Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но

только в Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совети сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии... То на перекладной, то верхом я изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый почеркесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже... Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), и чуть не попались шайке лезгин. Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани!

Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии как на блюдечке, и право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе. Да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться — я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским. Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в новый полк, я совсем отвык от фрунта и серьезно думаю выйти в отставку. Прощай, любезный друг, не забудь меня и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал».

Из писем Раевского Лермонтов знал, что Святослав Афанасьевич в Олонекской губернии заинтересовался местным фольклором и этнографией, и хоть в этом отношении был рад за него.

До приказа о переводе в Гродненский полк оставалось больше месяца. Лермонтов написал акварельный портрет поэта-декабриста Александра Одоевского, с которым познакомился в Новороссийске и вместе приехал в Грузию. Михаил Юрьевич находил много общего в своей и его судьбе.

В Тифлисе они навестили Александра Чавчавадзе, с которым были знакомы Пушкин и Кюхельбекер, а Грибоедов был женат на его дочери Нине. Одоевский и Грибоедов начинали военную службу в одном полку, и Александр Иванович многое мог рассказать Лермонтову о своем гениальном товарище. Александр Сергеевич Грибоедов — поэт, пианист, композитор, дипломат — вовсе не был каким-нибудь сухарем, тем более в бурной молодости, но после дуэли, где Грибоедов был секундантом и во время которой был убит Шереметев, он, выражаясь словами Пушкина, «почувствовал необходимость расчесться единожды со своей молодостью и круто поворотить свою жизнь».

Пушкин был дружен с Грибоедовым: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном».

В 1829 году Александр Сергеевич встретил на Кавказе арбу, поднимавшуюся по крутой дороге. «Откуда вы?» — спросил я. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей». Он полагал, что причиною кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игральным тегеранской черни, узан был только по руке, некогда простреленной пулей».

На горе Мтацминда Лермонтов и Одоевский поклонились могиле Александра Грибоедова. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» — были высечены на камне слова его жены Нины. Она так и не вышла замуж, продолжая носить траур. Верность Нины погибшему мужу стала легендарной, ее называли Черной розой Тифлиса.

Чавчавадзе жили то в Тифлисе, то в Цинандали, вблизи которого находился Нижегородский драгунский полк. Александр Чавчавадзе считал этот полк своим, и офицеры-нижегородцы были для него самыми желанными гостями. Он участвовал в войне с Наполеоном, потом девять лет служил в лейб-гвардии Гусарском полку в Царском Селе, откуда перевелся в Нижегородский драгунский полк. Имел чин генерала и занимал в Грузии крупные административные посты. В историю Грузии и России он вошел как военачальник, государственный деятель и талантливый поэт.

Поэты-воины хорошо понимали друг друга. Кроме того, «второй матерью» Нины Грибоедовой была тетушка Лермонтова — Прасковья Николаевна Ахвердова, урожденная Арсеньева. Ее муж, генерал Федор Исаевич Ахвердов, имел армянские и грузинские корни и приходился родственником князю Александру Чавчавадзе по его жене. Ахвердов занимал должность командира артиллерии Отдельного Грузинского корпуса, затем был губернатором Грузии, имел в Тифлисе великолепный особняк с обширным садом. Прасковья Николаевна и княгиня Саломэ, мать Нины, вместе растили своих детей. Офицеру русской армии Чавчавадзе приходилось на годы покидать семью, и он полагался на участие и помощь Ахвердова: семья Чавчавадзе жила во флигеле его тифлисского особняка.

«В тот день я обедал у старинной моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... все на нее глядел, задумался, сердце забилось... Я взял ее за руку и сказал: «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам»... Я не помню, что я начал ей бормотать, и всё живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили...» (А.С. Грибоедов).

После Тифлиса Ахвердовы переехали в Петербург, Лермонтов был в тесном общении с ними; писал бабушке в конце марта 1836 года, когда она собиралась выехать из Тархан: «Так как время вашего приезда подходит, то я уже ищу квартиру; Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдает свой дом, кажется, что будет для нас годиться, только всё далеко».

Внимание Одоевского и Лермонтова тронуло Нину, и в знак благодарности она подарила каждому из них по кинжалу из общей коллекции своего отца и мужа. Причем кинжал в качестве подарка был выбран «со значением» — «как символ верности долгу, чести, дружбе, светлому делу своих друзей по оружию и по лире». В память о дорогом подарке Лермонтов в том же году написал стихотворение «Кинжал»:

*Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.*

В Грузии Михаил Юрьевич встречался с лучшими представителями грузинской, армянской и азербайджанской интеллигенции. Сблизился с азербайджанским ученым и писателем Мирзой Фатали Ахундовым и записал с его слов старинную кавказскую легенду «Ашик-Кериб».

В родословной Лермонтова были не только шотландцы и русские, но и татары. После Куликовской битвы, татарский князь Аслан-мурза со своей дружиной перешел из Золотой Орды, раздираемой враждой, к великому князю Дмитрию Донскому. В Москве он женился на дочери одного из приближенных Дмитрия — Марии Житовой. Старший сын этой супружеской четы, Арсений, стал основателем рода российских дворян Арсеньевых. К этому роду принадлежал дед Лермонтова по материнской линии. Бабушка говорила, что Мишенька точная копия деда и по внешности, и по характеру. Но Лермонтов не знал о своих татарских корнях: это было установлено одним из представителей рода Арсеньевых гораздо позже.

Узнав от адъютанта великого князя, что внук будет служить в Новгородской губернии, бабушка поделилась радостью с Крюковой: «...истинно была как ума лишенная. Теперь начинаю понемногу отдыхать, но я писала к тебе, как Философов мне сказал, что Мишу перевели не в лейб-гусарский полк, а в Гродненский; для него все равно тот же гвардейский полк, но для меня тяжело: этот полк стоит между Петербургом и Новгородом в бывшем поселенье, и жить мне в Новгороде; я там никого не знаю и от полка с лишком пятьдесят верст, то все равно что в Петербурге и все с ним розно, но во всё воля Божия, что Ему угодно с нами, во всем покоряюсь Его святой воле. Теперь жду его и, кроме радости его видеть, не об чем не думаю, иные говорят, что будет к Николину дню, а другие говорят, что не прежде Рождества, приказ по команде идет».

В Россию Михаил Юрьевич ехал через Владикавказ, чтобы как можно больше увидеть, запечатлеть, зарисовать. Дикая ущелья, сторожевые башни, грузинские села в горах и долинах... рисовал торопливо, карандашом помечая цвета, чтобы потом выполнить в красках. Написал свой автопортрет на фоне неба и скалистой вершины, мечтая подарить его Вареньке. Во Владикавказе повидался с Василием Боборыкиным, который позже напишет:

«Я жил во Владикавказе. Однажды базарный пришел мне сказать, что какой-то приезжий офицер желает меня видеть.

Я пошел в заезжий дом, где застал такую картину: М.Ю. Лермонтов, в военном сюртуке, и какой-то статский (оказалось, француз-путешественник) сидели за столом и рисовали, во всё горло распевая: «Я живу, я живу свободным!»

Я до сих пор хорошо помню мотив этого напева, и если это кого-нибудь интересует, то я мог бы найти кого-нибудь, кто бы его положил на ноты. Тогда это меня несколько озадачило, а еще более озадачило, что Лермонтов, не пригласив меня сесть и продолжая рисовать, как бы с участием, но и не без скрываемого высокомерия, стал спрашивать меня, как я поживаю, хорошо ли мне.

Мне в Лермонтове был только знаком шалун, руководивший «Нумидийским эскадроном», чуть не сбившим меня с ног в первый день моего вступления в юнкерскую школу, а потом закатившим мне в затылок залп вареного картофеля. О Лермонтове, как о поэте, я ничего еще не знал и даже не подозревал: таково было полученное мною направление. Домашнее образование под руководством швейцарца и швейцарки, пропитанных духом энциклопедистов, сделало то, что русская литература была для меня не известна, и я из нее знал только «Юрия Милославского». Что ж удивительного, что я даже не интересовался издаваемым в последние месяцы пребывания Лермонтова в Школе рукописным журналом под названием «Всякая всячина напаячена», редактором коего был, кажется, конно-пионер Лярский. В краткое мое пребывание в полку в Царском Селе я благодаря обратившему на меня внимание нашему полковому библиотекарю поручику Левицкому прочитал Тьера, Байрона и еще кой-что, более или менее серьезное. Во Владикавказе читал, кроме «Русского инвалида» и «Пчелы», «Британский журнал» и как-то слушавшиеся у Нестерова «Этюды с натуры». Всё это вместе с моею владикавказскою обстановкою не могло не внушать мне некоторого чувства собственного достоинства, явно оскорбленного тем покровительственным тоном, с которым относился ко мне Лермонтов. А потому, ограничась кратким ответом, что мне живется недурно, я спросил, что они рисуют, и узнал, что в проезд через Дарьяльское ущелье, отстоящее от Владикавказа, как известно, в двадцати-сорока верстах. Француз на ходу, вылезши из перекладной телеги, делал эскизы окрестных гор; а они, остановясь на станциях, совокупными стараниями отделявали и даже, кажется, иллюминировали эти очертания. На том разговор наш и кончился, и я, пробыв несколько минут, ушел к себе, чтобы в третий раз встретиться с Лермонтовым уже в Москве, где я в 1840 году находился в годовом отпуску».

Из Владикавказа Лермонтов поехал в станицу Шелкозаводскую к бабушкиной сестре Екатерине Алексеевне Хаспатовой, «авангардной помещице». Ее сын, Аким Акимович, был известен своей храбростью далеко окрест, и в его жизни было столько всего удивительного, что само просилось на бумагу. Вторым замечательным человеком в этой семье был Павел Иванович Петров, женатый на дочери Екатерины Алексеевны, начальник штаба войск Кавказской линии и Черномории. Жена его умерла в минувшем году, и Павел Иванович жил вдовцом.

Теперь, возвращаясь назад через Ставрополь, Лермонтов вновь повидался с Петровым; несколько дней отдохнув в его доме, не забывая об удовольствиях в офицерской среде: может быть, проиграл энную сумму, так как просил Павла Ивановича одолжить ему 1050 рублей.

В Гродненский полк Лермонтов прибыл только в конце февраля — уже после Москвы и Петербурга. В Москву он попал в разгар рождественских балов, и, разумеется, не пропустил ни одного. Побывал у родных и друзей. С Варенькой ему свидеться не пришлось.

В Петербурге первые дни прошли в беготне. Съездил в Царское Село, где год назад оставил своего прекрасного скакуна, купленного у генерала Хомутова за полторы тысячи рублей. Михаил Юрьевич не ожидал, что вернется из ссылки так скоро, и просил князя Меншикова подыскать покупателя для своего Парадёра (прототип Карагёза в повести «Бэла»). Как оказалось, покупателя не нашлось, а денщик так запустил коня, что тот стал похож на зверя: обросший и одичавший. За все время денщик ни разу не чистил его и не выводил из конюшни.

В Петербурге поэт пробыл почти месяц. Познакомился с Вяземским и Жуковским, который в апреле минувшего года опубликовал в пушкинском «Современнике» стихотворение «Бородино». Теперь Лермонтов дал ему для печати поэму «Тамбовская Казначейша» и «Песню о купце Калашникове».

Написал в Ставрополь:

«Любезный дядюшка Павел Иванович. Боюсь, что письмо мое не застанет вас в Ставрополе, но, не зная, как вам адресовать в Москву, пускаюсь наудалую, и великий пророк да направит стопы почтальона. С искреннейшей благодарностию за все ваши попечения о моем ветреном существе, имею честь прикладывать к сему письму 1050 руб., которые вы мне одолжили. Пожалуйста, любезный дядюшка, скажите милым кузинам, что я целую у них ручки и прошу меня не забывать».

Такие же сердечные слова высказала Петрову Арсеньева: «Любезнейший Павел Иванович, благодарю вас за любовь вашу к Мишеньке. Приезд его подкрепил слабые мои силы. Лета и горести совершенно изнурили меня, а Гродненский полк не успокоит. Не вздумаете ли в Петербурге побывать, чего бы очень желала. Милых детей целую и остаюсь готовая к услугам Елизавета Арсеньева. 1838 года 1 февраля».

За день до отъезда в полк, Лермонтов отправил письмо Марии Александровне: «Я до сих пор всё ждал, что со мной приключится что-нибудь приятное, о чём можно сообщить вам, но ничего такого не произошло. И я решаюсь написать, что мне до смерти скучно. Первые дни своего приезда, вы знаете, я без отдыха представлялся, совершал парадные визиты, затем я каждый день ходил в театр. Он, правда, не плох, но мне он уже надоел. И вдобавок меня преследуют все мои милые родственники. Не хотят, чтобы я бросал службу, хотя я мог бы уже это сделать, так как те господа, которые вместе со мной поступили в гвардию, уже вышли в отставку. Наконец, я изрядно пришел в отчаяние, и я даже желаю как можно скорее покинуть Петербург, чтобы отправиться, куда придется, хотя бы даже в полк или к черту! Тогда, по крайней мере, буду иметь предлог для того, чтобы плакаться, а это своего рода утешение.

Бабушка надеется, что я скоро буду переведен к Царско-сельским гусарам, потому что, Бог знает, по какой причине ей внушили эту надежду. Вот потому она не дает согласия на мою отставку. Сам-то я ни на что не надеюсь. В завершение моего письма посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл — но это вовсе ничего не доказывает».

Этим стихотворением было «Я, мать Божия, ныне с молитвою».

XXIV

Что представлял собой лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, можно узнать из воспоминаний сослуживца Лермонтова — Александра Ивановича Арнольди:

«Семнадцатого августа 1837 года, темным вечером, въехал я в 1-й Округ пехотных солдат Аракчеевского поселения, где расположен был тогда лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Многочисленные огоньки в окнах больших каменных домов и черные силуэты огромнейшего манежа, гауптвахты с превысокой каланчой, большого плаца с бульваром, на пер-

вый раз и впотьмах очень живописно представились моему воображению, и я мнил, что вся моя будущая жизнь будет хоть и провинциальная, но городская. Я узнал, что Н.А. Краснокутский, товарищ по Пажескому корпусу, вышедший за год до меня в Гродненский гусарский полк, живет в сумасшедшем доме, куда ямщик меня и привез.

Надобно знать, что сумасшедшим домом назывался первый крайний дом офицерских флигелей, потому что вмещал в себе до двадцати человек холостых офицеров, большею частью юных корнетов и поручиков, которые и вправду проводили время как лишенные рассудка и в число которых, само собою, попадал неволью всякий новопривывший.

Легко себе представить, что творилось в двадцати квартирах двадцати юношей, недавно вырвавшихся на свободу и черпающих разнообразные утехи жизни человеческой полными пригоршнями, и я полагаю, что Лесаж, автор «Хромоногого беса», имел бы более материала, ежели б потрудились снять крышу с нашего жилища и описать те занятия, которым предавались мы по своим кельям. Были комнаты, где простая закуска не снималась со стола и ломберные столы не закрывались. В одних помещениях беспрестанно раздавались звуки или гитары или фортепьяно, или слышались целые хоры офицерских голосов, в других — гремели пистолетные выстрелы упражняющихся в этом искусстве, вой и писк дрессируемых собак, которые у нас в полку никогда не переводились, так как было много хороших охотников. Были между нами и люди-домоседы, много читавшие, и я положительно не понимаю, как они умудрялись заниматься этим делом среди такого содома.

Я не застал Краснокутского дома, но услужливый слуга его Петр вскоре его отыскал, и я тотчас же без дальних церемоний был введен им в одну из квартир товарища, штабс-ротмистра Поливанова, где застал почти весь контингент однополчан в страшном табачном дыму, так как редко кто тогда не курил из длинных чубуков табак Жукова.

Было далеко за полночь, когда я, радушно принятый товарищами, после скромного ужина заснул на железной кровати посреди узкой комнаты квартиры Краснокутского... Вообще в нашем полку был сброд порядочный, так как полк, состоя в гвардии цесаревича в Варшаве, всегда комплектовался самым великим князем Константином Павловичем, и никто не знает, что руководило им при этой вербовке офицеров. Разные авантюристы изобиловали в полку, и бог знает, каких только национальностей у нас не встречалось: кроме польских фамилий попадались французы, немцы, англича-

не, польские татары, и даже был один с мыса Доброй Надежды. С прибытием полка в Россию и с зачислением его в состав гвардейского корпуса он стал пополняться молодежью из юнкерской школы и Пажеского корпуса.

Надобно сказать, что Гродненский полк, да и вообще 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, вдали от столицы и всех ее прелестей, считалась как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтов — не единственное лицо из гвардейских офицеров, прощенных за разные проступки. Несмотря на то, что они садились (в отношении старшинства) на голову многим из нас, все они, будучи предобрými малыми, немало способствовали к украшению нашего общества. Так, у нас был прикомандирован князь Сергей Трубецкой, который попал из кавалергардов за какую-то шалость, выкинутую целым полком во время стоянки в Новой деревне. (Говорили тогда, что кавалергарды устроили на Неве какие-то великолепные похороны мнимоумершему графу Александру Михайловичу Борху.) За ним последовал Лермонтов.

Лермонтов в то время не имел еще репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрел впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха и тем обстоятельствам, которыми жизнь его была окружена, и мы, не предвидя в нем будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно. Впоследствии мы жили с Лермонтовым в двух смежных больших комнатах, разделенных общєю переднею, и с ним коротко сошлись. В свободное от службы время, а его было много, Лермонтов очень хорошо писал масляными красками по воспоминанию разные кавказские виды, и у меня хранится до сих пор вид его работы на долину Кубани, с цепью снеговых гор на горизонте, при заходящем солнце и двумя конными фигурами черкесов, а также голова горца, которую он сделал в один присест. Лермонтов писал картины гораздо быстрее, чем стихи; нередко он брался за палитру, сам еще не зная, что явится на полотне, и потом, пустив густой клуб табачного дыма, принимался за кисть, и в какой-нибудь час картина была готова.

Кажется мне, что в это время с подстрочного перевода, сделанного Краснокутским стансов Мицкевича, Лермонтов тогда же облек их в стихотворную форму, а равно дописывал своего «Мцыри». Я часто заставлял его за работой и живо помню его грызущим перо с досады, что мысли и стих не гладко ложатся на бумагу.

Как и все мы, грешные, Лермонтов вел жизнь свою, участвуя во всех наших кутежах и шалостях. Он пробыл у нас

недолго, кажется, несколько месяцев, и по просьбе бабки своей Арсеньевой вскоре переведен был в свой прежний лейб-гусарский полк. Мы с ним встречались впоследствии, и мне довелось даже видиться с ним в 1841 году в Пятигорске».

На картине, подаренной Лермонтовым Александру Арнольди, был изображен черкес с красивыми печальными глазами. Михаил Юрьевич сочувствовал горцам, но, как и Пушкин, как впоследствии Лев Толстой, понимал историческую необходимость присоединения Кавказа к России: у горцев не было надежды на сохранение полной независимости.

В апреле Михаил Юрьевич получил высочайший приказ о переводе в лейб-гвардии Гусарский полк, и с мая уже находился там вместе с Монго, возвратившимся с Кавказа. Снова жили в одной квартире, ставшей сборищем офицеров полка, что раздражало великого князя Михаила Павловича, грозившего «разорить это гнездо». Странно читать Евдокию Ростопчину: «На Кавказе юношеская веселость уступила место у Лермонтова припадкам черной меланхолии, которая глубоко проникла в его мысли и наложила особый отпечаток на его поэтические произведения». Абсолютно никто не наблюдал меланхолии в Лермонтове, а тем более не было ее в произведениях Лермонтова. «Тамбовская казначейша», написанная на Кавказе, — поэма улыбчивая, все остальные произведения — драматичны, глубоки и страстны. О «Купце Калашникове» декабрист Николай Бестужев сказал: «Вот так должно передавать народность и ее историю!» Произведение вышло не под фамилией Лермонтова, а только под буквой «В», и Бестужев хотел узнать, кто скрывается под этим знаком, и кто такой Лермонтов, написавший «Бородино»?

Нехорошо получилось с публикацией «Тамбовской казначейши» — Жуковский перестраховался и вырезал из нее несколько стихов. Лермонтов был взбешен, обложку журнала изрисовал карикатурами и написал Раевскому: «Печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно». И добавлял, что роман «Княгиня Лиговская», который они начали вместе, вряд ли будет закончен, «ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я не могу в этом случае отступить от истины».

Раевский был болен, просил олонецкого губернатора отпустить его на воды в Пятигорск, просьба была направлена военному министру, но пока что ответа не было. Лермонтов очень переживал за него: «Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее. Не знаю, как у

вас, а здесь мне после Кавказа всё холодно, когда другим жарко, а уж здоровее того, как я теперь, кажется, быть невозможно... Я здесь по-прежнему скучаю; как быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю покойная, потому что ученье и маневры производят только усталость».

Железная дорога, связавшая Петербург с Царским Селом, намного облегчила жизнь Лермонтова. Ее торжественное открытие состоялось семь месяцев назад, и поезд имел три вагона: первый — «каретный», второй — «дилижанс», третий «для простого народа». Газеты с восторгом писали о необыкновенной скорости поезда, о клубах дыма над паровозом, о видневшемся пламени в его топках. Но поначалу народ опасался, и Елизавета Алексеевна взяла с внука слово, что он никогда не воспользуется железной дорогой! Он, конечно, ей обещал, но выполнял обещание не всегда: поездом время пути сокращалось до 35 минут, тогда как на лошадях ехали больше двух часов.

В своей петербургской квартире Михаил Юрьевич дописывал поэму «Мцыри» — о мальчике, воспитанном в грузинском монастыре. Рожденный на воле и не забывший ее, он не смог примириться с замкнутым миром. Жизнь без воли была невысказана для Мцыри, как невысказана была и для Лермонтова. Пронзительные слова вложил он в уста своего героя, обращенные к доброму монаху:

*Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?..*

Поэма «Мцыри» — страшная по своей глубине. Мальчик вырос, стал послушником монастыря, т.е. мцыри, но не справился с собой, пошел в «родимую страну». В три дня, что провел он на воле, он столько видел и испытал, что с гордостью мог сказать: «*Я жил!*»! Он вспомнил и родную речь, и свой аул, отца, сестер и братьев... но долгое пребывание в монастыре погасило в нем безошибочно верное чутье своей тропы, и он оказался там, откуда ушел... Это и стало причиной его смерти. Не рваные раны, нанесенные в битве с барсом, а то, что *забыл* родную тропу.

«Какая же прелесть! Нет, это определенно гениально...» — воскликнул цесаревич Александр, будущий император Александр II, прочитав «Мцыри» в декабре 1840 года в сборнике стихов Лермонтова. Он так никогда и не узнает, что за каждое из этих семи слов Господь в будущем семь раз отведет от него пулю или осколок гранаты террориста, и только на восьмой раз он будет убит.

В конце июня, проездом за границу, прибыла в Петербург вместе с мужем и маленькой дочерью Варенька Лопухина. «Лермонтов был в Царском, я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно жалось мое сердце при ее виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде.

— Ну, как вы здесь живете? — спросила она.

— Почему же это «вы»?

— Потому, что я спрашиваю про двоих.

— Живем, как Бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину. Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа.

Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было ее больше видеть (Аким Шан-Гирей).

Встреча Лермонтова и Вареньки длилась недолго. Внешняя порядочность и внутренняя ничтожность Бахметева бесили Лермонтова, он не выносил его возле Вареньки, новой ее фамилии не признавал — она навсегда для него осталась Лопухиной. Варенька подвела к нему свою двухлетнюю дочь Олю, и — что Михаил Юрьевич пережил в тот момент, что перечувствовал, он, ничего не утаив, рассказал в стихотворении «Робенку»:

*...Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знамень креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?..*

Лермонтов подарил Вареньке свой автопортрет, написанный на Кавказе, и она увезла его в Германию.

Вернувшись в Царское, он столкнулся с художником Моисеем Меликовым, когда тот вставал со скамьи, чтобы сделать эскиз статуи в парке. Встреча была радостной для обоих. С семьей Меликовых Лермонтова связывала юность. Дядя Моисея — Павел Моисеевич (Меликянц Погос Моисесович) участвовал во французской кампании, в Русско-турецкой войне, в Отечественной войне 1812 года. Выйдя в отставку, поселился в Москве, воспитывая племянника Моисея, в раннем возрасте потерявшего родителей. Лермонтов учился с Моисеем в благородном пансионе, бывал у него дома, куда приходил легендарный Алексей Петрович Ермолов и где

собирались боевые друзья хозяина. Конечно, они говорили о важных вопросах, конечно, Лермонтов кое-что слышал, но даже простое общение с ними было для него счастьем. Лермонтов знал, что на одной из царских ассамблей, где разговор шел сугубо по-французски, Ермолов выкрикнул в сердцах: «Здесь кто-нибудь говорит по-русски?!» Ермолову и Меликову первым прочел он свое стихотворение «Поле Бородина». С тех пор прошло более шести лет.

«Лермонтов был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашел значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребенка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла. Михаил Юрьевич сейчас же узнал меня, обменялся со мною несколькими вопросами, бегло рассмотрел мои рисунки, с особенной торопливостью пожал мне руку и сказал последнее «прости»...»

XXV

На лето петербургская знать съезжалась в Царское Село: кто жил в своих домах, кто на квартирах, а была еще Китайская Деревня, построенная в конце XVIII века. Архитектор Камерон, отдавая дань модному тогда увлечению, создал проект восемнадцати домиков в китайском стиле. Но построили только восемь, да и те не успели отделать так, как задумал их Камерон, — домики стали использовать под квартиры и придворные службы. На месте круглого храма, который по проекту Камерона должен был находиться в центре деревни, поставили восьмигранный павильон — ротонду; в ней давались балы для избранного общества. Малейшее нарушение бальной офицерской формы строжайшим образом пресекалось самим императором. Так было заведено при Павле I и с тех пор соблюдалось неукоснительно. Офицерам категорически запрещалось танцевать без перчаток и многие генералы, вспоминая свою молодость, добродушно смеялись тому, что за отсутствие перчаток сидели на гауптвахте. Лермонтов был плохим исполнителем мелочных подробностей в обмундировании, поэтому с одного из балов был отправлен под арест за неформенное шитье на воротнике и обшлагах мундира.

Но именно здесь, в ротонде, его представили Софье Николаевне Карамзиной — дочери Николая Михайловича Карамзина (1766—1826), крупного литератора, создателя «Истории государства Российского». Умная, образованная, знавшая и

ценившая русскую и иностранную литературу, Софья Николаевна горячо приветствовала поэзию Лермонтова. «В ней так много правды!» — говорила она. Михаил Юрьевич стал постоянным гостем салона Софьи Николаевны и ее мачехи, где постепенно сближался с избранным литературным обществом Петербурга.

У Карамзиных устраивались танцевальные вечера, домашние спектакли — здесь была та среда, в которой Лермонтов так нуждался! Здесь он был прост и доступен, и, как вспоминала Панаева-Головачева, «он удивил меня со своей живостью и веселостью и нисколько не походил на тех литераторов, с которыми я познакомилась».

Бессмысленные строевые занятия опостытели Михаилу Юрьевичу; он демонстративно стал нарушать установленную форму: треугольную шляпу носил боком, и однажды пришел на развод караула с коротенькой саблей, вызвав гнев великого князя. Тотчас последовало 15 суток ареста! А на другой день у Карамзиных собрались друзья на последнюю репетицию двух французских водевилей, где у Лермонтова были главные роли...

На день рождения Мишеньки Арсеньева поспешила устроить вечер — тем более что приехали брат Афанасий с семьей и Елизавета Верещагина. Сначала причину отсутствия внука от бабушки скрыли: Афанасий сказал, что Миша задержан по службе. Верещагина написала дочери в Штутгарт: «Третьего дня был вечер у Арсеньевой — Мишино рождение. Но его не было, он в Царском Селе, не мог приехать. Нашей почтенной Елизавете Алексеевне сокрушенье — всё думает, что Мишу женят, все ловят. Он ездил в каруселе с Карамзинными*. Но это не Катенька Сушкова, эта компания ловит или богатых или чиновных, а Миша для них беден. Что такое 20 тысяч его доходу? Здесь толкуют: сто тысяч — мало. А старуха сокрушается, боится этого бомонда».

Афанасию всё же пришлось открыть правду — Арсеньевой стало дурно. Теперь она уже беспокоилась не о женитьбе внука, а о его здоровье. Поездом поспешила в Царское, дрожа всеми жилками, так как очень боялась железной дороги.

11 октября, пробыв под арестом 21 день вместо пятнадцати, Михаил Юрьевич был освобожден. Кузины уже раздули историю, сообщая кузинам в Москву: «Лермонтов совершенно зарвался! Был под арестом!» И Верещагина написала дочери: «Миша Лермонтов сидел под арестом очень долго. Сам

* *Карусели* — езда по кругу с выполнением на лошадях всевозможных фигур: мужчины и дамы в паре.

виноват. Как ни таили от Елизаветы Алексеевны — должны были сказать. И очень было занемогла, пиявки ставили. Философов довел до сведения великого князя, и его к бабушке выпустили. Шалость непростительная, детская... Зато нарисовал прекрасную картину масляными красками для тебя — вид Кавказских гор и река Терек, и черкесы — очень мила. Отдал для тебя, говоря мне, чтоб я теперь взяла к себе, а то кто-нибудь выпросит и не сберется нарисовать еще для тебя. Итак, она у меня, довольно большая».

Сидения на гауптвахте никогда не проходили для Лермонтова впусую: он писал, рисовал, поправлял старые рукописи и обдумывал планы новых произведений. наброски к «Демону», сделанные на Кавказе, огромное впечатление, вынесенное оттуда, проникновение в жизнь и обычаи горских народов вносились в поэму, преображая ее. Это была уже восьмая по счету редакция «Демона».

Для завершения поэмы необходим был отпуск по службе. Лермонтов попросил на полгода — ему отказали; на 28 дней — отказали; на 14 дней — великий князь и тут отказал. Михаил Юрьевич уже ненавидел службу, решив во что бы то ни стало выйти в отставку. Но вмешалась бабушка: ее устраивало, что Миша военный, — у военных быстрый карьерный рост. Противиться ей он не смел, слишком сильно она любила его, слишком многим он был ей обязан. Пришлось работать ночами.

С наступлением зимнего сезона в Петербурге опять начались вечера и балы. На вечере князя В.Ф. Одоевского молодой автор сентиментальных романов Панаев впервые увидел Лермонтова, оставив о нём свой отзыв:

«Наружность Лермонтова была очень замечательна. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать и мучить людей робких и нервических. Однажды он встретил у Краевского моего приятеля М.А. Языкова... Языков сидел против Лермонтова. Они не были знакомы друг с другом. Лермонтов несколько минут не спускал с него глаз. Языков почувствовал сильное нервное раздражение и вышел в другую комнату, не будучи в состоянии вынести этого взгляда. Он и до сих пор не забыл его. Я много слышал о Лермонтове от его школьных и полковых товарищей. По их словам, он был любим очень немногими, только теми, с которыми был близок, но и с близкими людьми он не был общителен. У него была

страсть отыскивать в каждом своем знакомом какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость, и, отыскав ее, он упорно и постоянно преследовал такого человека, подтрунивал над ним и выводил его наконец из терпения. Когда он достигал этого, он был очень доволен».

Из тех же «Воспоминаний» Панаева:

«Весь литературный вечер прошел в том, что хозяин дома Глинка, Дельвиг и Кречетов подстрекали Колмакова и Огинского на разные нелепые выходки и подтрунивали над ними».

Значит, подтрунивать было не ново. За что тогда обижаться на Лермонтова? Странно и то, что Панаев не испытал пронзительных глаз поэта, но испытали другие и жаловались ему. Что касается Михаила Языкова, замечательного остряка, сыпавшего каламбурами и экспромтами, нет ничего удивительного, что Лермонтов им заинтересовался, остановив на нём взгляд.

В декабре Михаил Юрьевич написал Марии Лопухиной: «Уже давно, дорогой и добрый друг, вы мне не подавали никаких вестей ни о своей собственной дорогой особе, ни о всех ваших. Поэтому я питаю надежду, что ваш ответ на это письмо не заставит себя долго ждать. Вы скажете, что эта фраза звучит самоуверенно, но вы ошибаетесь. Вот доказательство: просил годичный отпуск — отказано, на месяц — отказано, на две недели — великий князь также отказал. Всё это время я пребывал в надежде, что увижу вас. Я сделаю еще попытку — дай Бог, чтобы она удалась. Надо вам сказать, что я самый несчастный из людей, и вы мне поверите, узнав, что я ежедневно посещаю балы. Я кинулся в большой свет. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью; самые красивые женщины выпрашивают у меня стихи и хвалятся ими как величайшей победой. — Тем не менее я скучаю. Я просился на Кавказ — отказали. Не желают даже, чтобы меня убили. Может быть, дорогой друг, эти жалобы не покажутся вам искренними? Может быть, вам покажется странным, что ищут удовольствий ради скуки, что бегают по гостиним, когда там не находят ничего интересного? Ну, хорошо, я открою вам свои соображения. Вы знаете мой самый главный недостаток — тщеславие и самолюбие. Было время, когда я стремился быть принятым в это общество в качестве новобранца. Это мне не удалось, аристократические двери для меня закрылись. А теперь в это же самое общество я вхож уже не как проситель, а как человек, который завоевал свои права. Я возбуждаю любопытство, меня домогаются, меня всюду при-

глашают, а я и виду не подаю, что этого желаю; дамы, которые обязательно хотят иметь из ряду выдающийся салон, желают, чтобы я бывал у них, потому что я тоже лев, да, я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы никогда не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может вскружить голову. К счастью, моя природная лень берет верх — и мало-помалу я начинаю находить всё это крайне несносным. Но этот новый опыт принес мне пользу, потому что дал мне в руки оружие против общества, и, если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой (а это случится), у меня будут, по крайней мере, средства мщения; несомненно, нигде нет столько подлостей и смешного. Я убежден, что вы никому не расскажете про мое хвастовство, ибо меня сочтут более смешным, чем кого-либо; с вами же я говорю как с своей совестью и потом — это приятно посмеяться исподтишка над тем, к чему стремятся и чему завидуют дураки — с человеком, о котором знаешь, что он всегда готов разделить твои чувства. Это я говорю о вас, дорогой друг, я повторяю это, потому что всё это место моего письма несколько неясно.

Но вы мне напишете, не правда ли? — Я уверен, что вы мне не писали по какой-то серьезной причине. Не больны ли вы? Может быть, болен кто-нибудь в вашей семье? Боюсь, что это так. Мне передавали что-то в этом роде. Прощайте, дорогой друг, если Богу угодно меня вознаградить — я добьюсь отпуска и тогда, я уверен, получу ответ, какой бы он ни был. Передайте от меня привет тем, кто меня не забыл. Весь ваш М. Лермонтов».

Задавая вопрос: не болен ли кто, Михаил Юрьевич уже знал, что Вареньке не помогла граница и чувствует она себя плохо. Ее болезнь была нервного свойства: жить с человеком, которого не любишь и даже не уважаешь, было невыносимо, она казнила себя за поспешность согласия выйти замуж и за то, что, поверив кузинам, заподозрила Лермонтова в измене!

Михаил Юрьевич написал ее портрет — какую видел в последнюю встречу: подурневшую, грустную, и все равно бесконечно любимую.

Несмотря на балы, вечера и театры, он оттачивал поэму «Демон». «Ум Лермонтова занимали великие проблемы добра и зла, борющихся между собой и в сердце человека, и во Вселенной» (П.А. Кропоткин).

В главную линию «Демона», как и в поэме «Мцыри», поэт вплетал дополнительные, создавая очень глубокое и красивое полотно. По теософскому толкованию Демон был любимым и самым близким ангелом Создателя, но возроптал про-

тив Него, и Господь изгнал его из рая. Поначалу Демон сожалел о потерянном блаженстве, затем начал сеять зло на земле, но зло не встречало сопротивления, и это ему наскучило.

*Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.*

Он познал многое, отвергнул еще больше, но для чего ему это?

*Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута
Однообразной чередой.*

Но вот случилось, что Демон полюбил! Грузинскую княжну Тамару. Его душе открылось новое, неведомое еще, он почувствовал, что сумеет соединить земное несовершенство с многоцветностью и полнотой мира! Чудные песни поет он Тамаре; девушка слышит его, видит во сне его образ и глубоко очарована им.

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..*

Испугавшись своего чувства, Тамара упросила отца отвезти ее в монастырь. Но и там чудный образ Демона не покидал ее. Впервые познав любовь, Тамара попала под ее неограниченную власть. Да и Демон ничего не сумел поделать с собой — любовь и ему была неподвластна.

*Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!..
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...*

*...И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.*

Тамара и Демон соединились в любви. Увы, это принесло Тамаре смерть, и когда Демон попытался овладеть ее душой, его опередил посланец рая.

По мощи звучания, выпуклости, полифонии, космическому окрасу эту поэму можно сравнить только с Токкатой и фугой ре-минор Баха.

Михаил Юрьевич прочитал «Демона» в салоне Карамзинных. Поэма произвела сильное впечатление. После этого ее захотели прочесть в царской семье. Лермонтов нанял переписчика, и тот переписал «Демона» каллиграфическим почерком. Лермонтов сам удалил из нее несколько «вольных» строк, но сохранил их в своем экземпляре.

«Ее стали читать в салонах великосветских дам и в кабинетах сановных меценатов, где она до высылки поэта на Кавказ пользовалась большим фавором. У журналиста Краевского «Демона» читал поэт сам, но не всю поэму, а только некоторые эпизоды. При чтении присутствовало несколько литераторов, и поэму приняли восторженно. Но относительно напечатания ее поэт и журналист высказались противоположно. Лермонтов требовал напечатать всю поэму сразу, а Краевский советовал напечатать эпизодами в нескольких книжках. Лермонтов говорил, что поэма, разбитая на отрывки, надлежащего впечатления не произведет, а Краевский возражал, что она зато пройдет полнее. Решили послать в цензуру всю поэму, которая при посредстве разных влияний, хотя и с большими помарками, но была к печати дозволена» (Д.А. Столыпин).

Михаил Юрьевич не пожелал портить поэму в угоду цензуре, и при жизни его она не была напечатана. Из тогдашних разговоров и отзывов о ней Дмитрий Аркадьевич Столыпин припомнил еще несколько эпизодов:

«— Скажите, Михаил Юрьевич, — спросил поэта князь В.Ф. Одоевский, — с кого вы списали вашего Демона?

— С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя, — возразил князь недоверчиво.

— Поверьте, князь, — рассмеялся поэт, — я еще хуже моего Демона. — И таким ответом поставил князя в недоумение: верить ли его словам или же смеяться его ироническому ответу. Шутка эта кончилась, однако, всеобщим смехом. Но она дала повод говорить впоследствии, что поэма «Демон» имеет автобиографический характер.

Княгиня М.А. Щербатова после чтения у ней поэмы сказала Лермонтову:

— Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака.

А красавица М.П. Соломирская, танцующая с поэтом на одном из балов, говорила:

— Знаете ли, Лермонтов, я вашим Демоном увлекаюсь... Его клятвы обаятельны до восторга... Мне кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо, веря от души, что в любви, как в злобе, он был бы действительно неизменен и велик.

Вот как встречал свет не кающегося «грешника», а протестанта и соблазнителя Демона. Но при дворе «Демон» не стяжал особой благосклонности. По словам А.И. Философова, высокие особы, которые удостоили поэму прочтения, отзывались так: «Поэма — слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле «Бородина» или «Песни о купце Калашникове?»»

Великий же князь Михаил Павлович, отличавшийся, как известно, остроумием, возвращая поэму, сказал:

«— Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли — духа зла или же дух зла — Лермонтова?»

Шестнадцатилетним юношей в драме «Люди и страсти» Лермонтов написал: «По какому-то машинальному побуждению я протянул руку — и услышал насмешливый хохот, и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце».

...И всё же к нему протянется долгожданная рука — это художник Михаил Александрович Врубель, так же как Лермонтов, сгоравший в пламени своего гения. Врубель был одержим той же страстью гармонии мира и невозможностью достичь этой цели. Тема Христа, которой он занимался пять лет, работая в Кирилловской церкви в Киеве, была исчерпана, открылась тема причинности явления Христа народу, то есть тема противоборства. На своей знаменитой картине «Демон сидящий» художник изобразил далекую золотую зарю за колючими скалами. В багрово-сизом небе расцветают чудокристаллы неведомых цветов. Сражение мглы и сияния, зла и добра отражается в блике зрачка юного титана. Демон сидит, задумавшись. Одинокий, в себе, и некуда приткнуться голове.

...И еще один человек протянет руку Михаилу Юрьевичу и одновременно Врубелю — это Александр Александрович Блок. Он понимал, что образ Демона — это реальный, несо-

мый с незапамятных времен опыт души, для которой это являлось живым переживанием, а не фантазией. Постоянно пробивавшиеся сквозь житейское сознание воспоминания о *прошлых* существованиях и встречах, заставляли и Лермонтова, и Врубеля вновь и вновь переписывать своих «Демонов». «Тех миров, которые видели они, мы еще не видели в целом, и потому удел наш — одним — смеяться, другим — трепетать, произнося бледное слово: «гений».

Лермонтов не только видел, но и слышал эти миры: «Какие звуки! они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... Всесильный Бог!..»

XXVI

Вскоре Михаил Юрьевич закончил работу над повестью «Бэла». В марте 1839 года она появилась в журнале «Отечественные записки», впервые за подлинным именем автора — М. Лермонтов. Этот журнал издавался с 1818 года, но с перерывами, и только теперь, когда его возглавил Андрей Александрович Краевский, стал выходить регулярно, оказывая значительное влияние на движение литературной жизни. Краевский был истинным другом Лермонтова, постарался открыть его читающей России, из номера в номер стали появляться его стихи и проза.

Увы, петербургское общество приняло «Бэлу» прохладно, и только Белинский сказал, что она sprysnuta живой водой поэзии. Лермонтов снова заговорил с бабушкой об отставке. Напрасно: она втемяшила себе в голову, что он будет адъютантом великого князя. Попросил отпуск в полку — не дали. Написал Алексею Лопухину: «Я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили! Что, брат, делать! Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом».

К письму Михаил Юрьевич приложил стихотворение родившемуся у Лопухина сыну.

К Арсеньевой приехала мать Святослава Раевского, со дня на день ожидая сына в Петербург. Он в ноябре уже был свободен, но задержали дела. В ссылке Святослав Афанасьевич занимался изучением крестьянского быта, условий труда, объехал множество деревень, его статьи публиковались в Олонецкой губернии и в Петербурге.

Лермонтов находился в Царском, когда приехал Святослав Афанасьевич. Бабушка тотчас отправила к внуку по-

сыльного, и через несколько часов Лермонтов, вбежав в дом, кинулся на шею Раевскому:

— Прости меня, прости меня, милый! — Глаза его были в слезах. Раевский был тоже сильно растроган.

В этот приезд они о многом переговорили. Раевский читал новые произведения Лермонтова, давал, как всегда, дельные советы, к которым он чутко прислушивался. Бывали у Андрея Краевского, и он заезжал, беседы затягивались порой за полночь.

Пока Святослав Раевский находился в Петербурге, Арсеньева написала Павлу Ивановичу Петрову, прося помочь устроить Раевского на Кавказе, так как у крестника ревматизм. Петров выхлопотал для него место в канцелярии Ставропольского губернатора. Должность позволяла бывать в Пятигорске по нескольку месяцев, и Святослав Афанасьевич мог спокойно лечиться. Через несколько дней он выехал к месту службы.

В Петербурге молодые офицеры, побывавшие в экспедициях, организовали что-то вроде кружка. Собрания проходили попеременно в доме того или иного участника. Возвращаясь из театра или с бала, после скромного ужина рассказывали друг другу о событиях дня, острые вопросы обсуждались откровенно, и не было сомнений друг в друге. В кружок входили братья Долгорукие, Браницкий, Лермонтов, Монго, Голицын, Гагарин, и почему-то Васильчиков, студент университета; всего 16 человек.

«Большинство его (Лермонтова. — Н.Б.) знакомых состояло или из людей светских, смотрящих на всё с легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрения, или из тех мелко плавающих мудрецов-моралистов, которые схватывают только одни внешние явления и по этим внешним явлениям и поступкам произносят о человеке решительные и окончательные приговоры. Есть какое-то наслаждение (это очень понятно) казаться самым пустым человеком, даже мальчишкой и школьником перед такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, действительным наслаждением. Он не отыскивал людей, равных себе по уму и по мысли вне своего круга» (И.И. Панаев).

Таких приговоров Лермонтову можно прочесть десятки. В реальности он очень ценил серьезных людей, особенно тех, с кем мог говорить откровенно. Не только ценил, но и нуждался в них. Примером тому — Святослав Раевский, Андрей Краевский, Александр Одоевский и другие.

О Монго современники тоже позаботились, в частности, князь Лобанов-Ростовский: «В сущности, это был красивый

манекен мужчины с безжизненным лицом и глупым выражением глаз и уст, которые к тому же были косноязычны и нередко заикались. Он был глуп, сознавал это и скрывал свою глупость под маской пустоты и хвастовства».

А между тем «глупый» Монго был в конфронтации с императором и не ограничивался в «кружке 16-ти» словесными выпадами против него: даме, которой домогался Николай Павлович, он помог незаметно бежать за границу. Очень не поздоровилось бы ему, узнай император, что летом Столыпин долгое время не был в полку. За свое прегрешение Монго подвергся тогда двухмесячной гауптвахте, срок немалый, предполагавший последующий перевод в Гродненский полк. Чтобы избежать этого, Столыпин подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. В отношении плохого французского — Монго первым перевел «Героя нашего времени» на французский язык. Человек глупый никак не смог бы этого сделать, поскольку «Герой нашего времени» — произведение сложное для перевода. Роман был опубликован во Франции, и перевод найден французами превосходным.

6 декабря высочайшим приказом Михаил Юрьевич был произведен в поручики, а чуть позже первый секретарь французского посольства Андрэ от имени посла де Баранта обратился к Александру Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» «Через день или два, — писал Тургенев Вяземскому, — кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию».

Как в случае с Пушкиным, когда голландский посол Геккерн действовал в интересах своего приемного сына Дантеса, так и де Барант действовал в интересах своего сына Эрнеста. Папаша мечтал сделать из него дипломата, но тот интересовался только женщинами. «Салонный Хлестаков», — называл его Лермонтов.

Учась в юнкерской школе, Михаил Юрьевич написал шутовское четверостишие сокурснику Шаховскому, увлеченному гувернанткой какой-то фрейлины. Юнкерские стихи Лермонтова знали многие офицеры, и кто-то прочел их Баранту, причем преподнес это так, будто экспромт — о нем. Как и ожидалось, Барант потребовал объяснений от Лермонтова, но Михаил Юрьевич объявил, что все это клевета, и обозвал сплетнями. В ту пору у Лермонтова был серьезный роман с Марией Шербатовой, французик тоже увлекся этой

приятной женщиной, однако Мария предпочла Лермонтова. Дочь украинского помещика Штерича, она после смерти матери жила в Петербурге у бабушки, вышла замуж за князя Щербатова, а через год после свадьбы муж ее умер — к счастью, как говорила ее родственница, поскольку Щербатов был «злым и распущенным». Девятнадцатилетняя вдова окунулась в светскую жизнь, бывала в доме Карамзиных, где и познакомилась с Лермонтовым.

Он предвидел будущее Марии:

*За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*

Первого января на маскараде во французском посольстве Лермонтову не давали покоя, «беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» (И.С. Тургенев). Особым почтением в тот вечер пользовались две дамы: одна в голубом, другая в розовом домино. Несмотря на маски, все знали, что это особы царской семьи. Проходя мимо Лермонтова, дамы что-то пропищали ему, и Михаил Юрьевич, недолго думая, подхватил обеих под руки и прошелся по залу, ошеломив своей дерзостью всех, кто это видел.

Светские пустота и бездушие вознаграждались любовью Марии Щербатовой. Их отношения с Лермонтовым стали самыми близкими, но де Барант тоже лелеял надежды. Известна реакция Лермонтова: «Эти Дантесы и де Баранты заносчивы, сукины дети!»

16 февраля в доме графини Лаваль в разгар бала, словно бы невзначай вспыхнула ссора между Лермонтовым и де Барантом, который вызвал поэта на дуэль.

Стрелялись на Черной речке, почти на том же месте, где французский хлыщ Дантес убил Пушкина. Теперь перед Лермонтовым стоял такой же хлыщ. Француз промахнулся, Лермонтов выстрелил в воздух.

«Нас распустили из училища утром, и я, придя домой часов в девять, очень удивился, когда человек сказал мне, что Михаил Юрьевич изволили выехать в семь часов; погода была прескверная, шел мокрый снег с мелким дождем. Часа через два Лермонтов вернулся, весь мокрый, как мышь. «Откуда ты эдак?» — «Стрелялся». — «Как, что, зачем, с кем?» —

«С французиком». — «Расскажи». Он стал переодеваться и рассказывать: «Отправился я к Монго, он взял отточенные рапиры и пару кухенройтеров, и поехали мы за Черную речку. Они были на месте. Монго подал оружие, француз выбрал рапиры, мы стали по колено в мокром снегу и начали; дело не клеилось, француз нападал вяло, я не нападал, но и не поддавался. Монго продрог и бесился, так продолжалось минут десять. Наконец он оцарапал мне руку ниже локтя, я хотел проколоть ему руку, но попал в самую рукоятку, и моя рапира лопнула. Секунданты подошли и остановили нас; Монго подал пистолеты, тот выстрелил и дал промах, я выстрелил в воздух, мы помирились и разъехались, вот и все» (Аким Шан-Гирей).

Лермонтов, конечно же, упростил, на самом деле было сложнее. Барант бы убил его, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар шпагой. А Щербатова даже не знала, что Лермонтов и де Барант дрались из-за нее.

«История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец одна неосторожная барышня Б***, вероятно, безо всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом и в понедельник на страстной неделе получил казенную квартиру в третьем этаже Санкт-Петербургского ордонанс-гауза, где и пробыл недели две, а оттуда был перемещен на арсенальную гауптвахту, что на Литейной» (Аким Шан-Гирей).

У Елизаветы Алексеевны с горя отнялась нога. Как только старушка поправилась, она выхлопотала для себя разрешение навестить внука; а чтобы иметь о нём ежедневные сведения, упросила коменданта пускать к Мише ее внучатого племянника Акима. Мария Щербатова еще до ареста Лермонтова уехала в Москву, оставив маленького сына у своей бабушки. Спустя две недели на нее свалились два страшных горя: умер ее сын, а Лермонтов стрелялся с Барантом! Между тем военно-судное дело шло своим порядком и начинало принимать благоприятный для Лермонтова оборот. Он пояснил командиру полка Плаутину, сменившему Хомутова, что не считал себя вправе отказать француз, так как тот выразил мысль, будто в России невозможно получить удовлетворения, но вовсе не собирался убивать Баранта и потому выстрелил в воздух.

Тот факт, что секундантом Лермонтова был Монго при его безукоризненной репутации, способствовало ограждению

поэта от недоброжелательных на него наветов. По городу прошел слух, что даже сам император отнесся к Лермонтову снисходительно: «Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается». Все выражали сочувствие Лермонтову: «Это совершенная противоположность истории Дантеса. Здесь действует патриотизм!»

Узнав о том, Эрнест де Барант начал повсюду твердить, что Лермонтов хвастает, будто бы подарил ему жизнь, что он еще строго накажет поэта за хвастовство!

«Я узнал эти слова француза, они меня взбесили, и я пошел на гауптвахту. «Ты сидишь здесь, — сказал я Лермонтову, — взаперти, и никого не видишь, а француз вот что про тебя везде трезвонит громче всяких труб». Лермонтов написал тотчас записку, приехали два гусарских офицера, и я ушел от него. На другой день он рассказал мне, что один из офицеров привозил к нему на гауптвахту Баранта, которому Лермонтов предложил, если он, Барант, недоволен, предлагая новую встречу по окончании своего ареста, на что Барант при двух свидетелях отвечал так: «*Monsieur, les bruits qui sont parvenus jusqu'`a vous sont inexacts, et je m'empresse de vous dire que je me tiens pour parfaitement satisfait*» (Сударь, слухи, которые дошли до вас, неверны, и я спешу вам сказать, что я был полностью удовлетворен). После чего его посадили в карету и отвезли домой. Нам казалось, что тем дело и кончилось; напротив, оно только начиналось. Мать Баранта поехала к командиру гвардейского корпуса с жалобой на Лермонтова за то, что он, будучи на гауптвахте, требовал к себе ее сына и вызывал его снова на дуэль» (Аким Шан-Гирей).

Елизавета Верещагина написала дочери Саше: «Миша Лермонтов еще сидит под арестом, и так досадно — всё дело испортил. Шло хорошо, а теперь Господь знает, как кончится. Его характер несносный — с большого ума делает глупости. Жалко бабушку — он ее ни во что не жалеет. Несчастливая, многострадальная. При свидании всё расскажу. И ежели бы не бабушка, давно бы пропал. И что еще несносно — что в его делах замешает других, ни об чем не думает, только об себе, и об себе неблагоприятно. Никого к нему не пускают, только одну бабушку позволили, и она таскается к нему, и он кричит на нее, а она всегда скажет — желчь у Миши в волнении».

Говоря о «других», Верещагина имела в виду Алексея Столыпина, который был секундантом. Как человек чести, Столыпин признался в этом сам, хоть кара ему грозила немалая. В результате император объявил Столыпину, что «в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным». Монго

должен был снова надеть офицерский мундир. А на бабушку внук накричал потому, что умоляла его извиниться перед Барантом, тем самым смягчив свою участь. Баранты усиленно этого добивались; даже после решения суда, когда Михаил Юрьевич был переведен на Кавказ, старший Барант обратился к шефу жандармов с просьбой вмешаться, принудить Лермонтова извиниться перед его сыном, ибо «светской репутации Эрнеста нанесен серьезный ущерб».

На гауптвахту к Михаилу Юрьевичу пускали; приходили друзья, знакомые, побывал Виссарион Григоревич Белинский. Он был покорён поэзией Лермонтова. «Каков его «Терек»? — делился с Василием Боткиным. — Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится *третий* русский поэт и что Пушкин умер не без наследника. Как безумный, твердил я дни и ночи его «Молитву», но теперь я твержу, как безумный, другую *молитву*:

*И скучно, и грустно!.. И некому руку подать
В минуту душевной невзгоды!..
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — всё лучшие годы!*

*Любить... но кого же?.. На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и мука, и всё там ничтожно...*

*Что страсти? — Ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

Эту *молитву* твержу я теперь потому, что она есть полное выражение моего моментального состояния. Поверишь ли, друг Василий, — все желания уснули, ничто не манит, не интересует, даже чувственность молчит и ничего не просит».

На этот раз Лермонтов не дичился Белинского, и разговор, начавшийся сухо, стал доверительным. Белинский пробыл у него четыре часа, сразу от Лермонтова придя к Панаеву.

«Я взглянул на Белинского и тотчас увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа. Белинский, как я замечал уже, не мог скрывать своих ощущений и впечатлений и никогда не драпировался. В этом отношении он был совершенный контраст Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я? — спросил Белинский.

— Откуда?

— Я был у Лермонтова, и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!!! Вы знаете мою светскость и ловкость: я вошел к нему и сконфузился по обыкновению. Думаю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелегкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его стеснять, он меня... Что еще связывает нас немного — так это любовь к искусству, но он не поддается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер Скотте... «Я не люблю Вальтер Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нем мало поэзии. Он сух». И начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. Он перешел от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нем несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением.

Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нем!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою — я уверен в этом...»

Из Москвы прибыла Мария Щербатова, и Михаил Юрьевич упросил караульного отлучиться на полчаса, чтобы повидаться с ней. Как рассказал потом караульный: «Были приняты необходимые предосторожности. Лермонтов вернулся минута в минуту, и едва успел он раздеться, как на гауптвахту приехало одно из начальствующих лиц справиться, всё ли в порядке. Я знал, с кем виделся Лермонтов, и могу поручиться, что благорасположением дамы пользовался не де Барант, а Лермонтов».

13 апреля суд огласил решение: Лермонтов направляется на Кавказ в Тенгинский пехотный полк. Самый отдаленный полк и в самом опасном пункте Кавказской линии. Но история этим не кончилась. Старший Барант прибегнул к помощи шефа жандармов Бенкендорфа, который после суда вызвал к себе Лермонтова, потребовав в письменной форме при-

знать свое показание о «выстреле на воздух» ложным и принести Эрнесту де Баранту извинения. Лермонтов вынужден был обратиться за помощью к великому князю Михаилу Павловичу:

«Граф Бенкендорф изволил предложить мне написать письмо господину Баранту, в котором я бы просил у него извинения в ложном моем показании насчет моего выстрела. Я не мог на то согласиться, ибо это было против моей совести».

Михаил Павлович ознакомил с этим письмом императора; о реакции Николая I прямых свидетельств нет, но Эрнест де Барант был выслан из России.

За несколько дней до отъезда Лермонтова вышел в печати его роман «Герой нашего времени», в котором Михаил Юрьевич композиционно объединил отдельные кавказские повести. Благодаря такому писательскому ходу, он создал совершенно новый для русской и европейской литературы жанр социально-психологического романа. Это было *явление*, из которого впоследствии выросли Толстой, Достоевский и Чехов, подняв русскую литературу на высочайший мировой уровень.

«Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! — делится Белинский с Боткиным. — Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривал с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: «Дай Бог!»

Продолжение следует

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2018 год

(Сентябрь — октябрь)

20 лет назад, в декабре 1998 года, Госдума проголосовала за ратификацию Договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Украиной. Тогда же в статье «Вирус предательства», опубликованной в «Молодой гвардии», я предсказал, что этот крайне для нас невыгодный договор рано или поздно будет расторгнут, т.к. он не только не отвечает национальным интересам России и русских, но издевательски попирает эти интересы, «похабно» отменяет историческую справедливость и завоевания России в своих южных пределах.

По этому договору овеянные русской славой и русскими победами Крым, Севастополь, Одесса подло и казуистически перешли в принадлежность другому, недружественному нам государству. Прошедшие 20 лет показали правоту тех, кто был против этого договора и требовал его денонсации. Но российская власть на этот шаг так и не решилась, хотя и вернула домой Крым.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

И даже вернув Крым, она продолжала держаться за этот дурацкий, абсолютно бессмысленный, вредный для России договор.

Однако подлость и мерзость украинской властной верхушки отвратили от нее даже терпеливые Высшие силы. Похоже, именно они подвигли главного дегенерата Украины разорвать этот договор. Что он и сделал. Российская «партнерская», бесконечно толерантная к врагам власть, видимо, не хотела этого, но вдруг оказалась перед фактом: границы Украины для России более не представляют никакой законной ценности. Отныне любая территория т.н. «нэзалэжной» может по своему желанию влиться в территорию России. Как это сделал Крым. То есть дегенерат Порошенко собственноручно утвердил и одобрил возвращение Крыма в Российскую Федерацию. И все завывания нэзалэжников о его «аннексии» теперь не могут вызывать ничего, кроме смеха. (Порой на ум приходит фантастическая мысль: уж не агент ли он Москвы?..)

То, что Бог лишил их разума, нам понятно давно. Каждое их действие и любые их слова безошибочно говорят об этом. И теперь, по всей видимости, распираемые изнутри энергией саморазрушения, они будут собственными руками уничтожать то псевдогосударство, которое досталось им в подарок от России, то есть самоликвидироваться. Конечно, без крови не обойдётся. Но это уже не наша вина. И скорее всего последней каплей божеского терпения стала их дегенеративная попытка покушения на Православие. Их деградация и самоликвидация теперь пойдут ускоренным темпом.

А лишая русский язык государственного статуса, и более того, принимая региональные решения о его запрете, эти недоумки еще сильнее ускоряют процесс саморазрушения т.н. «Украины».

* * *

Все телешоу в начале октября сосредоточились на пьяной выходке двух морально ничтожных футболистов. Однако гораздо более важные события этих дней оставались в стороне от внимания телешоумэнов. Но вот что надо бы всем понять.

«Неизвестно кем» просверленное отверстие в обшивке российского отсека МКС и авария ракеты-носителя «Союз МС-10» с космонавтами на борту — это звенья одной цепи. То есть всем нам пора осознать, что система спланированных и подготовленных Западом диверсий уже поставлена у нас на поток. От падающих «Прогрессов» мы закономерно подошли к падающим «Союзам», и это уже никого не должно удив-

лять. От санкционной войны американцы естественным образом перешли к войне реальной. Сбитый наш самолет-разведчик ИЛ-20, чуть не ежедневные теракты на дорогах, когда засланные сюда смертники за рулем врезаются в пассажирские автобусы... Ежедневные крупные пожары в торговых центрах, на складах и заводах... Попытка физической ликвидации наших космонавтов в российском отсеке МКС... Но как диверсии и как теракты эти происшествия нашими властями упорно не квалифицируются...

Американские агенты и собственные предатели давно уже «работают» в наших космических отраслях, и современные «смершевцы», среди которых полным-полно таких же либералов-предателей, то ли не способны, то ли не очень-то желают их вычистить. Да и кремлевские менеджеры на фоне этой диверсионной войны всё продолжают играть в эту мазохистскую «партнерскую» игру.

Американцы решили даже пожертвовать собственным астронавтом, лишь бы навредить России, т.к. после его гибели США обрушили бы на нас помимо информационной истерики новые санкции и потребовали бы громадных финансовых компенсаций.

* * *

17 октября в Керчи произошел большой теракт, который унёс жизни 20 студентов политехнического колледжа. Более 50 были ранены. Сначала через СМИ, как обычно, в срочном порядке было вброшено лживое сообщение о взрыве газа. Затем все российские СМИ начали отрабатывать версию убийцы-одиночки из своих же керченских студентов с русской фамилией — 18-летнего Владислава Рослякова из бедной семьи, жившего с матерью-санитаркой, но купившего дорогое помповое охотничье ружьё с большим количеством патронов и изготовившего сразу несколько сложных взрывных устройств, одно из которых сумел подорвать. А после поражения такого количества людей, этот один-единственный террорист-одиночка, как и положено по жанру детективного фэнтези, покончил с собой, упрятав концы в воду... Поверить в эту версию могут только наивные пенсионерки, доверяющие каждому телевизионному слову, или совсем не наивные русофобствующие либералы.

Но уже по прошествии нескольких часов после этой страшной (которой по счету!) трагедии многим было понятно, что теракт в Керчи — это тщательно разработанная и хорошо подготовленная украинско-американскими спецслуж-

бами террористическая операция. Хотелось бы надеяться, что концы в воду спрятаны не все. И что найдутся добросовестные и умные следователи, способные докопаться до поросенковских ядовитых шупальцев, которые под управлением штатовских учителей уже добрались до наших детей в Крыму.

А теперь — о другом, но гораздо более важном. Давайте спросим самих себя: кто вольно или невольно морально «способствовал» всему тому зверству, что творится сейчас в Донбассе и уже дошло до Керчи? Скажем честно — тот, кто предал Русскую весну 2014 года и решил ограничиться одним Крымом. Его предупреждали: нельзя ограничиваться Крымом, надо возвращать России всю Новороссию, надо душить нацистскую гадину в его логове — в Киеве. Его просили: надо признавать референдумы в ДНР и ЛНР, т.к. санкции будут в любом случае. Не внял. А точнее говоря — струсил, начал приспосабливаться, лавировать, политиканствовать, придумал никому не нужные «минские соглашения». В результате — пятилетняя донбасская война, которой не видно конца, и бесконечные теракты, один наглее и кровавее другого.

Не мной сказано и давно известно: нерешительность и безволие — это путь к поражению и к невинной крови.

* * *

Все центральные каналы российского ТВ весь день 18 октября мусолили тему взаимоотношений «убийцы-одиночки» в семье и в школе. И никто в этой пустой говорильне ни словом не заикнулся о возможных сообщниках 18-летнего террориста и о его кровавых «наставниках». И, конечно, никто его в этой пустой и уводящей от главного болтовне террористом уже не называет. Для власти тема террора очень даже неудобна в ее толерантно-партнёрской пропаганде налаживания дружеских отношений с «независимой» Украиной. Ведь если признать факт участия в этом зверском террористическом акте нацистского псевдогосударства, то ей (власти) придется предпринимать какие-то жесткие действия... А этого кремлевским менеджерам ох как не хочется! Помусолят центральные каналы еще несколько дней тему «подорванной психики» несчастного Владика Свиридова и благополучно забудут о нём. Как быстренько они забыли и уже вообще не вспоминают про «Зимнюю вишню», смирившись со «случайным коротким замыканием» в проводке торгового центра, который уже снесен, чтобы он никому не напоминал о сгоревших детях...

* * *

Путин на своей очередной пресс-конференции 18 октября в Сочи заявил, что в случае ядерной войны «мы» попадём в рай. Интересно, кто это «мы»? Может, это он с Кудриным, Грефом и Чубайсом?..

Но в Керчь, хотя бы ради утешения родителей погибших детей, он так и не приехал. На той же пресс-конференции в Сочи он поведал залу, что прямо отсюда собирается лететь в Узбекистан, а до этого хочет успеть поиграть в хоккей... Это когда родители погибших и раненых детей сходили с ума от отсутствия какой-либо информации о них...

* * *

Уже начинает проясняться украинский след в этой жуткой истории. Дело в том, что мать «террориста-одиночки» В.Рослякова, как и он сам, были адептами тоталитарной американо-западенской секты «Свидетели Иеговы», недавно запрещенной в России. Как теперь известно, все члены этой секты считают Крым украинской территорией (в том числе и живущие в Крыму). Судя по всему, 18-летний психологически не устоявшийся, но амбициозный недоросль был выбран «учителями» секты в качестве удобного объекта для зомбирования и подготовлен морально для совершения массового убийства «врагов Украины». (Стало известно, что накануне бойни в керченском колледже он дважды выезжал на Украину.) Самыми удобными для этой акции оказались дети «оккупантов и агрессоров». То есть В.Росляков был ментально и технически подготовлен для совершения «акта мести» и абсолютно сознательно его совершил. Естественно, этот «акт мести» был четко, до мелочей продуман «учителями» секты. Рослякову были выделены деньги на покупку винтовки и патронов к ней, а также он получил в готовом виде взрывные устройства, предварительно пройдя инструктаж по их приведению в действие. Скорее всего, ему не сказали, что он умрет; по его плану, наверное, он должен был уйти невредимым, но при отходе из здания колледжа он был кем-то застрелен в голову, чтобы создать видимость самоубийства.

Операция эта, надо отдать должное ее разработчикам, была проведена безупречно. И только членство «террориста-одиночки» в тоталитарной американо-украинской секте, запрещенной в России, дает основание для выявления наводчиков этой бесчеловечной операции. Для них, для американо-украинских разработчиков подобных операций, дело это не первое, но, наоборот, обычное и естественное.

Но даже и при этом раскладе остается множество вопросов. Кто на самом деле убил Рослякова? Как он за столь короткое время умудрился раз шесть перезарядить обойму шестизарядного дробовика? Каким образом Росляков расстреливал людей на втором этаже, а взрывы происходили на первом? И сколько на самом деле было взрывов?

Почему этими вопросами не озадачивается никто из попусту болтающих в телерадиоэфире? И почему ни СМИ, ни власти не задаются этими вопросами? Отчего эти «ящики» болтают о чём угодно — о детстве Рослякова и школе, о его отце и бабушке, но не анализируют главное, скрывают то, что волнует в первую очередь всех разумных людей? То есть опять, как и в истории с «Зимней вишней», идет забалтывание главных фактов и самоочевидных вопросов. И, по всей видимости, делается это сознательно.

* * *

По телящику и в Инете то и дело прокручивается видео с камер, на которых стрелок Росляков двадцать минут ходит по зданию колледжа и расстреливает людей. А где в это время была охрана, где была полиция, где была хваленая путинская Росгвардия?.. Проспали? проморгали? трусили?.. Или что? Или, может, особо и не торопились?.. Почему ни «скорая», ни группа антитеррора в эти двадцать минут так и не появились?

А нам тут кое-кто рассказывает об ответном сокрушительном ударе возмездия, прежде чем мы попадем в рай... Через двадцать минут никакой ответный удар уже наносить будет некому..

Но телеболтуны эти вопросы никому не задают и всё биографию Рослякова пересказывают..

Кстати, Путин в Керчи так и не появился.

* * *

Президент РФ подписывает закон о пенсионной реформе, а через месяц выделяет Египту кредит в 25 млрд. долларов. Это даже больше той суммы, которая в чистом виде будет сэкономлена правительством в результате пресловутой «пенсионной реформы». Так что все разговоры властей об их «заботливой» и «вынужденной» необходимости сохранения для будущих поколений пенсионного фонда — очередной блеф.

* * *

Во время своего официального визита в Ташкент в октябре 2018 г. Путин пообещал президенту Узбекистана, что рос-

сийское правительство найдет средства для выплаты пенсий мигрантам-узбекам, работающим в России. Уж не для того ли Путин с Медведевым устроили нам «пенсионную реформу», чтобы выплачивать пенсии мигрантам из Средней Азии?..

Но вот один из фактов «работы» азиатских мигрантов на нашей территории: в новостных передачах Первого канала ТВ несколько раз прошла информация о том, что ВСЯ т.н. «шаурма», производимая здесь мигрантами из Узбекистана и Таджикистана, как показала экспертиза, инфицирована сальмонеллой. Не говоря уже о каждодневных обманах, афёрах, грабежах и даже убийствах коренного населения свободно прибывшими сюда несметными бандами из ближнего южного зарубежья, о чём так же ежедневно сообщается нам в телерадионовостях. И не говоря уже о том, сколько среди них завербованных «игиловских» радикалов, торгующих той же «шаурмой». Можно не сомневаться: российская пенсия им, конечно же, лишней не будет.

* * *

Только лишь написал о мигрантах, изготовителях «шаурмы», — и тут же сообщение из ящика: 26 октября в Москве арестована группа из шести человек выходцев из Средней Азии — ячейка завербованных агентов т.н. «Исламского государства» (запрещенного в России), готовивших в столице серию громких терактов. Вполне возможно, что днем они занимались торговлей «шаурмы» и могли рассчитывать на российскую пенсию, обещанную южным мигрантам широким жестом нашего президента. И сколько еще подобных «ячеек» обретается вокруг нас под видом продавцов всяческой отравы, разрешенной к продаже толерантными властями?!

* * *

30 октября в Татарстане арестованы 18 «сторонников ИГ», как сказано в сообщении Центра общественных связей ФСБ. Вот задать бы вопрос в лоб нашему президенту: как вы думаете, откуда они здесь взялись? Уж не с вашей ли лёгкой руки, позволившей «сторонникам ИГ» ежедневно, свободно, тысячами прибывать в Россию, чтобы их тут выискивали и отлавливали сотрудники МВД, ФСБ и Росгвардии? Весёленькую игру в казаки-разбойники вы им придумали!.. А теперь, можно не сомневаться, число этих «сторонников» у нас только увеличится. Ведь это вы, г-н президент, поманили их сюда российской пенсией...